

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2015

№ 3 (31)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Щербинин А.И. (Томск, Россия) – редактор
Сенцов А.Э. (Томск, Россия) – ответственный секретарь
Аванесова Е.Г. (Томск, Россия)
Щербинина Н.Г. (Томск, Россия)
Юсубов Э.С. (Томск, Россия)

EDITORIAL BOARD

Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) – Editor
Sentsov A.E. (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Avanesova E.G. (Tomsk, Russia)
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia)
Usubov E.S. (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Малинова О.Ю. (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва)
Соловьев А.И. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва)
Чахор Рафал (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники (Польковице, Польша)
Шестопал Е.Б. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва)
Шуберт Клаус (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL COUNCIL

Malinova O.Y. (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow)
Soloviov A.I. (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow)
Czachor Rafal (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice Poland)
Shestopal E.B. (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow)
Shubert Klaus (Westphalian Wilhelm University, Muenster, FRG)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

<i>Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.</i> Конструкт «Святая Русь» и его смысловые актуализации	5
<i>Соловьев К.А.</i> Нелегитимное насилие в Древней Руси	15
<i>Кирдяшкин И.В., Скочилова В.Г.</i> Исследование влияния культурно-символического «контекста» на политическую социализацию томской студенческой молодежи	23
<i>Балуев Д.Г., Каминченко Д.И.</i> Влияние так называемых новых медиа на процесс политической идентификации	33

ГРАНИ ПОЛИТИКИ

<i>Песцов С.К., Бобыло А.М.</i> Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке	42
<i>Сухинин С.А.</i> Структурные трансформации геополитического положения Юга России в современных условиях	54
<i>Вандышева Е.А., Сунгуров А.Ю.</i> Контрольная функция парламента: парламентские комиссии по расследованию и счетные палаты	64
<i>Королева Т.А.</i> Особенности современного политического движения женщин	75
<i>Трунтягин А.А., Трунтягин А.Н.</i> Партийное доминирование и перспективы формирования ответственного правительства	83
<i>Гаврилов И.А., Гаврилов А.А., Щербинин А.И.</i> Присоединение украинского Крыма Россией как причина апории со странами Запада	91
<i>Сущенко М.А.</i> Политическая модернизация в КНР: факторы, направления, механизмы	97
<i>А.Б.Запольская.</i> Метод фотоинтервью в исследовании профессионального производства визуального	104
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	114

CONTENTS

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

<i>Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G.</i> The construct «Holy Russia» and its semantic actualizations	5
<i>Solovyev K.A.</i> Illegitimate violence in ancient Russia	15
<i>Kirdjashkin I.V., Skochilova V.G.</i> Investigations of the influence of cultural and symbolic "context" on political socialization of Tomsk students	23
<i>Baluev D.G., Kaminchenko D.I.</i> The impact of so-called "new" media on the process of political identification	33

FACETS POLICY

<i>Pestov S.K., Bobylo A.M.</i> Soft power in world politics: the typology of approaches to measurement and evaluation	42
<i>Sukhinin S.A.</i> Structural transformation of the geopolitical location of the South of Russia in modern conditions	54
<i>Vandyshcheva E.A., Sungurov A.Yu.</i> Control function of the Parliament: parliamentary inquiry commissions and audit chambers	64
<i>Koroleva T.A.</i> Peculiarities of modern women's political movement	75
<i>Truntyagin A.A., Truntyagin A.N.</i> Party domination and prospects of formation of a responsible government	83
<i>Gavrilov I.A., Gavrilov A.A., Scherbinin A.I.</i> The Annexation of the Ukrainian Crimea by Russia as A Reason of Aporia with Western Countries	91
<i>Sushchenko M.A.</i> Political modernization in the People's Republic of China: factors, directions, mechanisms	97
<i>Zapolskaya A.B.</i> Photo-elicitation interview in the research of professional production of the visual	104
INFORMATION ABOUT AUTHORS	114

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

УДК 322: 261.6

DOI 10.17223/1998863X/31/1

А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина

КОНСТРУКТ «СВЯТАЯ РУСЬ» И ЕГО СМЫСЛОВЫЕ АКТУАЛИЗАЦИИ

Рассматривается конструкт «Святая Русь» как один из предельных ценностных конструктов российской ментальности и отечественной политической культуры. Рассматривается зарождение конструкта, его воплощение в концепты «Москва – Третий Рим», «Новый Иерусалим», попытки в прошлом и настоящем использовать его для решения проблем актуальной политики.

Ключевые слова: конструкт, ментальность, Россия, «Святая Русь», патриотизм.

В моменты глубоких переломов, развилок исторического развития, неочевидного будущего возникает потребность не только в поиске идентичности, но и предельных для нее оснований, разделяемых большинством в данном обществе (или могущих стать таковыми). Они кроются в скомбинированных с большей или меньшей достоверностью фрагментах истории, приправленных мифами, принимаемыми на веру. Аналогично образу прошлого это может быть и образ коллективного будущего, конструируемый властью или ее идеологическими агентами (от публичных политиков до писателей, режиссеров, художников, артистов). С целью выработки коллективной идентичности используются пространственные координаты: локальные «маяки» – места памяти, святые места или тотальные, как, например, Родина – это субъективированное и нагруженное смыслами и ценностями пространство страны. Очевидно, если говорить языком маркетинга, «спрос» общества на подобные ценности не всегда одинаков. Впрочем, не всегда на одинаковом уровне остается и «предложение». Нередко проповедуемый властью и ее агентами патриотизм выглядит устаревшим товаром, оставшимся от прошлых сезонов. Напротив, в переломные моменты, один из которых мы сегодня переживаем, значительная часть общества ищет отклика на свои догадки, ожидания, потребности. И здесь само по себе граждански-сакральное понятие «Родина» наделяется *предельными* ценностными характеристиками, а зачастую и идеализируется, вплоть до святости. Православный философ, князь Е.Н. Трубецкой в своей работе катастрофического для России (и Европы) 1918 года называл эту ценность *безусловной*, когда писал о борьбе с деструктивными силами, где одного противостояния им со стороны патриотизма было явно недостаточно: «...Нужно сознание *безусловной ценности* и *безусловной обязанности*. Можно жертвовать своим добром, желаниями, интересами и, наконец, жизнью только ради *святыни*, которую ценишь превыше всяких относительных благ, превыше существования отдельной лич-

ности. Поколебать в людях религиозную веру в святыню вообще и в святыню родины в частности – значит вынуть из патриотизма самую его сердцевину» [1. С. 268]. Князь Трубецкой настаивал на неотделимости патриотизма от *веры православной*: «Одна земля была для русского человека – *земля святая*, освященная могилами отцов, а еще более подвигами мучеников, святителей и преподобных» [1. С. 268]. В этом контексте «утрата родины – прямое последствие утраты святыни» [1. С.268]. Родина, лишаясь *безусловной* ценности, разменивается на групповые и личные интересы, вкусы, выгоды [1. С. 269]. Таким образом, мы видим важность проработки данной проблемы применительно не только к актуальной политике, но и к значимым аспектам российской политической культуры, ментальности русского народа.

Референтной эпохой для оформления представления о святой земле и отождествления ее с Русью является Средневековье. Для средневекового сознания вообще существовала строго и иерархически выстроенная, а также символически понимаемая структура реальностей. В данном контексте настоящей реальностью полагался верхний сакральный божественный мир, а мир нижний, человеческий, мог быть лишь более или менее точным его отражением, копией, образом или символом высшей реальности. Такого рода символизм представлял собой знамение о лучшем мире, его репрезентацию. Образ мира манифестировал о небе и тем самым становился иконическим по форме. И уже в самой смысловой конструкции сочетались два понятия «образ» и «икона», которые в православной традиции слились, поскольку «икона» происходила от греческого «образ» [2. С. 272]. В итоге возникло следующее сопоставление: все земные сущности и видимости являли собою образы или иконы небесного невидимого и сакрального мира. В этой соотнесенности политическая фигура монарха приобретала медиативную и тоже сакрализованную значимость, именно монарх соединял не только две власти, но и две реальности. То есть он сам выступал образом или иконой, наиболее видимой и представительной репрезентацией Бога. Но даже икона, изображающая Христа, воплощала в себе лишь телесную ипостась Бога, тогда как Бог-отец не мог быть, по сути, изображен. Византийский император или русский средневековый царь, таким образом, выступали живыми иконами, «наместниками», замещающими Бога на земле. Это усиливало политическую знаковость и общую семиотичность фигуры монарха. Причем живая икона приобретала характер визуальной неподвижности и ритуальной заданности, напоминая великолепную драгоценную статую. Тем самым монарх как репрезентант принимал участие в божественной власти Христа, который был «Вседержителем», т.е. обладал и небесной и земной властью. Такое представление подразумевало, что образ никогда полностью не отражал первообраз, за исключением тождества образа сына Божия с сущностью Бога-отца [3. С. 70–72]. Все вышесказанное подводит нас к выводу, что образ отличался символическостью своего бытия и стремился к образцу, но лишь иконический образ Христа являлся полным воплощением Абсолюта.

Из всего этого символически сконструированного представления вытекала одна значимая идея – некоторые образы, собственно священные иконы, достойные поклонения, несли в себе высшую истину. К таким иконам относится и образ православного царя, который, борясь с ересью, был призван

и способен отсрочить конец света в эсхатологической перспективе. Отсюда и значение филофеевой конструкции «Москвы – Третьего Рима» как последнего царства на земле. «Соответственно единственный абсолютно “истинный” образ небесного царства Бога – это эсхатологическое царство Христа на земле (по Апокалипсису, на “новой” земле и под “новым” небом)» [4. С. 123]. При этом последнее царство приобретало и особую сакральную значимость, самоценность: «Поспешное усвоение священного смысла царской власти, вся эта удивительная “поэма” о “Москве – третьем Риме” – все это цветы утопизма в плане теократическом, все это росло из страстной жажды приблизиться к воплощению Царства Божия на земле. Это был некий удивительный миф, выраставший из потребности сочетать небесное и земное, божественное и человеческое в конкретной реальности» [5. С. 41]. Но помимо теократической идеи средневековых православных мыслителей Московского царства надо принимать во внимание и русскую средневековую ментальность в целом, заложившую основу мессианского сознания народа. Размышляя о сущности и своеобразии православного опыта в России, А. Карташев пишет: «Русский человек назвал себя, свой народ, свою землю, свое государство, свою Церковь совокупным именем: “Святая Русь”. Ни один из христианских народов не дерзнул на это. Но русский народ облюбовал и присвоил себе это имя не из гордыни, а в смиренном значении посвящения себя на служение святости» (Цит. по: [6. С.196]). Это значит, что миссия носила религиозный, но не политический, духовный, а не захватнический характер.

Таким образом, номинативной иконой, еще более приближенной к истинному образу небесной реальности, мыслилась «Святая Русь». Конечно, Москва – Третий Рим уже само по себе правоверное православное царство Христа на земле, наследница формы великой державы. Данное государство не имело фиксированного или локализованного места пребывания, напротив, оно совершало движение в пространстве. Получалось, что само перемещенное государство обладает мистической властной сущностью, передаваемой через имя «Рим». И его третье воплощение достигло совершенства в России под водительством «настоящего» православного же царя. Само совершенство выражалось в правоверии и раскрывалось во вселенском характере бытия священной державы. Но мысль средневековых пророков шла дальше. Есть примечательное свидетельство о том, что во второй редакции «Послания великому князю» Филофей одним из первых вводит новацию «Святая и Великая Росия», по сути, отождествляя «Москву – Третий Рим» и «Святую Русь». Причем определение «Святая Русь» включается им в царский титул [7. С. 278]. По Филофею выходило, что Святая Русь и есть государство «нашего» государя. Оно единственное во всей вселенной, так как остальные христианские государства мистически соединились в нем. Здесь уместно добавить, что теория Филофея «Москва – Третий Рим» стала московской национальной мифологией, идеологией и одновременно практическим руководством, оформляя представления монархической власти, потому и была востребована несколько веков. Однако данный официальный «уровень» осмысления образа Руси как иконы небесного царства был не вполне релевантен «простецам», с их склонностью к легендарным и сказочным формам символизации, далеким от ортодоксии. Для таковой смысловой и символи-

ческой надобности и вводится в широкий обиход понятие «Святая Русь». «Святая Русь» тоже категория универсальная, описывающая «мир», вселенную: «В русской народной лексике эта функция передана словосочетанию “Святая Русь” (соответственно “земля святорусская”). Важно понять, что за ним стоит, отнюдь не, выражаясь по-нынешнему, национальная идея, не географическое и не этническое понятие. Святая Русь – категория едва ли не космическая» [8. С. 328]. Святая Русь это не территория, но духовный космос, проекция вселенной верующего русского человека.

Согласно народной версии Святой Руси, явленной в Духовных стихах, весь мир подчинен идее религиозного душеспасительного служения и духовного совершенства. Потому русский народ – это народ-богоносец и даже рай сошел на святорусскую землю. Данные стихи не отличаются догматичностью и исторической точностью, но зато они полны эмоционального накала в восхищении святостью как таковой, олицетворенной в символических фигурах и персоналиях, к которым обращен молитвенный дискурс. Не удивительно, что именно на Святой Руси Богородица ищет распятого Христа и вместе с апостолами отпевает праведников на Куликовом поле, царь Ирод посылает по Святой Руси своих посланников, а Георгий Победоносец претерпевает мучения как страстотерпец. И особая судьба Руси связана с «белым» царем, святой иконой (См.: [9]). Так, в песне о Егории Храбром, народном варианте Георгия Победоносца, рисуется образ Святой Руси, объединяющий характерные ее признаки, которые проявляются в связи с мифологемой освобождения героя:

Выходил Егорий на святую Русь.
Завидел Егорий свету белого,
Услышал звону колокольного,
Обогрело его солнце красное.
И пошел Егорий по святой Руси,
По святой Руси, по сырой земле
Ко тому граду к Иерусалиму,
Где его родима матушка
На святой молитве Богу молится [10].

В контексте средневековой интерпретации Святой Руси надо понимать и проект патриарха Никона, замыслившего воссоздать символический центр православного мира – образ Святой Земли по модели Палестины. Никон, в сущности, сконструировал реальность названия, святую икону, чему послужили палестинские номинации. В результате им была воспроизведена топонимика всех основных событий, связанных с пребыванием Христа в Палестине. Формой данного воплощения стал комплекс, в центре которого находится Воскресенский собор, построенный по образцу Иерусалимского храма Гроба Господня. Никон, озабоченный воспроизведением архетипа, отправил Алексея Суханова «с целью достать и привезти точный снимок с иерусалимского храма» [11. С. 162–163]. Окружающим местам тоже были даны палестинские названия: река Истра именовалась рекой Иордань, присутствовали также Назарет, холм Сион и т.д. Неслучайно царь Алексей Михайлович, по выражению историка А.Е. Преснякова, являвшийся «замечательным эстетиком» [12. С. 77–78], т.е. любивший и понимавший красоту, назвал монастырь «Новым Иерусалимом» и акт номинации был отмечен памятным крестом. Само название «Новый Иеру-

салим» стоит в ряду типичных средневековых символических конструкций, означающих подобие образа первообразу и закрепляющих мистическое тождество новой реальности в акте номинации. Так, Москва тоже именовалась «Новым Иерусалимом». В результате стараний Никона можно было не только поклониться святым местам в ритуально-буквальном смысле, но и «виртуально» ходить по Святой Земле как по Святой Руси. «У Святой Руси нет локальных признаков. У нее только два признака: первый – быть в некотором смысле всем миром, вмещающим даже рай; второй – быть миром под знаком истинной веры» [8. С. 331]. Другими словами, Москва – Третий Рим, трансформируясь в Святую Русь, становилась неким всеобщим православным миром, вместилищем духовности народа. Именно так мыслилась особо чтимая икона, адекватное отражение небесного мира в его райской сущности. Отсюда и православный царь – царь над всеми христианскими царями, самый близкий к Богу образ его. И потому первый «венчанный богом на царство» Иван IV изображался на иконах того времени в кругу молящегося народа (См.: [13. С. 435]). Это изображение не соответствовало византийскому образцу официального императорского портрета, но оно вписывается, по нашему мнению, в концепцию Святой Руси как Третьего Рима.

Само по себе обращение к конструкту «Святая Русь» (и термину «святость» в целом) для отечественных, да и зарубежных исследователей, особенно в области древнерусской филологии, философии, богословия и культуры, не является новым. Можно назвать работы В.В. Зеньковского, В.Н. Топорова, В.В. Колесова и др. Все они, так или иначе, относятся к изысканиям в области литературных памятников русского Средневековья и, как водится, опираются на выявление корней слова «святость», сравнительно-лингвистические исследования.

В.В. Зеньковский обращает наше внимание, что поиски священных оснований царской власти, отлившиеся в формулу «Москва – Третий Рим», обнаруживают потребность сочетать небесное и земное, страстную жажду «приблизиться к воплощению Царствия Божия на земле». Искали Святую Русь не только власть и ее идеологи, но и юродивые, видевшие неправды действительности [5. С. 41, 43]. В.В. Колесов подчеркивает, что в момент появления народных представлений и фольклора о «святорусье» Московское государство было в известной мере изолированным образованием [14. С. 236]. Особенно это ощущалось в соприкосновении/противостоянии с другими народами и землями. В источнике, на который ссылается Колесов, «Повести об Азовском осажденном сидении донских казаков» [15], одновременно упоминаются и «Святая Русь», и «свет» в значении как святости (молитва к Иоанну Предтече и Николаю Чудотворцу с обращением 'светы'), так и в значении русской земли (белый свет) и мира, который узнает о славе вечной донских казаков в Азове (весь свет). В этой связи уместно будет обратить внимание на интегрирующий момент в данном тексте. Суть его не только в том, что в русском языке «свят» и «свет» фактически имеют один корень, но и, собственно, в том, что дихотомия 'свет' – 'тьма' связывает воедино 'святость' и 'свет', как оппозицию нечестию и тьме. В ответ на предложение от имени турецкого султана Ибрагима сдаться с прощением и почестями казаки пишут: «Оставя пресветлый свет здешной и будущий (земную жизнь на Руси и спасение души в Царстве Небесном – *Прим.авт.*), во тьму

идти не хочетца» [15. С. 146]. Политически *пресветлый свет* маркирует «государство великое и пространное Московское многолюдное, сияеть оно посреди всех государств и орд...яко солнце». И правит в нем «государь нашъ, великой пресветлой царь» [15. С. 145]. Государство это является святым: свет против тьмы защищает «жена прекрасна и *светлолепна*, на воздухе стояще посреди града Азова... Ино та нас *мать божия богородица* не предала в руки бусурманские, и на них нам помощь явно дающе» [15. С. 152]. Борьба с тьмой ведет казаков к мечтам по освобождению главных христианских святынь – Иерусалима и Константинополя: «А все-то мы применяемся къ Ерусалиму и Царюграду. Лучитца нам так взять у васъ Царьград» [15. С. 145].

Э. Бенвенист в своем сравнительном анализе ключевых социальных терминов, обращаясь к концепту «священное», показывает, что, во-первых, в старославянском языке *světŭ* (рус. *святой*), схож с литовским *šventas*, но что для нас более важно, с древнеиранским *srənta* как древней формы *sanctus*. Таким образом, для всех трех языков это прилагательное «означает 'святой, *sanctus*'» [16. С. 344]. Анализируя другие языки, находя в них общие слова, уводящие к дохристианским корням, Бенвенист указывает, что слово 'святой', восходящее к славянскому *světŭ*, «относится к предметам или существам, обладающим сверхъестественной силой» [16. С. 345]. С этого же начинается и свой труд «Святость и святые в русской духовной культуре В.Н. Топоров [17. С. 7–8]. Подобно древнеиранской сакральной традиции это обозначение, прежде всего, было связано с плодородием, постепенно распространяясь на вещи и явления.

Возвращаясь к изысканиям В.В. Колесова, отметим, что для русского человека той эпохи, 'свет' □ это и энергия, и мир [14. С. 232]. А обозначение Руси с помощью конструкта «белый свет» для нас важно еще и потому, что этот свет для русского человека кончается на русских рубежах. И, отметим, неудивительно с точки зрения политической, что «светорусье» превращается в «святорусье». Сам же Колесов указывает, что народное образование «светорусье» – первично, а церковнославянская форма «святорусие» вторична. Появляется и церковный эквивалент «белому свету» – «божий свет». В этой связи стоит обратить внимание на замечание Колесова: в ранней древнерусской литературе нет понятия «божий свет», а есть «божье царство» или рай [14. С. 236]. Можно сделать предположение, что народная, церковная, да и политическая, традиции в поисках высшего смысла, предельных ценностей нередко разводятся, иногда объединяют, но не противопоставляют «святорусье» и «божье царство».

Известным разъяснением тому является деление, по философу В.С. Соловьеву, на христианство храмовое, на христианство домашнее, являющиеся *фактом*, и на христианство вселенское, которого еще нет в действительности, «оно есть только *задача*, и какая огромная, превышающая, по видимому, человеческие, задача» [18. С. 302–303]. Неосознанное или сознательное смешение Святой Руси как идеала или как утилитарной задачи, и их вместе с Божьим Царством, усложняет раскрытие данной проблемы. Обращение к этому аспекту на общефилософском уровне было характерно для Н.А. Бердяева, который в «Философии неравенства» писал о том, что Царство Божие – вне истории, оно цель истории, конец истории [19. С. 231]. Бердяев указывал на несостоятельность хилиастических учений. Сошествие Небесного Иерусалима на землю не может мыслиться как материальное перемещение и не может мыслиться как противостоящее прошлому буду-

щее. Царство Христово есть вечное, а не будущее, оно не лежит на поверхности: «Царство Божье неприметно. Царство Божье не от мира сего» [19. С. 237]. Обращаясь к идеям и практике большевиков, философ критикует утопию создания социального рая на земле как обман и подмену. Это Антихристово прельщение учреждением земного рая стать выше Христа [19. С. 239]. Вместе с тем редукция идеи до политической публицистики опрощает ее до заклинаний даже у таких философов, каким является Бердяев. Оставаясь как интенция для осмысления веры в Россию у первого поколения русской эмиграции, концепт святости Руси «наполняется» рассуждениями на тему российского своеобразия, которое есть Дар Божий, история коей есть замысел Божий, она – одна из главных святынь личной жизни и т.п. [20. С. 89–93]. Таким образом, концепт Святой Руси/святости России стал одним из духовных ресурсов русской эмиграции в противостоянии советскому режиму. При этом сами авторы не забывали писать о данной уникальной черте России как о кардинальном отличии от рационалистического и атеистического Запада. На наш взгляд, подобная расширительная трактовка Святой Руси, граничащая с мессианством, политизирует эту духовную проблему.

Обусловленные целым рядом причин вольные трактовки понятия «Святая Русь» не являются исключением, но нередко задают тон, расширяя данный концепт на всю Россию в ее историческом, актуальном и перспективном аспектах. Истоки этого следует искать не только в публицистике, но и в более раннем – народном понимании Святой Руси, о чем писал В. Зеньковский, в духовных стихах, очевидно далеких от православного канона. Нынешняя политическая ситуация не стала исключением. Обратим внимание на использование образа Святой Руси А. Прохановым [21]. Его расширенная трактовка включает без остатка всех акторов нашей истории, от преподобного Сергия Радонежского и Троицы Андрея Рублева до современного Крыма, до Новороссии. Последняя преподносится как новая икона, «наш храм и наше будущее». Очевидно, что подобное квазипоэтическое использование образа в идеологических целях неизбежно приводит Проханова к имитации эклектизма народной версии понимания Святой Руси.

Беглый количественный контент-анализ статьи показывает, что на семи страницах прохановских «Глаголов» обнаруживается около пятнадцати примеров явленности Святой Руси. «Святая Русь» открывается им в самых неожиданных местах: в картине Петрова-Водкина «Красный конь», в революционном отряде блоковских «Двенадцати», в празднике Победы, и победы в Крыму год назад. Номинируя русский народ богоизбранным, автор признает, что в нашей истории были «черные дыры», но выход из них – это опять же мироустройство Святой Руси. Что касается бесцеремонного обращения с богословским, да и культуроведческим пониманием иконы, то метафоричность ставит Проханова на грань кощунства и бессмысленности, когда он пишет о том, что «русское оружие – это стреляющая икона» [21. С. 5].

С середины IX века (II Никейский собор, патриарх Никифор, Фёдор Студит) было установлено, что в православной традиции вольная трактовка сущности иконы как зависящей от воображения неприемлема. Образ/икона – это «вечный текст», напрямую обращающийся к разуму верующих, являющийся совечным вечному первообразу Христа [22. С. 61–64]. Максим Исповедник отвечает в катехистической манере на поставленный им же вопрос: «Как созданное по образу возвращается к образу, как почитается Пер-

вообраз, в чем сила нашего спасения и ради чего Христос умер?» [23. С. 36]. Когда Проханов пишет, что солдат, получающий в руки оружие, на него молится, «прижимает к нему свои уста, идет с ним в бой» [21. С. 5], здесь, на наш взгляд, беспредельная метафористика в погоне за формой убивает содержание, бездумно выходя за рамки принятой трактовки Святой Руси. Тем не менее А. Проханов заслуживает внимания своей актуализацией образности Святой Руси, вводя ее в сферу политической коммуникации. Подытоживая, мы можем отметить и общие для позиций различных авторов черты данного феномена: уникальность и манифестируемое своеобразие (отстройку от соседей), тотальность явления и, в известной степени, мессианство. Для Проханова это еще и «империалистический соблазн» как составная часть мессианства, о чем писал в свое время о. Томаш Шпидлик [6. С. 199].

В противоположность такому утилитарно-политическому подходу суть феномена «Святой Руси» традиционно определяет В. Топоров, считающий «Святой Русью» тот остаток нашей долгой и трудной истории в виде великих духовных ценностей: святых людей, святого слова, святых образов-образов (икон), верности святости, устремленности к будущему, мыслимому как святость. Под «Святой Русью» не следует понимать некий фантом или инструмент власти в ее имперском противостоянии остальному миру. Святая Русь не отменяет святости других народов. Чем озабочена Святая Русь, так это проблемой разделения [17. С. 12–14]. Об этом патриарх Кирилл говорил, обращаясь к православным в Киеве в 2009 г. во время пастырского визита, эта идея звучит и в его послании по поводу отмечаемого в 2015 г. тысячелетия со дня преставления святого князя Владимира – крестителя Руси. Таким образом, можно констатировать, что ограниченное утилитарно-политическое перетолкование смысла затрагивает сущностные стороны бытия «Святой Руси». Несомненно, подобные иллюзорно-возвышенные реальности нужны миру обычной политики для того, чтобы дополнять его несовершенство «правильным» измерением. Потому редукция, подгонка под «случай» и дальнейшая знаковая трансформация архетипического представления грозят его переконструированием и заменой на новый концепт.

Литература

1. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е.Н. Избранное. М.: Канон, 1995. С. 7–296.
2. Аверинцев С. Образ Иисуса Христа в православной традиции // Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 256–275.
3. Аверинцев С. Символика раннего средневековья (К постановке вопроса) // Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 59–90.
4. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: «ЭГО», 1991. Т. I, ч. 1. 221 с.
6. Шпидлик, о. Томаш. Русская идея: иное видение человека. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. 464 с.
7. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
8. Аверинцев С. Византия и Русь: два типа духовности // Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 315–365.
9. Митрополит Иоанн (Снычев). Духовные стихи: [Электронный ресурс] <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?id=4143&rzd=1> (дата обращения: 29.04.2015).
10. Егорий Храбрый. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков [Электронный ресурс] <http://homofestivus.ru/egorii.html> (дата обращения: 29.04.2015).

11. *Костомаров Н.* Патриарх Никон // Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Б.и., 1915. Т. II. С. 142–199.
12. *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. 464 с.
13. *Квливидзе Н.В.* Священный образ царя в московской живописи второй половины XVI в. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 430–439.
14. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологич. ф-т С.-Петербур. гос.ун-та, 2000. 326 с.
15. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Памятники литературы Древней Руси. XXVII век. Кн. первая. М.: Худож. лит, 1988. С. 139–154.
16. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс – Универс, 1995. 456 с.
17. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис – Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
18. *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. С. 289–323.
19. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Л.: Лениздат, 1991. С. 7–242.
20. *Бердяев Н.А.* Почему мы верим в Россию? // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х т. Т. 1. С. 89–93.
21. *Проханов А.* Глаголы Русской жизни // Изборский клуб: русские стратегии. 2015. № 1 (25). С. 2–7.
22. *Барбу Д.* Византийский образ: создание и способы использования // Анналы на рубеже веков: Антология / Ред А.Я. Гуревич. М.: XXI век: Согласие, 2002. С. 58–78.
23. *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 760 с.

Alexey I. Shcherbinin . Tomsk State University. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shai52@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/1

Nina G. Shcherbinina. Tomsk State University. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shai52@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/1

THE CONSTRUCT «HOLY RUSSIA» AND ITS SEMANTIC ACTUALIZATIONS

Key words: *construct, mentality, Russia, «Holy Russia», patriotism.*

In moments of deep changes, various paths of historical development and in periods of non-obvious future there appears a necessity to find the ultimate bases of the society identity. Among these bases loaded by the meaning and supreme spiritual values, in relation to Russia, the construct "Holy Russia" is mentioned. Being originated in the era of Russian Middle Ages, it embodied in the well-known Philotheos's formula "Moscow - the Third Rome". Over centuries, the construct played the key role in political culture to substantiate the God's choice of Russian people and the combination of celestial and earth reality on Russian land. Thus, in accordance with the medieval idea, Russia was assigned the role of a kind of "icon" of Celestial Kingdom while the Russian Tsar played the role of the God's reflection on earth. Philotheos's political formula was embodied in the project "New Jerusalem" of Patriarch Nikon, it was adapted by the people and for the people properly to the construct "Holy Russia". Uniting etymologically "holiness" and "light", it manifested the adversarial position of light to the darkness that is to impiety or vicious belief. It can be traced by the author of the article through linguistic research materials and sources. A breakaway from power-religious orthodoxy which was reflected in religious poetry and pastorals, did not affect the basic idea of exclusivity of Russia, but at the same time, the attention was paid to the issues of truth and justice. Russian philosophy (Solovyov V., Trubetskoy E., Berdyaev N.), referring to the problem of "Holy Russia", spotlights the distinction between different levels of Christianity, such as a temple level, a home one and a universal idea. It shows the failure of chiliastic views on the structure of the Kingdom of God on earth. At the same time, being in thrall to the political situation, the philosophers of the first emigration wave repeated those mistakes which they were opposed to. Events of the recent years, complexity of foreign policy situation and a search for bases of identity boosted to quasi-religious writings, where the construct of "Holy Russia" is being newly exploited as a unique one in its originality, total, messianic to imperial desires. All this in a bizarre form combines the rhetoric of "spiritual poems" of the Russian Middle Ages, the first wave of immigrants journalism and at the same time it contradicts the

main purpose of the construct - Orthodox unity, the great spiritual values united in this construct of holy men, holy word, holy images, which can only serve the rise of current Russian policy.

References

1. Trubetskoy, E.N. (1995) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Kanon. pp. 7–296.
2. Averintsev, S.S. (2005) *Drugoy Rim: Izbrannye stat'i* [A Different Rome: Selected articles]. St. Petersburg: Amfora. pp. 256–275.
3. Averintsev, S.S. *Drugoy Rim: Izbrannye stat'i* [A Different Rome: Selected articles]. St. Petersburg: Amfora. pp. 59–90.
4. Averintsev, S.S. (1997) *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of Early Byzantine literature]. Moscow: Coda.
5. Zenkovsky, V.V. (1991) *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Vol.1. Part 1. Leningrad: EGO.
6. Spidlik, O.T. (2006) *Russkaya ideya: inoe videnie cheloveka* [Russian idea: a different vision of Man]. Translated from French by V. Zelinsky. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
7. Sinitsyna, N.V. (1998) *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii. (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. Origins and evolution of Russian medieval concept (15th-16th centuries)]. Moscow: Indrik.
8. Averintsev, S.S. (2005) *Drugoy Rim: Izbrannye stat'i* [A Different Rome: Selected articles]. St. Petersburg: Amfora. pp. 315–365.
9. Metropolitan Ioann (Snychev). *Dukhovnye stikhi* [Spiritual verses]. [Online] Available from: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?id=4143&rzd=1>. (Accessed: 29th April 2015).
10. Egoriy Khrabryy. *Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vekov* [Russian folk spiritual poems of the 11th – 19th centuries]. [Online] Available from: <http://homofestivus.ru/egoriy.html>. (Accessed: 29th April 2015).
11. Kostomarov, N. (1915) *Russkaya istoriya v zhizneopisaniiakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the lives of its principal figures]. Vol. II. Moscow: n.p. pp. 142–199.
12. Presnyakov, A.E. (1990) *Rossiyskie samoderzhtsy* [Russian autocrats]. Moscow: Kniga.
13. Kvlividze, N.V. (2006) Svyashchenny obraz tsarya v moskovskoy zhivopisi vtoroy poloviny XVI v. [The sacred image of the Tsar in Moscow paintings of the late 16th century]. In: Khachatryan, N.A. (ed.) *Svyashchennoe telo korolya: Ritualy i mifologiya vlasti* [The sacred body of the King: Rituals and mythology of power]. Moscow: Nauka. pp. 430–439.
14. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the Word. The World of Man]. St. Peterburg: ST. Petersburg State University.
15. Anon. (1988) Povest' ob Azovskom osadnom sidenii donskikh kazakov [Tale of the siege of Azov seat of the Don Cossacks]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XXVII vek* [Monuments of literature of Ancient Rus. 17th century]. Book 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 139–154.
16. Benveniste, E. (1995) *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms]. Translated from French. Moscow: Progress – Univers.
17. Toporov, V.N. (1995) *Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture* [Sanctity and saints in the Russian spiritual culture]. Vol. 1. Moscow: Gnozis – Yazyki russkoy kul'tury.
18. Solovyov, V.S. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. pp. 289–323.
19. Berdyayev, N.A. (1991) *Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii* [Philosophy of inequality. Letters to the enemies of social philosophy]. In: Berdyayev, N.A. et al. *Russkoe zarubezh'e* [The Russians abroad]. Leningrad: Lenizdat. pp. 7–242.
20. Berdyayev, N.A. *Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov* [Our Mission. The historical fate and the future of Russia. Articles of 1948-1954]. Vol. 1. pp. 89–93.
21. Prokhanov, A. (2015) Glagoly Russkoy zhizni [The verbs of Russian life]. *Izborniy klub: russkie strategii*. 1(25). pp. 2–7.
22. Barbu, D. (2002) Vizantiyskiy obraz: sozдание i sposoby ispol'zovaniya [The Byzantine image: creation and ways to use]. In: Girevich, A.Ya. (ed.) *Annaly na rubezhe vekov* [Annals at the turn of the century]. Moscow: XXI vek: Soglasie. pp. 58–78.
23. Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Researches in the field of history and pre-history of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

УДК 321.17
DOI 10.17223/1998863X/31/2

К.А. Соловьев

НЕЛЕГИТИМНОЕ НАСИЛИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Анализируются случаи применения нелегитимного насилия в Древней Руси (X–XII вв.). Выделены две модели нелегитимного насилия, источниками которого могли выступать княжеские и вечевые структуры власти. Рассмотрены три вида нелегитимного насилия, применяемого в отношениях между князем и территориальной (родовой) общиной; династических-междукняжеских; а также в отношениях между князем и его окружением.

Ключевые слова: историческая политология, нелегитимное насилие, история власти, Древняя Русь.

Легитимное насилие – одна из важнейших характеристик государственной власти. Согласно общепризнанной концепции М. Вебера только государство имеет признанное населением право применять насилие в целях защиты интересов личности, общественных групп или всего населения [1. С. 645]. Эта концепция была разработана для уже сложившегося государства. В обществах же с формирующимися государственными структурами (а именно такой была Древняя Русь в X–XII вв.) все выглядит значительно сложнее. Государство возникает не на пустом месте. Оно замещает собой структуры родового общества. Соответственно, в течение всего периода замещения в сознании населения существует диссонанс двух властных моделей и двух принципов применения насилия: родового и государственного. Применительно к Древней Руси это модели вечевого и княжеского насилия, причем и то и другое было естественным (необходимым, легитимным) до того исторического момента, когда княжеское насилие стало признаваться единственно правильным, выражающим характер сформировавшегося государства. И вечевое, и княжеское насилие имели собственные признаки легитимности. Для вечевого насилия важнейшими признаками были: а) принятие решения имеющимся на данный момент большинством и б) его немедленное исполнение. Можно выделить и несколько признаков княжеского легитимного насилия. Сначала оно распространялось только на две сферы: военную и судебную; применялось в соответствии с «рядом» – договором, заключенным между князем и вечевыми территориальными (племенными) структурами; принимало традиционные формы, в рамках признанных обычаев [2. С. 37–56].

Первым случаем конфликта двух властных систем, вероятно, можно признать конфликт между великими князем Киевским Игорем и древлянами. Вот как этот конфликт описан в «Повести временных лет»: «Игорь, иде в Деревя в дань, и примысляше къ пѣрвой дани, и насилыше имъ и мужи его. ... Идушо же ему въспяты, размысли, рече дружинѣ своей: “Идете вы с данью домови, а язъ възвращюся и похожо еще”. ... Слышавше же древляне, яко опять идеть, съдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ и рокоша:

“Аще ся ввѣдуть волкъ въ овцѣ, то относить по единой все стадо, аще не убьютъ его; тако и сий, аще не убьем его, то вси ны погубить”. И послаша к нему, глаголюще: “Почто идещи опять? Поималь еси вьсю дань”. И не послуша ихъ Игорь, и шедше из города Искоростѣня противу древляне и убиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало» [3].

Выход великого князя за пределы своих полномочий проявляется здесь в намерении взять вторую дань, что противоречило договору с древлянами и его функции судьи и защитника. В приведенном фрагменте эта коллизия семантически выражена оборотом «насиляше имъ». Ответ древлян стал *нелегитимным действием*, поскольку после провала переговоров древляне напали на князя именно с целью его убить, а не изгнать, что выводило их за пределы легитимности.

Попыткой древлян преодолеть *кризис легитимности* стало отправление посольства с предложением заключить династический брак: «Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Ольгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хотимъ» [3]. На это Ольга ответила насилем, представленным в «Повести...» в формах архетипической мести землей и огнем, распространенных у индоевропейцев (славян, скандинавов, германцев) дохристианской поры [4. С. 150; 5. С. 229–303]. Военный поход Ольги на древлян имел все черты великокняжеской легитимности: он представлен как новое завоевание Древлянской земли наследником Игоря, в. к. Святославом: «Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многи и храбры, и иде на Деревьскую землю. И изыдоша древляне противу. И снемъшемся обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на древляны... И рече Свенгелдь и Асмудь: “Князь уже почаль, потягнемъ, дружино, по князи”» [3].

Настоящим преодолением кризиса стали действия Ольги по размежеванию властных полномочий и земельных владений, сначала в Древлянской земле, потом и на других территориях: «И иде Ольга по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляющи уставы и уроки, и суть становища ея и ловища ея. ... и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знаменья и мѣста и погосты» [3]. Семантический стержень этого фрагмента летописного рассказа – «устав» («правила»). Утверждая правила сбора дани, Ольга проводила предварительную работу по *формированию правовых норм* во взаимоотношениях между властью и населением. Таким образом, *легализация полномочий власти* (перевод их из сравнительно неопределенных норм, регулируемых обычаями, в сферу права) позволила не только преодолеть кризис легитимности, но и предотвратить одну из угроз нелегитимного насилия: в сфере сбора дани.

Типологически схожая ситуация возникла в начале XI века в Новгороде, в отношениях между князем Ярославом Владимировичем и новгородцами. По сути это был *микроразрыв легитимности*, сформировавшийся на фоне другого – общего кризиса, вызванного нелегитимными действиями Святополка Окаянного, пытавшегося присвоить права великого князя. Отношения внутри династии Рюриковичей были конфликтными на протяжении всей истории Руси. Но при разрешении этих конфликтов насилие применялось, как правило, лишь в ходе военных действий. Убийство князя вне сражения,

сразу же выводило убийцу из сферы легитимности. Именно так развивались события в 1015–1016 гг., после смерти Владимира Святославича. Дружина Владимира предложила стать великим князем Борису Владимировичу, но тот отказался, не желая идти на конфликт со старшим братом. А князь Святополк совершил втайне подготовленное убийство конкурента, что вошло в противоречие и с родовой традицией честного вооруженного противостояния, и с новой, только формирующейся традицией – христианского поведения. Другие признаки нелегитимности действий Святополка: а) при совершении убийств были использованы наемники; б) нападение на братьев было личным решением князя, принимаемым вне установленных процедур, никак не связанным с поступками жертв; в) оно было нацелено на устрашение и дезорганизацию других возможных претендентов на власть. Все это складывается в единую характеристику княжеского нелегитимного насилия, которое применялось в конкурентной борьбе за власть без военных действий и вне суда (который невозможен для представителя правящей династии).

Действия Святополка не оставили Ярославу, княжившему тогда в Новгороде, никаких других вариантов действий, кроме вооруженного сопротивления. И это сопротивление, осененное образами безвинных жертв, становилось частью политики, не только правильной, но и *праведной*, чему способствовало установление и распространение в дальнейшем культа святых благоверных страстотерпцев Бориса и Глеба. Но в это же самое время сам Ярослав балансировал на грани легитимности в своих отношениях с новгородцами. Вот как развивались эти события: «Ярославу же не вѣдущо отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородъцемь. И, вѣставша на нь, новгородъци избиша варягы въ дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ и, шедъ на Рокъмь, и сѣде въ дворѣ. И пославъ к новгородъцемь и рече: “Уже мнѣ сихъ не крѣсити”. И позва к собѣ; нарочитая мужа, иже бяху исъсѣкли варяги, и обльсти я сице, исѣче их 1000. В ту же ночь приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передьславы: “Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ в Киевѣ, уби Бориса и по Глѣба посла, а ты блюдися сего повелику”» [3].

Кризис, вызванный взаимным насилием, налицо. Его разрешением стали переговоры Ярослава с новгородцами, изложенные буквально в двух фразах: «И утре слезъ и рече имъ на вѣчѣ: “Отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ в Киевѣ, избивая братью свою”. И рѣша новгородъцѣ: “Аще, княже, братья наша исѣченѣ суть, можемъ по тобѣ бороти”». Эти две фразы представляют собой начало (фраза Ярослава) и конец (ответ новгородцев) переговоров, но не дают представления о том, каким образом Ярослав сумел добиться если не прощения, то своего рода «забвения» совершенных убийств и помощи в борьбе со Святополком. В Новгородской Первой летописи под 1016 г. встук идет описание конфликта Ярослава с новгородцами, его борьба за Киев и Краткая редакция «Русской правды» – первого сборника законов Древней Руси. Начинается она, как известно, статьей об убийстве: «Убиет муж мужа...» [б. С. 84], т.е. о том деянии, вокруг которого разгорелся (и чем продолжился) кризис легитимности власти Ярослава в Новгороде.

Таким образом, и здесь можно говорить о том, что выход из ситуации применения нелегитимного насилия (и его эскалации) состоял в том, что на смену ситуативным решениям, вырабатываемым под влиянием эмоций и ориентированным на традицию и обычаи, приходят отношения права. *Легальность власти* становится главной опорой ее вертикальной (по отношению к населению) легитимности. Но возникающая легальность не затрагивала отношений между членами правящей династии, не подлежащими суду, поскольку князья сами были источником права. Здесь действовали другие подходы. Одним из таких новых подходов стало стремление установить *правила соправления* в форме распределения «столов». Вторым – формирование и укрепление культа святых-страстотерпцев Бориса и Глеба в XI–XII вв. Оба подхода позволяли выстраивать новые ориентиры горизонтальной легитимности. При этом рамки культа Бориса и Глеба создавали возможности для появления самых разнообразных трактовок права на власть внутри династии [7], а это, в свою очередь, вело к возможности проявлений как легитимного, так и нелегитимного насилия.

Наиболее ярким примером последнего стало ослепление Василка Требовальского в 1097 г. События развивались следующим образом: после нескольких лет междоусобиц, осложненных регулярными приходами половцев в русские земли, князья собрались в Любече, закрепив крестным целованием распределение «столов»: «Каждо держити очьчину свою: Святополку – Киевъ Изяславль, Володимерь – Всеволожу, Давыдъ и Олегъ, Ярославъ – Святославлю, имже раздаять Всеволодь города: Давыдови Володимерь, Ростиславичема – Перемышль Володареви, Теребовль ... Василькови» [3]. Элементы легитимности в описании съезда князей и его решений таковы:

- на съезде были представлены все старшие князья – внуки Ярослава Мудрого и два его правнука – Ростиславичи;
- решение было совместным, как сейчас бы сказали, – консенсусным;
- за основу выработанного решения была принята отчинная традиция – воля Ярослава и его сына Всеволода, в бытность того великим князем Киевским;
- решение закреплено обрядом крестоцелования, и этот крест (в победном для него сражении со Святополком Изяславичем) использовал Василько Требовальский («И поидоша обои противу собѣ к боеви, и съступишася полци, и мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковыми вои узвышшыиися вельми») [3].

Но решения, принятые по взаимной договоренности и не закрепленные законом, предполагавшим ответственность за несоблюдение договора, легко было нарушить. Что и произошло, причем не в легитимной форме воинского противостояния, а в формах нелегитимного насилия. В последующем летописном рассказе, записанном со слов свидетеля событий Василия, упомянуты две такие формы.

Первая: князь Давыд Игоревич оклеветал перед великим князем Киевским Святополком своего недруга – Василко Требовальского. Великий князь приказал Василко пленить и ослепить, выдав затем князю Давыду. Пленение одного князя другим в сражении – легитимная форма княжеских взаимоотношений. Пленение коварством и хитростью, а тем более ослепление – нет, что и выражено в «Повести...» словами князя Владимира Мономаха: «Сего

не было есть у Русьской земли ни при дѣдехъ наших, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла» [3]. Решение об ослеплении отсылает нас к истории скандинавских конунгов, в частности к «Саге об Эймунде» [8. С. 89–104], в которой упомянут ослепленный Олавом Святым (старшим современником Ярослава Мудрого) конунг Ререк. «Неправота» (нелегитимность) ослепления одним князем другого была столь очевидна, что впоследствии Святополк перекладывал вину на Давыда: «И рече Святополкъ: “Повѣдалъ ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хочеть убити и зяти волость твою ... И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и вель и к собѣ”». А Давыд, в свою очередь, отрекался от своей роли в этом деле: «Ци я се створилъ, ци ли у моемъ городѣ? Язъ и самъ боялься, аще быша и мене не яли и створили то же. Неволя ми было пристати свѣту ихъ, ходящу в рукахъ ихъ» [3].

Вторая же форма нелегитимного насилия стала ответом на первую. Но это уже насилие совсем иного рода: Василько и его брат Володарь, мстя князю Давыду, осадили принадлежавший тому городок Всеволож и разорили его: «Онѣма же ставшима около Всеволожа и взяста копьемъ городъ и зажъгоста огнемъ, и выбѣгоша людье от огня. И повелѣ Василко вся исѣщи, и створи Василко мышценье на людьхъ неповинныхъ и проляя кровь неповинну» [3].

Инициативу по преодолению кризиса легитимности, грозившего вызвать все новые и новые формы насилия, пришлось взять на себя Владимиру Мономаху. В процесс ликвидации последствий этого кризиса были вовлечены все князья, принимавшие участие в Любеческом съезде; мать Мономаха («Всеволодова вдова»), «молившая» сына не мстить Святополку Изяславичу; митрополит, киевское духовенство; вечевые собрания Киева и других городов, вовлеченных в княжеские междоусобицы. Точка в этой истории была поставлена на съезде в Уветичах (1100 г.), ссылкой князя Давыда Игоревича в Дорогбуж. Но условия для исключения или хотя бы ограничения возможности использования насилия в междукняжеских отношениях созданы не были, что и провоцировало, раз за разом, применение как легитимного, так и нелегитимного насилия в борьбе за земли и власть, вплоть до ослепления великого князя Василия Васильевича в ходе феодальной войны первой половины XV века.

Совсем иной формой нелегитимного насилия стало убийство великого князя Андрея Боголюбского. Само убийство и его последствия подробно изложены в Ипатьевской летописи: 20 заговорщиков в ночь с субботы на воскресенье 28 июня 1175 г. ворвались в покои князя и убили его «мечи и саблями, и копиинныя язвы даша ему» [9]. На то, что это было не спонтанное решение и заговор готовился уже какое-то время, указывают сразу несколько деталей. *Первая* из них – количество вовлеченных в убийство. *Вторая* – совещание заговорщиков («совет лукавых»), толчком к которому стало распоряжение Андрея казнить брата Якима, названного в «повести...» слугой великого князя «възлюблены имъ». Сама речь Якима к «братии» («Днесь того казнилъ, а насъ завтра, а промыслимы о князѣ семь») свидетельствует (возможно) о панике среди заговорщиков, решивших, что их заговор открыт и потому вынужденных действовать быстро: «И пришедъши ноши, они же

устрѣмивъшеся, поймавъше оружья, поидоша на нь, яко звѣрьє свѣрпийи...». И, наконец, третья деталь: переговоры заговорщиков, после совершения убийства, с представителями городской общины Владимира: «...и скупиша полкъ, и послаша къ Володимѣрю: “Ти что помышляете на насъ? А хотим ся с вами коньчати, не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же в той же думѣ!” И рѣкоша володимѣрци: “Да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ”» [9].

«Дума» ближайшего окружения Андрея (один из заговорщиков – Амбал – ключник великого князя, руководитель заговора и его активные участники Петр, «зять Кучкович», и сами Кучковичи – родственники Андрея по его первой жене) с частью «дружины Владимира» (т.е. владимирских бояр) – самое важное свидетельство намеренного выхода части элиты Владимирской земли из легитимного поля, для защиты своих интересов и, возможно, жизни. Почему это могло произойти – таких ответов источники не дают. Но та же Ипатьевская летопись содержит информацию о том, как поступил Андрей Юрьевич, утвердившись во Владимир-Суздальской земле. Под 1062 г. в ней значится запись: «... выгна Андреи епископа Леона ис Суждаля и братью свою погна, Мстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца свои переднии. Се же сотвори хотя самовластец быти всеи Суждальской земли» [10. С. 520]. Эти события, не отраженные во владимирско-суздальском летописании (Суздальской летописи и Переславского летописца, где под тем же годом стоит запись «Не бысть ничто же» [11. С. 90]), показывают нам, как Андрей Боголюбский сузил пространство собственной легитимности. Термин «самовластец» может быть трактован и в духе византийской традиции как «самодержец». Но может пониматься и как тиран. Великий князь отказался подкрепить свою власть авторитетом династии, не захотел опереться на бояр, служивших его отцу, начал конфликт с церковными иерархами. Какие еще элементы легитимности у него оставались, если учесть, что с вечевыми структурами старейших городов этой земли – Ростова и Суздаля – он имеет дела не хотел? Ответ – только его личная харизма, самый ненадежный из всех инструментов легитимности.

Итак, мы видим, что в Древней Руси существовало несколько видов нелегитимного насилия. Первая (по времени) – насилие в ходе взаимодействия князя и территориальной общины (коллизии Игорь –древляне, Ярослав – новгородцы). Вторая – насилие в ходе княжеских междоусобиц (убийство Бориса и Глеба, ослепление Василко Требовальского). И третий – насилие представителей правящей элиты по отношению к собственному князю (убийство Андрея Боголюбского). Устранение возможностей для применения нелегитимного насилия первого вида стало возможно при расширении поля легальности для великого князя. Те формы взаимодействия власти и населения, которые регулировались законом, были ограждены от применения нелегитимного насилия, как с той, так и с другой стороны. Второй вид насилия – в междукняжеских отношениях – не был (и не мог быть) урегулирован законом. Поэтому насилие одного князя по отношению к другому регулярно воспроизводилось в XII–XV веках. А вот условия для актуализации нелегитимного насилия третьего вида в XIII–XIV веках не складывались во

многим из-за того, что изменились условия функционирования власти князей, попавших под политическое влияние Орды и вынужденных, в подспудной борьбе за легитимность, опираться на боярскую элиту, а не конфликтовать с ней.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
2. Соловьев К.А. Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1999.
3. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. [Электронный ресурс]. – <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения 17.07.2014)
4. Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 148–157.
5. Бучилина Ю.Н. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции // Вестник Нижегородского университета. 2008. Т. 5. С. 299–301.
6. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1888. Т. 3. 576 с.
7. Соловьев К.А. Культ Бориса и Глеба во властных отношениях Древней Руси. М.: Спутник+, 2007. 251 с.
8. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1978. М., 1978.
9. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4937> (дата обращения 1.07.2014).
10. Ипатьевская летопись // ПСЛР. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
11. Летописец Переслава Суздальского // ПСРЛ. М.: Археографический центр, 1995. Т. 41. 184 с.

Konstantin A. Solovyev. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: ksoloviov@spa.msu.ru, solovka-05@yandex.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/2

ILLEGITIMATE VIOLENCE IN ANCIENT RUSSIA

Key words: *historical politology, construct, illegitimate violence, history of power, ancient Russia.*

Legitimate violence is one of the most important characteristics of the governmental authority. According to the generally recognized concept of M. Verber only the government has a right (recognized by the population) to use the violence in order to protect the interests of a person, communities or the whole population. This concept concerns an established government. In the communities where the governmental structures are in the process of forming (like ancient Russia in X–XII centuries) the situation is more complicated. The government does not appear with no base. It substitutes the structures of a tribal society. During the substitution period, in the collective consciousness of the population exist two contradicting authority models and two models of violence respectively: a tribal model and a governmental one. In ancient Russia this models were «veche violence» and «knyaz violence». Both of them had been recognized as natural (legitimate) until the knyaz violence model became the only one considered as a right one and reflecting the type of new formed nation state.

Several types of Non legitimate violence existed in ancient Russia. First type (by the time of appearance) was the violence between a knyaz and a local society (collisions: Igor-Drevlians, Jaroslav-Novgorodians). Second type: violence between knyazes (blinding of Vasiliko Trebovalsky). Third type: violence of governing elite members towards the knyaz (Andrey Bogolyubsky murder).

The first type of non-legitimate violence was liquidated while the sphere of legitimacy of grand knyaz was spreading. The forms of cooperation between government and population regulated by the law were protected from non-legitimate violence by both parties.

The second violence type (between knyazes) was not (and couldn't be) regulated by law. Therefore the violence between knyazes was practiced on a regular basis in the XII–XV centuries. During

XIII–XIV centuries there were no conditions for initiation of 3rd type of violence due to the change of the of knyazes' government functioning terms. That time knyazes were under the political influence of Orda and struggling for legitimacy they had to rely on the elite stopping the conflicts with it.

References

1. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
2. Solovyov, K.A. (1999) *Vlastiteli i sud'i. Legitimatsiya gosudarstvennoy vlasti v Drevney i Srednevekovoy Rusi* [The rulers and judges. The legitimization of state power in the ancient and medieval Russia]. Moscow: Universitetskij gumanitarnyj litsey.
3. Anon. (1997) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Ancient Rus Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>. (Accessed: 17th July 07.2014)
4. Gurevich, A.Ya. (1994) *Dialektika sud'by u germantsev i drevnikh skandinavov* [The dialectic of fate in Germans and ancient Scandinavians]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in different cultures]. Moscow: Nauka. pp. 148–157.
5. Buchilina, Yu.N. (2008) Women's archetypes in the Nibelungenlied in the context of previous and subsequent cultural tradition. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*. 5. pp. 299–301. (In Russian).
6. Anon. (1888) *Novgorodskaya letopis' po sinodal'nomu kharateynomu spisku* [The Chronicle of Novgorod 1016–1471]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. St. Petersburg.
7. Solovyov, K.A. (2007) *Kul't Borisa i Gleba vo vlastnykh otnosheniyakh Drevney Rusi* [The cult of Boris and Gleb in power relations of ancient Russia]. Moscow: Sputnik+.
8. Rydzevskaya, E.A. (1978) *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX–XIV vv.* [Ancient Rus and Scandinavia in the 9th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
9. Anon. (1997) *Povest' ob ubienii Andrey Bogolyubskogo* [The story about the murder of Andrei Bogolyubsky]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Ancient Rus Literature]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4937>. (Accessed: 1st July 2014).
10. Anon. (1998) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. *Letopisets Pereslavlya Suzdal'skogo* [The Chronicler Of Pereyaslavl-Suzdal]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 41. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.

УДК 316.61:32; 316.7:32
DOI 10.17223/1998863X/31/3

И. В. Кирдяшкин, В. Г. Скочилова

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО «КОНТЕКСТА» НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ ТОМСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Представлены предварительные результаты исследования характера релевантности политической ментальности студенческой молодежи г. Томска современному культурно-символическому контексту политической социализации молодежи на примере изучения характера конструирования политической реальности студенческой молодежью НИ ТГУ и ТУСУРа.

Ключевые слова: социализация, молодежь, политическая социализация молодежи, социализационный контекст.

Исследование процессов и методов политической социализации в его взаимодействии с культурным контекстом сопряжено с определением ее как процесса коммуникации. В данном случае коммуникация рассматривается через призму концепции Н. Лумана и представляет процесс отбора релевантных ее первичным основаниям информационных событий [1]. Коммуникация как средство познания политического мира есть и определенный свод представлений, который не предполагает отрицание первичной реальности. Она состоит в опыте когнитивных операций, образующем «память» общества, представленную, в том числе, культурой общества, логика которой тесно связана с логикой ментальности человека. Эта логика есть «нить», соединяющая структуры ментальности человека и политический мир. На эту «нить» и нанизываются способы интерпретации политической реальности как способы коммуникации, образуя коммуникативный контекст. Структуру коммуникативного контекста политической социализации составляет культурно-символический контекст. «Коммуникативный контекст маркирует истинность той или иной смысловой репрезентации политического мира... через придание его интенциям соответствия умонастроениям молодежи закладывает характер эволюции политического мира как системы установок действия и мысли, смыслов свободы человека» [2. С. 82–83]. Тем самым культурно-символический контекст политической социализации молодежи выступает как средство построения картины политической реальности.

Исследования культурно-символического контекста политической социализации основываются на определении культуры как символического средства деятельности человека в мире Э. Кассирера. Согласно автору, структура единого социокультурного универсума, говорим ли мы о политических, религиозных, производственных или каких-либо других функциях человека, предполагает различное использование символического инструментария [3]. Культура в данном отношении имеет прямое отношение к процессу политиче-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-70001.

ской социализации, так как именно средствами культуры молодежь реализует процесс передачи и обработки получаемой информации, массив которой в современном обществе растет. В данном отношении культура выступает как контекст политической социализации в значении средства информационных обменов и селекций. На языке культурного контекста человек интегрируется в интерсубъективный мир общества, составляющий основу политической реальности. Культурный контекст влияет на то, что в процессе политической социализации формируется не просто абстрактный гражданин, а гражданин, располагающий особенными навыками осмысления политической реальности и ее изменения, работающими только в пределах границ этой реальности. Культурно-коммуникативный контекст образует символическое пространство ограничения в отборе информации в процессе политической социализации, артикулируя в качестве ведущих способов понимания политической реальности те, а не иные политические смыслы и формы операционализации политических событий, реализующие стратегию социально-политического контроля и форм регуляции политической социализации.

Так, одной из ведущих форм культурно-символического контекста является политическая идеология, выступающая как культурный феномен в политическом пространстве, поддерживающий структурирование символического универсума. Политическая идеология направлена на формирование символических образов и уже имеет в своем арсенале общепринятые культурные символы, которым свойственно утилитарное прочтение и которые задают и поддерживают социальные связи политических агентов. Так, политическая идеология выступает как схематизирующая система, в которой политическая реальность «маркирована и разграничена, то есть интерпретирована в рамках идеологического конструкта... посредством символических форм, а пространство дуальных оппозиций уже заранее наделено смыслами, осваиваемыми индивидами как социально-политический опыт» [4. С. 94]. Идеология определяет форму и характер существования ментального в реальном политическом мире, она преобразует картину политического мира и организует восприятие политической реальности индивидами, вносящими в эту реальность собственные трактовки, эмоции, оценки, которые сами зачастую являются, по мнению Э. Кассирера, воображаемыми.

Таким образом, культурно-символический контекст политической социализации воздействует амбивалентно. С одной стороны, он представляет собой культурно-символический комплекс внешнего мира, детерминирующий политическую реальность локального общества и сознание человека, реализуя процесс инореференции как презентации разнообразия культурных приоритетов смысла систем окружающего мира, других культурно-исторических сообществ и глобального мира в целом. С другой стороны, культурно-символический контекст артикулирует средства редукции этого разнообразия, содержащиеся в архетипах традиционной, в частности, отечественной культуры и ее региональной составляющей, реализуя проект самореференции, артикулирующий внутренний смысл политической реальности, полученный путем отбора информации в прошлом, и выступающий средством познания систем внешнего мира.

Культурный контекст политической социализации может выступать как средством хаотизации политической социализации, так и средством, проецирующим потенциальные возможности согласия, синтеза культур и образов жизни. Одной из значимых тенденций современного глобального культурно-символического контекста является усиление темпов развития социального порядка и увеличения разнообразия источников культурно-символического контекста как априорной формы коммуникации, что, в свою очередь, определяет усиление неопределенности коммуникации, т.е. ее блокирование. Тенденция сопровождается увеличением значимости индивидуальных приоритетов и ценностей, ростом эффекта технических средств коммуникаций и производства «представлений» о социальной реальности. Современный культурно-символический контекст стимулирует участие человека в его формировании, со-творчестве культурного плана бытия, создавая чрезвычайно сложную картину нормирования политического выбора и ослабляя социокультурные предпосылки политического консенсуса.

Ускорение темпов изменений порождает значимость в качестве средств саморегуляции «быстрого знания», основанного на стереотипах и архетипах. В современном, прежде всего, глобальном культурно-символическом контексте на передний план выдвигается ценностная система «небезопасного общества». У. Бек, как автор концепции «общества риска», рассматривает мировое общество риска как ситуацию, когда ни в одной из сфер жизнедеятельности мы не можем рассчитывать на определенность, что рождает скрытое квазиреволюционное общество, стимулирующееся последствием технологических решений политических проблем [5]. Это формирует соответствующие культурные образцы в качестве нормы «культурного взрослого», выступающие ведущими средствами редукции разнообразия культурных стратегий, смыслами которой становятся полюсы безопасности. Основным полем этой редукции выступает сфера виртуальных проекций социально-политических отношений, поэтому важным символическим контекстом современной политической социализации молодежи стали визуальные продукты современной техники и культуры, представляющие основные каналы влияния культурно-символического контекста и формирования образа политической реальности, ее механизмов и смыслов.

Особенностью общероссийского культурно-символического контекста политической социализации молодежи является тенденция, связанная с ростом культурных различий и образов жизни как производных влияния глобальных средств коммуникаций. Это делает культурно-символический контекст полистилистическим, формируя неоднородные, гибридные формы предпосылок образа и ориентаций «человека политического», накладывающиеся на процесс постсоветских трансформаций общества и его культурных ориентаций. Редукция этого растущего разнообразия в российском культурно-символическом контексте связана как с активизацией традиционных предпосылок политической реальности и ее государственной формы в качестве ведущих конструкций, которые инициируются вызовами глобального мира и проблемами безопасности, так и с элементами реставрации советской идеологии, символов сильного государства и его лидера как точек отсчета политической реальности. Они основываются на ключевых интенциях оте-

чественной культурной традиции, в которой государство представлялось как полюс Правды, т.е. высшей ценностью в дуалистической «картине мира».

Особенностью томского регионального культурно-символического контекста являются культурно-символические феномены Томской области как «обучающегося региона» [6]. Они складываются в процессе ее позиционирования в России и за рубежом. Последний аспект стал сегодня важным фактором формирования региональной идентичности, формирующейся в пространстве мнения, потребностей, смыслов деятельности «глобальной аудитории».

Идентичность «обучающегося региона» связана с процессами формирования интенсивных связей региона с разными экономическими и культурными мирами, символизирующими способность и желание регионального культурного сообщества не только жить в «обучающемся режиме», но и являться мощным источником культурной продукции как контекста политической социализации в стране и в глобальном мире. Это обусловлено, прежде всего, высокой концентрацией научно-образовательной инфраструктуры, вузовской интеллигенции и учащейся молодежи как важных источников ресурсов культурно-символического позиционирования Томского региона в России, выразившейся в устойчивой позитивной идее-образе «Томск – город – форум».

Вместе с тем подобное позиционирование региона несет определенные риски. Потенциальная связь студенческой молодежи не только с региональной культурой отношений, но теми проектами организации жизнедеятельности, которые приходят из глобального мира, где уровень культурных различий значительно больший, чем в регионе, предопределяет большее давление факторов хаотизации. Но важно отметить и то, что элементы идентичности «обучающегося региона» могут иметь эффект генерализации культурных различий коммуникативного контекста политической социализации региональной студенческой молодежи, при условии ее вовлеченности в интегративные региональные практики. Целостность или разрозненность политической ментальности студенческой молодежи, ее устойчивые паттерны политической ментальности являются неким маркером эффекта стратегии «обучающегося региона» как региона, связанного общими стратегиями изменений, смыслами жизненных ориентаций. Жизненные ориентации составляют внутреннюю структуру возможностей региона, так как «политическая картина мира» составляет часть жизненных стратегий молодого человека в обществе.

В исследовании характера релевантности политической ментальности студенческой молодежи г. Томска современному культурно-символическому «контексту» политической социализации приняли участие студенты 1–5 курсов гуманитарных специальностей НИ ТГУ и ТУСУР. Из них: студенты философского факультета НИ ТГУ – 31%, факультета психологии НИ ТГУ – 55 %, студенты факультета журналистики НИ ТГУ – 10 %, студенты экономического факультета ТУСУР – 4 %. Всего в комплексном исследовании приняли участие более 120 респондентов.

Были выделены последовательные стадии исследовательских работ (2014–2015 гг.), позволяющие выявить устойчивые ценностно-

символические конструкторы и паттерны политической ментальности, степень их преобразования под воздействием внешней политико-культурной среды, в том числе идеологических факторов, и в целом культурно-символического контекста. Поэтапное исследование предполагает артикуляцию наиболее устойчивых доминант политической ментальности, выявление которых обнаруживает связь политической ментальности с тем или иным диапазоном культурного контекста как направляющей проекцией политической социализации.

В первую очередь, в фокусе нашего внимания оказался метод исследования жизненных переживаний социализирующегося агента, погруженного в определенный «контекст», позволяющий понять, как человек переживает политический мир, как видит себя в нем, в том числе и в региональном измерении. Познание смысловых доминант студента в политической сфере было осуществлено с помощью феноменологической методологии.

Феноменологическое исследование переживаний политического измерения социальной жизни может осуществляться в форме интервью либо в форме письменного изложения [7. С. 210]. Наиболее релевантным целям и задачам исследовательского проекта оказался второй вариант – феноменологический опрос, предполагающий письменное изложение мнений, оценок, переживаний и отношений к поставленным проблемным вопросам и ситуациям. Так, исследование было проведено в форме стандартизированного опроса с открытыми вопросами, в котором респонденты давали ответы в свободной форме. В отдельных случаях допускалось визуальное отображение переживаний политического мира как «контекста» субъективного опыта.

Формализованный опросный лист разработан с учетом динамических характеристик политической сферы современной России и включает следующие группы вопросов: 1) вопросы, связанные с общим переживанием (мироощущением) политики как сферы взаимодействия людей, реализации и формирования культурно-символического опыта (переживание политической власти, отношение к власти, ценность власти, стереотипы о власти и т.п.); 2) переживание актуальной политики: вопросы, позволяющие выявить устойчивые представления и стереотипы, в том числе о текущих российских политических процессах, и смысловые доминанты (ценностно-символические, образные конструкции), влияющие на процессы политической социализации студенческой молодежи.

Вторую часть исследования составили методы психологического тестирования, которые предоставляют возможность диагностики расположенности индивидуальных психологических установок студентов к тем или иным смыслам, направленности символического «контекста» политической социализации студенческой молодежи г. Томска.

Во-первых, методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкиной), направленная на выявление степени выраженности социально-психологических установок (ориентаций на процесс, результат, альтруизм, эгоизм, труд, деньги, свободу, власть) и позволяющая определить степень мотивации и направленность ориентаций в повседневной жизни [8. С. 641–648]. В рамках исследования методика позволяет определить характер взаимодействия человека с социальным миром, степень соответствия индивидуального «кон-

текста» социальным ценностно-нормативным схемам, через призму которых социализирующийся индивид встраивается в политический мир.

Во-вторых, тест культурно-ценностных ориентаций (Дж.Таусенда), в основу которого заложено представление о трех типах культуры (традиционная культура, современная культура и динамически развивающаяся культура) и целью которого является определение основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры [9. С. 212–215]. В исследовательском проекте методика позволяет описать культурную ориентацию студенческой молодежи г. Томска в модусах прошлого – настоящего – будущего как доминирующих паттернах ментальных репрезентаций в социализационном контексте.

Анализ полученных данных исследования демонстрирует, что наиболее устойчивыми являются образы власти, характерные для российской политико-культурной традиции. Представления о власти как о мощной, сильной, управляющей руке дополняются между тем представлениями о власти как об обезличенном «механизме» управления и контроля над обществом и людьми. Характерным также является двойное представление о формах отправления власти: в ответах респондентов отмечаются образы власти как верховной единоличной власти, подавляющей людей и одновременно с этим заботящейся о народе, но существенное большинство ответов изображает коллективное начало власти – как закрытую группу, управляющую людьми и процессами, и, что немаловажно, часто в собственных интересах. Современная власть в представлениях опрашиваемой части томского студенчества является скорее ресурсом материальных благ, тогда как символическая составляющая власти, как, например, престиж, статус и т. п., подчеркивается респондентами в меньшей степени. Тем не менее в описании власти респонденты отталкиваются от идеального представления об ее демократических основах и, вместе с тем, социальной ориентированности, в чем сказывается, с нашей точки зрения, отличие студенческой аудитории.

Представления о российской власти носят более однозначный характер. В большинстве случаев это персонализированная власть (Путин или Медведев и Путин), и даже коллективная составляющая власти имеет конкретное образное выражение: Единая Россия, Правительство, Государственная дума и пр. Реже российская власть в представлениях респондентов носит неопределенный, обезличенный характер, но тем не менее признаются её сила и авторитет. При этом в образе сильной и решительной власти сочетаются разнонаправленные идеологические модели. Так, например, Путин в представлениях студентах одновременно выступает как консерватор и модернизатор, оказываясь «своим» для многих.

Вопросы о региональной власти и региональной идентичности вызвали наибольшее количество затруднений у респондентов. Символическая составляющая региональной власти напрямую связана с центральной властью, тем самым опрашиваемые представляют абсолютную зависимость региональных властей от федерального центра. Что характерно, региональная власть по преимуществу носит абстрактный характер и в представлениях опрашиваемых «не существует». Респонденты не ощущают какого-либо влияния на их жизнь со стороны региональных властей. В общей картине

особо выделяются ответы респондентов – иногородних студентов, в частности студентов из Кемеровской области. В их представлениях региональная власть четко ассоциируется с образом одного из последних «тяжеловесов» и «долгожителей» региональной политики А. Тулеева. Его образ символизирует честную, надежную, стабильную и даже отеческую власть (например, «Добрый дядя»).

Исследование показало также, что в ответах почти не просматривается культурный символизм стратегий внешнего позиционирования томского региона как «обучающегося региона». Опрашиваемая часть студентов не связывает свои действия с региональной стратегией формирования среды, где может вырасти креативный, инновационный класс. На наш взгляд, это также является следствием того, что традиционные конструкции отечественной ментальности, отождествляющиеся с действиями центральной государственной власти, нивелируют региональный аспект в сознании томских студентов.

Немалое количество респондентов уверены в своей способности повлиять на власть через установленные законом формы выражения политической воли и осознают, что политические решения влияют на их повседневную жизнь. При этом студенческая молодежь не всегда связывает текущую политику с решениями и действиями российских федеральных и региональных властей. В целом, хотелось бы отметить эклектичный характер представлений студенческой молодежи г. Томска о политике и политических процессах и вместе с тем устойчивый традиционалистский образ власти.

Особый интерес представляет феномен «постсоветской ментальности», также характерный для студенческой молодежи г. Томска. Ключевые клишированные образы советской эпохи, часто приобретенные в процессе первичной социализации, перемежаются с размытыми знаниями исторических фактов, полученных часто в фрагментарной и искаженной форме из СМИ, кино или официальных государственных источников. Респонденты отмечают собственную ностальгию по советскому прошлому, однако подчеркивают отсутствие личного «советского опыта» и безвозвратность этого этапа.

Можно предположить, что это конструкт индивидуально-коллективной памяти, выполняющий компенсирующую функцию по поддержанию и конструированию политической и культурной идентичностей. Причем его формирование определяется исключительно в свете принадлежности к коллективному началу. Как отмечает П. Рикер, «так мы получаем доступ к событиям, реконструируемым для нас другими, отличными от нас. В данном случае другие определяются своим местом в некой целостности» [10. С. 169–170]. Логика восприятия мира определяется коллективными представлениями, где группы индивидов представляют собой социально-структурное основание для того или иного означивания и определения реальности. Память же, как временная составляющая этого восприятия, также подвержена социальному конструированию в рамках групповых нормативно-символических форм. Таким образом, ностальгия не является отражением политических пристрастий, однако она имеет вполне конкретное политико-идеологическое измерение. Советские образы компенсируют потребность в целостных политико-мировоззренческих конструкциях в условиях фрагментарности символического пространства политики России.

«Ностальгия по советскому» у студенческой молодежи выступает как эмоциональный фактор, стимулирующий патриотические чувства и активизируемый посредством преемственности символики идентичности и легитимности, в данном случае советской символики. Высокая степень преемственности традиционных символов, проникновение их в новые структуры и институты в основе своей имеет высокую степень преемственности в базовых культурных кодах и ориентациях (см.: [11]). Ш. Эйзенштадт выделяет «основополагающие представления о социальном и культурном порядках», проявляющихся в характере отношений между центром и периферией, а также характере традиций властных отношений и иерархии [11. С. 284]. Здесь Россия демонстрирует традиционно большое влияние центра на периферию и монополию центра на символические ресурсы и процессы символизации, высокую степень всеобщего значения власти, потребность общества в «сильной руке», приоритет государства над обществом, «регулирующий и принудительный характер политики» [11. С. 284].

Активно культивирующееся в современной России мифическое и культурное наследие советской эпохи оказывает между тем, с нашей точки зрения, опосредованное влияние на восприятие современной власти и политического пространства респондентами. Советская символика в современной России не воспринимается студентами как фактор преемственности власти. Изменение конкретного содержания советских символов и изменение контекста символизации влекут мифологизацию прошлого в сознании студенческой молодежи, представляющую собой процесс реанимации устойчивых конструкций опыта, так важного в период социального взросления, но в самом широком понимании эти символы не реализуют свою основную функцию – именно способность выразить власть, неся в целом мировоззренческую функцию. Причины этого, с нашей точки зрения, определяются состоянием глобального культурно-символического контекста как фактора наиболее эффективных средств коммуникации, в котором традиционные паттерны ментальности имеют значение средств снижения сложности и неопределенности культурных ориентаций и стилей жизни современности. Советский и более ранний отечественный культурный опыт, выраженный символически, несет функцию упорядочивания хаотических тенденций современности, определяя проекции социально-политического взросления, наличие которых составляет условие социализации в целом.

Результаты опроса показывают, что ментальность студенческой молодежи г. Томска определяется свойственным российской политической культуре дуализмом. Он характерен для традиционных образцов отечественной культуры и имеет значение средства редукции разнообразия культурно-символического контекста современной политической социализации. Основными линиями разлома в представлениях о политическом мире, определяющими двойственные оценки и отношение к политическому, выступают бинарные оппозиции: демократизм – авторитаризм, социализм – капитализм, централизм – регионализм, индивидуализм – коллективизм, в меньшей степени глобализация – изоляционализм и анархизм – этатизм. Это поддерживается также специфической культурной ситуацией, характерной для пост-современных обществ и выражающейся в тенденциях индивидуализации

и атомизации, размытости ценностных и смысловых ориентиров и отсутствии соответствующего культурного шаблона, способного направлять социализационные процессы и организовать формирование и функционирование гражданского общества в России как типа социокультурной и политико-культурной деятельности.

Таким образом, результаты исследования политической ментальности томских студентов показывают, что потенциал неопределенности, формирующийся полистилистическим глобальным культурным контекстом, опосредован традиционализмом и архетипичностью российского культурного контекста, являющимися для молодежи важной основой упорядочивания и осмысления социально-политической реальности. Это позволяет сделать вывод о ключевой роли общероссийского культурно-символического контекста в формировании элементов политической ментальности опрашиваемой части томской студенческой молодежи как базиса ее политической рефлексии.

Литература

1. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
2. Кирдяшкин И.В. Значение коммуникативного контекста политической социализации молодежи в свете теории аутопоиетических систем // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4. С. 77–83.
3. Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998.
4. Скочилова В.Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном изменении // Вестник Томского государственного университета. _Философия. Социология. Политология. 2012. №3. С. 93–102.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Найман Е.А. Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1. С. 81–91.
7. Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012.
8. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001.
9. Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб.: Речь, 2004.
10. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
11. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект пресс, 1999.

Van V. Kirdjashkin. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirdjshkin@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/3

Veronika G. Skochilova. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: veronassk@gmail.com. DOI 10.17223/1998863X/31/3

INVESTIGATIONS OF THE INFLUENCE OF CULTURAL AND SYMBOLIC "CONTEXT" ON POLITICAL SOCIALIZATION OF TOMSK STUDENTS

Key words: *socialization, youth, political socialization of the youth, socializational context.*

Political socialization is formed as a process of selection of information in the cultural-symbolic space of the outside world, by means of which the derivatives are the mentality of society. Political socialization of youth can be defined as a means of controlled selection field communication society that is experiencing today the influence of chaotic tendencies of the modern information world.

The trend of today's global cultural-symbolic context is to increase the pace of development of the social order and an increase in the diversity of sources of cultural-symbolic context. A feature of the Russian cultural-symbolic context serves growth of cultural differences and ways of life, superim-

posed on the process of post-Soviet transformation of society and its cultural orientations, making cultural-symbolic context polystylistic. A feature of the Tomsk regional cultural-symbolic context are cultural-symbolic phenomena Tomsk region as a «learning region», folding in the process of positioning in Russia and the global community.

Study of the nature of the political relevance mentality of students in Tomsk modern cultural-symbolic «context» of political socialization was carried out using a phenomenological methodology (phenomenological survey) and methods of psychological testing. Method of investigating life experiences socializing agent, immersed in a specific «context», allowed to understand how a person experiences the political world, including in the regional dimension. Diagnostic Method of socio-psychological attitudes and personality test cultural value orientations provided an opportunity diagnostic disposition of individual attitudes of students to the different meanings, directivity of symbolic «context» of political socialization of students in Tomsk.

The results showed that the leading range of cultural-symbolic context of political socialization of students of Tomsk is polystylistic Russian cultural-symbolic context, traditionalist component which allows you to reverse the trend of global uncertainty cultural context. Meanwhile, the data connection is not visible political mentality of students with the regional strategy and external positioning of Tomsk region as a «learning region».

References

1. Luhmann, N. (2007) *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to the systems theory]. Translated from German by K. Timofeeva. Moscow: Logos.
2. Kirdyashkin, I.V. (2013) Value of communicative context of the youth's political socialization of in the light of the autopoietic systems theory. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4(56). pp. 77–83. (In Russian).
3. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe: Opyt o cheloveke* [Selected works: An Essay on Man]. Translated from German by S.O. Kuznetsov, B. Wimer. Moscow: Gardarika.
4. Skochilova, V.G. (2012) Symbolic structures of political ideology in valuable measurement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(19). pp. 93–102. (In Russian).
5. Beck, U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedel'nik, Ya.Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Nayman, E.A. (2013) Formation of the concept of “learning region” in Western science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (9). pp. 81–91.
7. Ulanovskiy, A.M. (2012) *Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniya i rabota s perezhivaniem* [Phenomenological psychology: qualitative research and work with experience]. Moscow: Smysl.
8. Raygorodsky, D.Ya. (ed.) *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [The practical psychodiagnostics. Procedures and tests]. Samara: BAKhRAKh-M.
9. Sonin, V.A. (2004) *Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional'noy deyatel'nosti* [Psychodiagnostic knowledge of professional activity]. St. Petersburg: Rech'.
10. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French by O. Machulskaya. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
11. Eisenstadt, S. *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and transformation of society: a comparative study of civilizations]. Translated from English by A.V. Gordon. Moscow: Aspekt press.

УДК 32.019.5
DOI 10.17223/1998863X/31/4

Д.Г. Балувев, Д.И. Каминченко

ВЛИЯНИЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ НОВЫХ МЕДИА НА ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ*

Рассматривается влияние технологий «новых» средств массовой информации на процессы, связанные с политической идентификацией. Авторы используют в исследовании несколько факторов, имеющих место применительно к функциональным возможностям «новых» масс-медиа. Они отмечают широкий доступ к огромным массивам информации, возможности для обмена данными и другие присущие изучаемым медиа возможности. Авторы формулируют вывод о том, что данные СМИ способны укрепить связи в рамках уже имеющихся политических идентичностей. Рассматривая же «новые» медиа как определенную среду, они делают заключение о том, каким характером может обладать появившаяся благодаря данной среде политическая идентичность.

Ключевые слова: «новые» средства массовой информации, политическая идентификация, политическая идентичность, информационно-коммуникационные технологии, Интернет.

В современном обществе важнейшим фактором влияния на функционирование различных сфер (в том числе и политической) жизни являются информационно-коммуникационные технологии. Основанные на данных технологиях так называемые новые средства массовой информации оказывают все большее влияние на существующие политические отношения, процессы и институты, подтверждением чему выступают различные примеры участия этих СМИ в политических событиях последних лет. Актуальность темы обусловлена бурным развитием технологий «новых» медиа, а также современных систем поддержки социальных сетей (Facebook, Вконтакте и др.), блогов (Live Journal) и микроблогов (Twitter). Они проникают как в область повседневного общения, так и в существующие механизмы функционирования политических процессов и институтов. Невозможно переоценить и их роль в организации и проведении различных общественных и политических митингов. Данные технологии активно внедряются в проведение избирательных кампаний. Растет их влияние и на процессы, связанные с принятием политических решений. В силу стремительных изменений, происходящих в обществе под влиянием информационно-коммуникационных технологий и растущего влияния «новых» СМИ, вопросы, связанные с протеканием в современном обществе процессов политической идентификации, обретают новые измерения, остающиеся пока за пределами внимания специалистов-политологов. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей влияния «новых» СМИ на процессы политической идентификации.

---

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ (№. 15-33-01002) и соглашения от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ.

Следует отметить, что проблемам влияния современных информационно-коммуникационных технологий на различные политические процессы, отношения и институты уделено немало внимания в рамках политологических исследований [1, 2]. Кроме того, появился ряд работ, как англоязычных [3, 4], так и отечественных [5, 6], касающихся влияния непосредственно технологий «новых» СМИ и их воздействия на различные общественные и политические процессы. Однако вопросы, связанные с воздействием данных медиа на процессы политической идентификации, всё ещё требуют глубокого и всестороннего исследования.

Прежде чем перейти непосредственно к цели нашей работы, необходимо определиться с понятиями. Начнем с понятия «новых» средств массовой информации. Вообще подразделение СМИ на «новые» и традиционные стало следствием активного развития и проникновения в общественную жизнь современных информационно-коммуникационных технологий и Интернета, а широкий доступ к данным технологиям открыл обычным пользователям возможности самим участвовать в создании определенной информации. В результате возникло такое средство производства и распространения информации, с помощью которого в роли субъекта активности в работе с информацией стали выступать обычные пользователи. В условиях же традиционных СМИ они обычно выступали в качестве потребителей информации. Таким образом, под «новыми» медиа следует понимать электронные СМИ, которые позволяют аудитории взаимодействовать с производителями информации [5. Т. 16. С. 611].

Необходимо также обозначить круг понятий, связанных с политической идентификацией. В данном случае целесообразно привести трактовки таких понятий, как «политическая идентификация», «политическая идентичность» и «идентичность». В.В. Меньшиков отмечает: «Политическая идентификация представляет собой процесс своеобразной ориентации личности в рамках существующих альтернатив понимания политической действительности» [7. С. 11]. «Политическая идентификация – своеобразная форма отношений, свидетельствующая о наличии взаимопонимания по соответствующему кругу организационных и иных вопросов» [7. С. 12]. Если говорить о политической идентичности, то отмечается, что «в случае политической идентичности речь идет, прежде всего, об идентификации индивидов или групп с политически значимыми символами» [8. С. 108]. Если же обратить внимание на идентичность как таковую, то можно согласиться с авторами, отмечающими, что «понятие “идентичность” слишком многозначно, разными авторами понимаемое по-разному, – это теория, концепт, свойство индивидуальной человеческой психики, но в то же время и важнейшая категория социальной и политической практики, предмет научной рефлексии и основополагающий предметно-политический фактор» [9. С. 8–9]. Вполне допустимо считать, что в случае с политической идентификацией речь идет о соотношении и ассоциировании индивида с какими-либо политическими взглядами, мнениями, позициями и силами. Таким образом, необходимо рассмотреть воздействие технологий «новых» СМИ на подобное соотношение индивида с политическими позициями и силами.

Технологии «новых» средств массовой информации предоставляют пользователям доступ к огромным массивам данных о тех или иных политических позициях, мнениях, взглядах, событиях, процессах и т.п. Кроме того, в самих медиа имеет место активность конкретных политических сил и их сторонников. Наличие больших объемов информации политического свойства и активность различных политических сил в «новых» СМИ способны повлиять на процессы, связанные с политической идентификацией индивида. Однако однозначно судить о характере подобного воздействия весьма затруднительно. С одной стороны, отмеченные аспекты могут облегчить и ускорить ассоциирование индивида с какими-либо политическими убеждениями, позициями и силами в целом, ведь информации в Интернете об этих позициях и силах циркулирует немало, да и активность самих политических сил также во все большей степени перемещается в сеть Интернет. Пользователь может довольно быстро найти ту политическую позицию, с которой он может себя идентифицировать. С другой стороны, рассматриваемые масс-медиа открывают пользователю доступ к политической информации различного толка. Так, в Интернете можно встретить информацию об одних и тех же политических событиях, позициях, мнениях и силах, но с разной смысловой и оценочной нагрузками. В результате наличия противоречивой информации могут возникнуть проблемы с восприятием и выстраиванием какого-то однозначного и четкого взгляда на тот или иной политический вопрос. Некоторые ученые, в частности, говорят о дефиците внимания, связанном с информационной перегрузкой, когда человеку трудно сосредоточиться на чём-то конкретном [10. С. 93]. Как следствие, это может затруднить и замедлить ассоциирование и идентификацию индивида с теми или иными политическими взглядами, позициями, силами. Следовательно, представляется весьма затруднительным однозначно сформулировать вывод о том, каким именно образом широкий доступ к различной политической информации (который предоставляется пользователю технологиями «новых» СМИ) воздействует на скорость процесса политической идентификации.

Функциональные возможности «новых» масс-медиа позволяют пользователям обмениваться различной информацией. С этим аспектом связан ещё один фактор воздействия данных медиа на процессы, связанные с политической идентификацией. Индивиды, которые уже так или иначе ассоциируют себя с какими-то политическими взглядами, убеждениями и силами, имеют возможность взаимодействовать с другими индивидами, которые также идентифицируют себя с этими позициями и силами. Иными словами, «новые» медиа способны укрепить связи внутри уже имеющейся политической идентичности. Причем речь в данном случае может идти не только об обмене сообщениями, осуществляемом в целях простого общения, но и об организации коллективных действий и мероприятий. Так, пользователи, идентифицирующие себя с какими-нибудь схожими политическими взглядами, могут с помощью «новых» СМИ осуществить какое-либо мероприятие политического свойства (например, организовать и провести митинг и т.д.). Таким образом, взаимодействие онлайн может перейти в организацию реальных совместных действий. Организация коллективного политического действия способна повлиять на укрепление

связей в рамках уже сложившейся политической идентичности. Следовательно, функциональные возможности «новых» медиа (например, мгновенная рассылка сообщений, что позволяет четко координировать совместные действия при организации и проведении каких-либо общественно-политических мероприятий) способны, в конечном итоге, укрепить связи в рамках имеющихся политических идентичностей.

В своей книге «Война и мир в глобальной деревне» М. Маклюэн и К. Фиоре отметили: «Новая технология неизбежно создает новую окружающую среду, которая безостановочно воздействует на чувственное восприятие» [11. С. 152]. «Новые» масс-медиа – это определенная среда, в которой могут появляться новые лидеры. Причем это могут быть лидеры, которые появились (или стали лидерами) благодаря какому-либо проекту или иной активности в рамках отмеченных СМИ. Более того, подобные лидеры затем могут перейти и к активности в политических процессах и отношениях, например, участвовать в выборах различных уровней или выступать в качестве организаторов каких-либо коллективных мероприятий (например, митингов). В любом случае, эти лидеры, как и проблемы, которые они поднимают и к решению которых призывают, могут сыграть важную роль в политической идентификации людей. Так, с этими лидерами и их политическими позициями или с их мнением по решению какой-либо конкретной политической проблемы могут ассоциировать и идентифицировать себя другие люди. Иными словами, в среде «новых» медиа могут появляться те деятели, с позицией или активностью которых могут себя ассоциировать индивиды в процессе политической идентификации.

Необходимо сделать несколько оговорок относительно ассоциирования индивидов с лидерами, появившимися в среде «новых» СМИ. Причем эти оговорки должны касаться, прежде всего, специфики лидерства в подобной среде. Снова следует подчеркнуть, что в основе «новых» масс-медиа заложен сетевой структурный принцип, который, помимо прочего, подразумевает высокую степень децентрализации. В рассматриваемых СМИ представлены огромные объемы информации о различных явлениях и событиях, причем информации разного толка. Это способно развить определенный критицизм при выработке собственного взгляда на те или иные явления. Кроме того, пользователи данных медиа относятся к представителям самых различных политических взглядов и убеждений. Все это может говорить о том, что лидеру в данной среде, для того чтобы объединить значительное число пользователей с различными убеждениями и взглядами, необходимо выразить какую-нибудь информационную общественную повестку, свою инициативу или проект по решению какой-либо важнейшей общественно-политической проблемы. Именно подобная инициатива или проект способны сплотить пользователей с различными политическими взглядами. Какова же, в таком случае, специфика воздействия «новых» СМИ на процессы, связанные с политической идентификацией? Вероятно, пользователи ассоциируют себе не столько с политическими взглядами подобного лидера, сколько с тем проектом или инициативой, которую он (лидер) предложил. Следовательно, можно сформулировать вывод о том, что в случае ассоциирования индивидом

себя с политическим лидером, появившимся в среде «новых» СМИ, политическая идентификация, вероятно, должна носить скорее конкретный, проблемно-предметный характер и быть связана с решением какой-то общественно-политической проблемы.

Следует заметить, что вполне возможным представляется и такое допущение, что часть пользователей «новых» медиа могут ассоциировать себя в качестве не сторонников, а оппонентов подобных лидеров. Здесь может проявиться, например, недоверие или сомнение относительно предложенной таким лидером инициативы или предложения по решению той или иной общественно значимой проблемы.

Кроме того, как и в случае с широким доступом к различным источникам политической информации, наличие подобных лидеров и их проектов способно воздействовать на скорость процессов политической идентификации людей. В частности, тот или иной конкретный проект (подразумевающий зачастую активное использование современных информационно-коммуникационных технологий, Интернета), который предлагает определенный способ решения общественно важной проблемы, может довольно быстро найти отклик у простых пользователей. В результате, они могут начать ассоциировать себя со сторонниками подобного проекта и его организаторами.

Целесообразно выделить ещё один аспект, который имеет отношение к воздействию «новых» СМИ на процессы, связанные с политической идентификацией. Речь идет о наблюдаемости в «новых» масс-медиа некоторых процессов, которые связаны с политической идентификацией. Чем может быть аргументирована подобная позиция? В качестве аргумента здесь может выступать пример с персональными страницами пользователей в системах поддержки социальных сетей (например, Facebook) и микроблогов (например, Twitter). На своих страницах, которые в зависимости от настроек доступа могут быть просмотрены определенным количеством других пользователей, они размещают различную информацию, часть из которой может характеризовать то, как и с кем ассоциируют себя данные пользователи. Причем это может быть как личная информация, так и ссылки на другие сайты и материалы, размещенные на них.

Иными словами, на персональных страницах в отмеченных системах может находиться информация, которая характеризует политические предпочтения, убеждения и мнения пользователей, которым эти страницы принадлежат. Следовательно, можно сделать вывод о том, с кем эти пользователи себя ассоциируют в плане политических предпочтений. Подобная информация может повлиять на тех пользователей, кто ещё не определился со своими политическими предпочтениями и взглядами. Так, например, пользователь, зайдя на страницу своего друга в какой-нибудь системе поддержки социальных сетей, обратит внимание на его позицию по тому или иному политическому вопросу или его политические предпочтения в целом, может согласиться с его мнением и начать ассоциировать себя со сторонниками тех или иных политических сил или позиций.

А возможен и противоположный сценарий, когда подобная информация вызовет у пользователя несогласие, и он начнет ассоциировать себя с представителями иных политических сил и позиций. В целом, следует отметить,

что подобные выводы вполне имеют право на существование. Таким образом, пользователи «новых» медиа играют важную роль в процессах, связанных с политической идентификацией, порой и неосознанно, например, просто поделившись той или информацией о каком-то политическом событии или выразив свое мнение о какой-то политической ситуации.

Следует обратить внимание на то, что изучение сложившихся и уже имеющихся политических идентичностей в «новых» медиа может стать основой для выделения некоторых существующих в данных медиа трендов с точки зрения процессов, связанных с политической идентификацией. Изучение подобных трендов представляется довольно важным в процессе рассмотрения политической идентификации в целом. Вероятнее всего, такие тренды оказывают воздействие на процессы, связанные с политической идентификацией, причем не только в среде «новых» медиа, но, возможно, и за ее пределами. В частности, информированность людей о существовании подобных трендов в «новых» медиа может привести как к тому, что люди начнут ассоциировать себя с участниками подобных политических позиций и мнений (из которых эти тренды и состоят), так и рассматривать себя в качестве оппонентов данным трендам. При предметном и детальном рассмотрении подобного воздействия может приобрести значение природа происхождения данных трендов.

Вполне допустимым представляется предположение о том, что как минимум какая-то часть этих трендов может быть инициирована и сформирована самим обществом. А это, в свою очередь, может сказаться и на характере воздействия имеющихся в «новых» медиа трендов на политическую идентификацию людей. Здесь напрашиваются аналогии с воздействием на процессы политической идентификации широкого доступа к различной информации политического свойства, а также активности новых лидеров и их проектов. Иными словами, подобные тренды способны оказать серьезное воздействие на политическую идентификацию, особенно, если речь идет о таких трендах, которые имеют общественную природу происхождения. Так, если тренд затрагивает важнейшие вопросы жизни общества, острые проблемы в процессе общественного функционирования, то он может ускорить идентификацию людей с теми политическими позициями, которые содержат определенные предложения по решению подобных вопросов.

Подытоживая, отметим, что содержание «новых» СМИ может быть обозначено в качестве определенного отражения сложившегося в значительной части общества отношения к различным общественно-политическим проблемам. Оно показывает предпочтения пользователей в вопросах соотнесения и ассоциирования себя с теми или иными политическими позициями, убеждениями и силами. Итак, вопросы воздействия технологий «новых» СМИ на процессы политической идентификации людей могут быть рассмотрены на уровне влияния на эти процессы сложившихся в данных медиа общих трендов (которые, естественно, связаны с политической идентификацией).

Проведённый анализ особенностей влияния «новых» СМИ на процессы политической идентификации позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, растущая политическая роль технологий «новых» средств массовой информации в современном обществе распространяется и на их воздействие на процессы, связанные с политической идентификацией. Это связано с тем, что в рассматриваемых СМИ находятся огромные массивы информации о тех или иных политических процессах, проблемах, позициях и силах, доступной многим пользователям этих медиа. Кроме того, в рамках отмеченных СМИ наблюдается и активность самих политических сил.

Во-вторых, это может как ускорить и облегчить ассоциирование людей с какими-либо политическими мнениями и силами, так и, наоборот, замедлить и усложнить. Можно отметить и неоднозначность воздействия широкого доступа к различной политической информации (который имеют пользователи «новых» СМИ) на скорость протекания процесса политической идентификации.

В-третьих, функциональные возможности данных СМИ способны укрепить взаимодействие в рамках уже сложившихся политических идентичностей, причем как на уровне простого общения и обмена мнениями, так и на уровне организации коллективных действий.

В-четвертых, в «новых» масс-медиа появляются новые лидеры, с позициями и мнениями которых по тому или иному значимому общественно-политическому вопросу могут ассоциировать себя другие пользователи данных медиа. Необходимо отметить, что политическая идентификация при этом, скорее всего, может носить конкретно-предметный характер, т.е. быть связанной, прежде всего, с конкретной инициативой или проектом, которые были предложены данным лидером и которые, по сути, и сделали того или иного пользователя лидером.

В-пятых, пользователи «новых» медиа, размещая на своих персональных страницах ту или иную информацию политического толка (ссылаясь на какой-то внешний источник или просто делясь информацией о себе), могут повлиять на политическую идентификацию других пользователей. Имеющие место в «новых» медиа и связанные с политической идентификацией общие тренды способны воздействовать на процесс политической идентификации. Следует заметить, что рассмотрение уже имеющихся в среде «новых» масс-медиа политических идентичностей может способствовать выделению некоторых существующих в данных медиа трендов, связанных с политической идентификацией.

Литература

1. *Волюженков С.В.* Информационно-коммуникационная революция и её влияние на современный политический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 4. С. 159–167.
2. *Мальцева А.Д.* Инновации в политике: внедрение IT-технологий в процесс управления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 4. С. 210–215.
3. *Kirkpatrick D.* The Facebook Effect: The Real Inside Story of Mark Zuckerberg and the World's Fastest Growing Company. Virgin Books, 2011. 384 p.
4. *Shirky C.* Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. Penguin Books Ltd, 2011. 247 p.

5. Балувев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). 2013. Т. 16, № 2. С. 604–616.

6. Каминченко Д.И. Понимание «новых» СМИ: от технологий Веб 2.0 к политическому значению // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 4. С. 127–135.

7. Меньшиков В.В. Властный аспект политической идентификации // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4. С. 10–17.

8. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России: Сборник статей, трудов / под ред. Т.Г. Стефаненко. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. Серия «Научные доклады». № 130. С. 106–159.

9. Трансформация гражданской идентичности в полиэтничном городе: институциональные механизмы и институциональные практики / Барбащин М.Ю., Барков Ф.А., Васьюк М.А., Гвинтовкин А.Н., Крамарова Е.Н., Сериков А.В. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2012. 240 с.

10. Павликова М.М. Парадоксы информационного общества // К мобильному обществу: утопии и реальность / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 90–98.

11. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне: пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.

Dmitriy G. Baluev. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russian Federation). E-mail: dbalu@yandex.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/4

Dmitriy I. Kaminchenko. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russian Federation). E-mail: ert1fg2@rambler.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/4

THE IMPACT OF SO-CALLED "NEW" MEDIA ON THE PROCESS OF POLITICAL IDENTIFICATION

Key words: *the "new" mass media, political identification, political identity, information and communication technology, Internet.*

The influence of new media on political relations, processes and institutions are growing in the contemporary society. A proof of it could be a number of empirical cases of participation of these media in political events of recent years. Political identification in contemporary society is also under the influence of these media. They are giving users an access to tremendous volume of information about political attitudes, views, events and processes. Moreover activity of different political forces could be seen in these media. The article shows the lack of clarity in the issue of how an access to political information influences on the speed of political identification. New media are able to strengthen links inside existing political identities. The article states that new media is an environment where new leaders could appear. Emergence of such leaders could be caused by activity in frameworks of the project in new media. In order to unite significant numbers of users of these media such a leader needs to set an agenda. In that case identity will be problem-subject character. The article state also that users of new media play an important role in in processes dealing with political identification. Sometimes it is done unconsciously by sharing information or opinion about some political event.

References

1. Volodenkov, S.V. (2011) Information and Communication Revolution and its Impact on Contemporary Political Process. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise*. 6(4). pp. 159–167. (In Russian).

2. Mal'tseva, A.D. (2011) Innovations in Politics: IT-technology Governance. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise*. 6(4). pp. 210–215. (In Russian).

3. Kirkpatrick, D. (2011) *The Facebook Effect: The Real Inside Story of Mark Zuckerberg and the World's Fastest Growing Company*. Virgin Books.

4. Shirky, C. (2011) *Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age*. London: Penguin Books Ltd.

5. Baluev, D.G. (2013) Politicheskaya rol' sotsial'nykh media kak pole nauchnogo issledovaniya [The political role of social media as a field of scientific research]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo – Educational Technology & Society*. 16 (2). pp. 604–616.

6. Kaminchenko, D.I. (2013) Ponimanie “novykh” SMI: ot tekhnologiy Veb 2.0 k politicheskomu znacheniyu [Understanding the “new” media, from Web 2.0 technologies to the political significance]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 4. pp. 127–135.

7. Men'shikov, V.V. (2006) Vlastnyy aspekt politicheskoy identifikatsii [The power aspect of political identification]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*. 4. pp. 10–17.

8. Potseluev, S.P. (2001) Simvolicheskie sredstva politicheskoy identichnosti. K analizu postsovetkikh sluchaev [The symbolic means of political identity. The analysis of post-Soviet cases]. In: Stefanenko, T.G. (ed.) *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoy Rossii* [Transformation of identification structures in modern Russia]. Moscow: Moscow Social Research Fund. pp. 106–159.

9. Barbashin, M.Yu., Barkov, F.A., Vas'kov, M.A., Gvintovkin, A.N., Kramarova, E.N. & Serikov, A.V. (2012) *Transformatsiya grazhdanskoy identichnosti v polietnichnom gorode: institucional'nye mekhanizmy i institucional'nye praktiki* [Transformation of civic identity in the multiethnic city: institutional mechanisms and institutional practices]. Rostov on Don: South Federal University.

10. Pavlikova, M.M. (2009) Paradoksy informatsionnogo obshchestva [Paradoxes of the information society]. In: Zasursky, Ya.N. (ed.) *K mobil'nomu obshchestvu: utopii i real'nost'* [On the mobile society: utopia and reality]. Moscow: Moscow State University. pp. 90–98.

11. McLuhan, M. & Fiore, K. (2012) *Voyna i mir v global'noy derevne* [War and Peace in the Global Village]. Translated from English by I. Letberg. Moscow: AST: Astrel.

ГРАНИ ПОЛИТИКИ

УДК 327.8

DOI 10.17223/1998863X/31/5

С.К. Песцов, А.М. Бобыло

МЯГКАЯ СИЛА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ТИПОЛОГИЯ ПОДХОДОВ К ИЗМЕРЕНИЮ И ОЦЕНКЕ

Предложенный Дж. Наем концепт мягкой силы превращается сегодня в один из важных компонентов теории международных отношений. Принципиальное значение в этой связи приобретает задача операционализации мягкой силы и ее измерения. В статье рассматриваются существующие на сегодняшний день основные подходы к измерению мягкой силы, критерии и возможный вариант их первоначальной дифференциации.

Ключевые слова: *мягкая сила, мировая политика, измерения в международных отношениях.*

Концепция мягкой силы как способности государств (и иных акторов) добиваться своих целей, не прибегая к угрозам, подкупу или насилию, была сформулирована Дж. Наем в 1990 г. [1]. За прошедшие годы, подвергаясь критике и приобретая сторонников, она превратилась в один из важных компонентов современной теории международных отношений. В то же время даже по прошествии более чем двух десятилетий концепция «мягкой силы» остается во многом не вполне ясной. Многочисленные сложности обнаруживаются при попытках операционализации мягкой силы и ее измерения, без чего проблематично говорить о превращении данного концепта в реальный инструмент международной политики.

Первые – несистематизированные и неспециализированные – попытки практически измерить и оценить то, что Дж. Най определил как мягкую силу, стали предприниматься практически одновременно с теоретическим оформлением этой концепции. А начиная с середины 2000-х гг. стали появляться работы, непосредственно нацеленные на измерение текущей мягкой силы государств современного мира. Первым из такого рода исследований, масштабы которого ограничивались региональными рамками, стал проект «Мягкая сила в Азии 2008» Чикагского совета по глобальным вопросам [2]. Через два года увидел свет доклад Дж. МакКлори, в котором были представлены результаты первого совместного исследования Института государственного управления и журнала «Монокль», посвященного глобальному измерению мягкой силы и ранжированию по этому показателю основных государств мира [3]. Два следующих доклада увидели свет в 2011 и 2012 гг., расширив сферу охвата одновременно с уточнением и конкретизацией предмета исследования [4]. В 2012 г. результаты измерения и оценки мягкой силы группы государств, состав которой определялся их сходными позициями

в глобальной экономике, были представлены компанией Эрнст и Янг совместно с Московской школой управления и Институтом исследования развивающихся рынков Сколково [5].

Несмотря на то, что большая часть всех этих проектов предполагала конструирование измеримого «индекса мягкой силы», очевидные отличия в целях, масштабах охвата и способах операционализации измеряемого концепта ограничивают возможности их сопоставления как в содержательном плане, так и с точки зрения полученных результатов. В то же время в своей совокупности они дают общую картину возможных подходов к решению этой задачи, позволяя составить определенное представление о достоинствах и ограничениях конкретных методов и технологий измерения.

Дифференциация подходов к операционализации и измерению мягкой силы: критерии и типология

В ситуации многообразия предлагаемых подходов к операционализации и измерению мягкой силы с неизбежностью возникает потребность в некоторой их типологической упорядоченности. Общее представление о возможных критериях, которые в этом случае могут быть использованы, отчасти обеспечивают многочисленные обсуждения самой возможности трансформации концепта мягкой силы в практический инструмент международной политики (см., например, [6]). Результаты этих дискуссий позволяют вести речь, как минимум, о двух достаточно важных критериях, позволяющих типологизировать возможные способы измерения мягкой силы. В качестве таковых, по нашему мнению, могут выступать (а) интерпретация (конкретное содержание) измеряемого феномена и (б) тип использующихся для измерения исходных данных. Если говорить о первом, то, поскольку оценки мягкой силы, как и силы вообще, в действительности могут относиться к разным аспектам данного концепта, в качестве таковых могут выступать, во-первых, источники или ресурсы – все то, что теоретически способно производить (вызывать) «мягкую силу»; во-вторых, инструменты и/или действия – то, посредством чего имеющиеся возможности и ресурсный потенциал конвертируются в желаемый результат; и, наконец, собственно результат – эффекты, предположительно обусловленные имеющимися ресурсами и предпринятыми действиями. В последнем случае – когда речь идет о результатах – возникает потребность в некотором уточнении. Если жесткая сила, как правило, вызывает необходимый результат (желательное поведение) прямо, в качестве непосредственного стимула, то мягкая сила действует опосредованно, выступая побуждением того или иного поведения. Поэтому, говоря о результате мягкой силы, следует разделять результат как восприятие (отношение) и результат как поведение (действие), обусловленное соответствующим отношением (рис. 1). Таким образом, первым критерием выступает конкретный аспект мягкой силы, определяемый в качестве основного ее показателя, или то, **что** конкретно измеряется.

Теперь несколько слов о втором из возможных критериев – типе использующихся для измерения исходных данных. Очевидно, что измерения и

оценки мягкой силы могут осуществляться как с позиции субъекта воздействия (производителя силы), так и с позиции объекта воздействия (реципиента). Различия указанных перспектив связаны, в числе прочего, с преобладанием определенного вида используемых данных, равно как и со способами их получения.

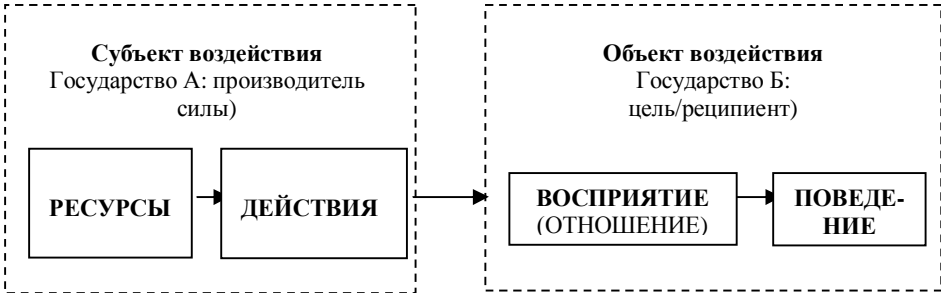

Рис. 1. Ключевые аспекты мягкой силы

Соответственно, в одном случае подходы к измерению мягкой силы будут главным образом опираться на так называемые мягкие данные – результаты международных (кросс-национальных) опросов общественного мнения и/или экспертных интервью, отдавая, таким образом, предпочтение «прямым» измерениям. Во втором случае они в основном будут полагаться на «твердые» данные – первичную международную статистику или же вторичные данные, являющиеся результатом работы специализированных международных, неправительственных и частных исследовательских институтов, и, соответственно, на методы косвенного измерения. Кроме того, подходы к измерению мягкой силы могут комбинировать в той или иной пропорции оба эти варианта. Так или иначе, в данном случае критерием дифференциации выступает тип используемых данных или то, **как** измеряется мягкая сила.

Использование этих критериев позволяет разделить большинство предлагаемых подходов к измерению и оценке мягкой силы на четыре кластера (рис. 2). Следует, однако, иметь в виду, что данная типология в определенном смысле является условной. Это связано с тем, что, во-первых, авторы многих из включенных в нее проектов измерения мягкой силы, сознательно или нет, обходят вниманием проблему многоаспектности измеряемого феномена, объединяя индикаторы, относящиеся к разным его сторонам, в общие итоговые индексы. И, во-вторых, в ряде случаев указанные проекты намеренно комбинируют способы получения данных (и их типы) для обеспечения большей адекватности и надежности конечных показателей. В этой связи отнесение того или иного конкретного подхода к измерению мягкой силы к соответствующему кластеру осуществлялось в соответствии с преобладающей тенденцией при выборе как непосредственно измеряемого аспекта мягкой силы, так и типа (способа получения) используемых данных.

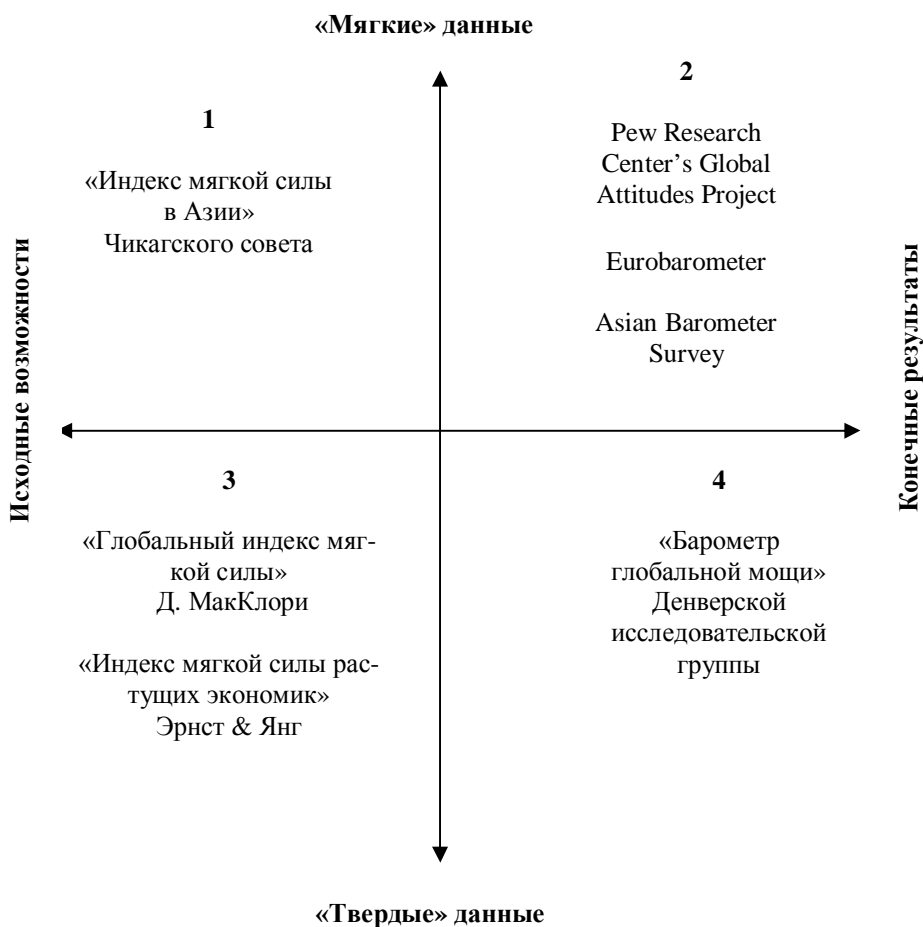

Рис. 2. Типология подходов к измерению мягкой силы

Специфика, возможности и ограничения каждого из подходов к измерению мягкой силы, отнесенных к соответствующему кластеру, могут быть проиллюстрированы посредством парного их сравнения. Это сравнение может быть проведено по линии разграничения «субъективных» (использующих мягкие данные и опросы) и «объективных» (использующих «твердые» данные) измерений мягкой силы, как наиболее дискуссионной на данный момент.

Типология подходов к операционализации и оценке мягкой силы: «субъективные» и «объективные» измерения

Кластеры 1–2: «субъективные» измерения мягкой силы. В качестве первого международного опроса общественного мнения, посвященного оценке мягкой силы на региональном уровне, анонсировался проект «Мягкая сила в Азии 2008» Чикагского совета. Определение «первый» в этом случае,

однако, может быть соотнесено скорее с пространством и, отчасти, с предметом измерения, нежели с методом и техникой. С опорой на многонациональные опросы отдельные элементы мягкой силы начали оцениваться в рамках различных проектов, связанных с исследованием международного общественного мнения, таких как «Gallup Global Attitudes Survey» Института Гэл-лапа, «Global Indicators Database» Исследовательского центра Пью, «Eurobarometer» Европейской комиссии или «GlobeScan Radar» компании ГлобСкан, еще до того, как этот феномен получил свое теоретическое оформление. Больше того, данные, полученные в рамках некоторых из них, использовались для его обоснования [7]. Тем не менее вплоть до сегодняшнего дня большинство такого рода проектов, как правило, не сосредотачиваются конкретно на измерении мягкой силы. Как правило, все они оперируют либо некими интегрированными показателями, отражающими совокупные эффекты разных сил, или же пытаются оценить отдельные параметры того, что образует мягкую силу.

Типичными примерами первого являются количественные оценки мягкой силы, основывающиеся на общем отношении (восприятии) респондентов к соответствующим государствам. В качестве иллюстрации может быть, к примеру, упомянуто исследование, в котором сравнительные величины мягкой силы группы государств определяются с помощью интерпретации данных опросов Азиатского барометра¹. Эти данные суммируют ответы респондентов на вопрос, какую из стран они воспринимают в качестве модели, на которую следует ориентироваться их собственным странам [8. Р. 5]. Иллюстрацией второго может являться сравнительная оценка величины региональной мягкой силы США и КНР в одном из недавних исследований – «Глобальный имидж США и Китая» исследовательского центра Пью. Здесь в качестве отдельных индикаторов мягкой силы выступает восприятие (отношение) респондентов к «научным и технологическим достижениям», «музыке, кино и телевидению», «способу ведения бизнеса», «идеям демократии» и «распространению идеалов и обычаев» соответствующих стран [9]. Так как подобного рода исследования специально не нацелены на измерение мягкой силы, набор разного рода индикаторов концептуально не обосновывается, может существенно варьироваться, а каждый из используемых индикаторов чаще всего выступает в роли отдельного параметра.

Проект Чикагского совета, опираясь на тот же способ получения исходных данных, подходит к измерению мягкой силы более системно. Мягкая сила в качестве исходного теоретического концепта определяется в нем, со ссылкой на формулировку Дж. Найя, как способность страны *достигать своих целей* с помощью привлечения, а не принуждения или подкупа. Авторы проекта отказались от идеи общего ранжирования (создания единого рейтинга) рассматриваемых стран по соответствующему показателю, прибегнув вместо этого к парному *vis-à-vis* сравнению величины их мягкой силы. Итоговые показатели, отражавшие результаты измерений, выступают в виде композитных индексов, составными частями которых являются измерения

---

¹ Программа прикладных исследований Азиатский барометр (Asian Barometer Survey – ABS) – реализуется Институтом политических наук и департаментом Передовых гуманитарных и социальных наук Национального университета Тайваня.

(субиндексы) отдельных компонентов (сторон, параметров) феномена мягкой силы. При этом набор этих компонентов, в отличие от первоначально предложенного Дж. Наем, был расширен посредством включения дополнительных параметров. Исходные составные элементы мягкой силы – культура, политика и дипломатия – были дополнены такими компонентами, как «экономика» и «человеческий капитал» [2. Р. 2].

Итоговые индексы мягкой силы каждой страны в проекте Чикагского совета представляют собой сумму стандартизированных значений по пяти параметрам мягкой силы, выступающим в качестве специализированных (частных) субиндексов. Величина каждого из них определяется стандартизированной суммой результатов ответов респондентов на ряд вопросов (от 2 в категории «политика» до 12 в категории «экономика»), играющих роль отдельных индикаторов. Поскольку все субиндексы рассматривались как одинаково важные, они получили равные весовые значения, вне зависимости от количества вопросов (индикаторов) в каждом из них. Точно так же каждый из них был одинаково оценен с точки зрения его вклада в формирование итоговых индексов мягкой силы каждого включенного в исследование государства. Количественные значения частных и итоговых индексов определялись в рамках шкалы от 0 до 1 [2. Р. 34–40].

В отличие от неспециализированных опросов, которые в большинстве случаев измеряли мягкую силу как результат – пусть промежуточный, в виде отношения, – авторы проекта «Мягкая сила в Азии 2008» при определении и отборе индикаторов специального внимания на их возможную связь с тем или иным аспектом силы не обращают. Результатом этого стало преобладание в общей совокупности тех индикаторов, которые в основном позволяли оценивать такие аспекты мягкой силы, как ресурсы и/или действия. В результате итоговый показатель («индекс мягкой силы») в этом случае может восприниматься, скорее, как показатель возможности, потенциальной, а не реальной способности государств достигать своих целей благодаря своей привлекательности.

Кластеры 3–4: «объективные» измерения мягкой силы. Проекты, отнесенные к двум другим кластерам, опираются на иной подход к измерению мягкой силы, специально акцентируя на этом внимание. Так, в первом докладе Дж. МакКлори подчеркивалось, что значительное число работ, связанных с обсуждением мягкой силы, появившихся в последнее время, открыли возможность использования иного, нежели опросы, подхода, а именно, конструирования композитного измерения на основе множественных количественных индикаторов [3. Р. 3]. Аналогичным образом авторы проекта по измерению мягкой силы стран с быстро растущими рыночными экономиками, обосновывая избранный ими метод, указывали на субъективизм предшествующих исследований мягкой силы и обусловленность их результатов конъюнктурными влияниями как на существенный их недостаток [5. Р. 6]. Одновременно с этим оба эти проекта модифицировали и содержание измеряемого феномена. Индекс мягкой силы Дж. МакКлори являлся, прежде всего, измерением «ресурсов» мягкой силы и оценкой не собственно влияния государств, а только потенциала их влияния [10. Р. 4–6]. Аналогичный показатель в проекте компании Эрнст & Янг трактовался, по сути, идентичным

образом – как измерение «ключевых факторов» (нематериальных активов) мягкой силы [5. Р. 4].

Конструирование измерений (индексов) мягкой силы в том и другом случае осуществляется по общей схеме, хотя и с некоторыми отличиями. Общий итоговый показатель («индекс мягкой силы») определялся исходя из усредненных совокупных значений частных субиндексов или измерений отдельных аспектов (компонентов) исследуемого феномена. В проекте Дж. МакКлори используется пять таких компонентов и, соответственно, субиндексов. К исходным компонентам мягкой силы («культура», «политика» и «дипломатия») были добавлены еще два: «бизнес/инновации» и «образование». Компонент «бизнес/инновации» характеризовал относительную привлекательность экономической модели страны с точки зрения открытости, способности к инновациям и качества регулирования. Параметр «образование», как способность привлекать иностранных студентов, был выделен в отдельную категорию, как отмечалось в докладе, в связи с появлением многочисленных свидетельств его влияния на общую величину национальной мягкой силы. В проекте компании Эрнст & Янг исходные составные элементы мягкой силы претерпели более существенную смысловую реорганизацию, представ в виде несколько иного категориального ряда. При этом общее их количество, наоборот, было сокращено до трех: «глобальный имидж», т.е. глобальная популярность и привлекательность страны, особенно ее культуры; «глобальная целостность» – соответствие внутренней политики в стране нормам этического и морального кодекса и «глобальная интегрированность», характеризующая степень взаимосвязи страны с остальным миром.

Величина каждого из компонентов определяется суммой значений включенных в них индикаторов. В отличие от проектов, где в качестве таковых выступали мнения респондентов, в этом случае измерения опираются в основном на твердые (количественные) данные. В качестве таковых выступали международная статистика (расчеты ООН, ОЭСР, МОК и др.), базы данных международных неправительственных организаций (Freedom House, Transparency International), частных исследовательских структур (Boston Consulting Group), медиакомпаний или авторитетных изданий (Thompson-Reuters, Fortune, Times, Economist), а также результаты специализированных академических исследований [5. Р. 18; 10. Р. 17–22]. Количественные показатели по каждому из индикаторов в проекте Дж. МакКлори приводились к соизмеримым значениям (нормализовались) в рамках шкалы от 0 до 1 с помощью формулы, использующейся ОЭСР для построения композитных индексов [11]. Всем индикаторам были приданы одинаковые весовые значения, поскольку, как подчеркивалось в отчете, в специальной литературе не было найдено обоснований для иного подхода. В проекте компании Эрнст & Янг, наоборот, каждый индикатор получал собственное весовое значение, благодаря чему они стали различаться по величине вклада как в показатель соответствующего субиндекса, так и, в конечном счете, в значение общего итогового индекса [12]. Величина последнего варьировалась в рамках шкалы от 0 до 100.

Еще одним важным отличием являлось то, что в проекте Дж. МакКлори пять «объективных» субиндексов дополнялись семью «субъективными» измерениями, значения которых определялись мнениями специально создан-

ной экспертной группы. И для определения итогового интегрированного показателя мягкой силы нормализованные значения каждого из «объективных» субиндексов объединялись с показателями субъективных измерений. Тем не менее определяющее значение в этой процедуре было зарезервировано за «объективными» показателями, на которые приходилось 70 % от общего веса конечного индекса. Таким образом, данный подход пытается совместить возможности, предоставляемые двумя типами данных, оставляя один из них в качестве определяющего.

Эта же особенность отличает еще один подход, реализованный в идее «Барометра глобальной мощи» Денверской исследовательской группой и авторами проекта PostGlobal Ф. Закария и Д. Игнатиуса [13]. Данный инструмент разработан для оперативной (ежедневной) оценки и визуального представления показателей, отражающих мощь отдельных стран, идеологий и политических движений. Он, по замыслу разработчиков, призван определять в реальном времени силу влияния наиболее убедительных международных акторов, способных продвигать желательные для них цели и влиять на ход мировых событий. Другими словами, GPB в реальном времени (с 24-часовым временным лагом) отвечает на вопрос «Какие страны, идеологии и/или движения являются наиболее мощными (наиболее убедительными) в продвижении глобальных мнений и событий в желательных для них направлениях» [13]. Технологически он опирается на специально разработанный алгоритм анализа широкого круга источников, в число которых входят академические исследования, новостные статьи, комментарии, официальные документы и публикации международных неправительственных организаций. Широкая информационная база, как полагают авторы, позволяет снизить значение субъективизма в оценках, устанавливая более тесную связь между заявлениями и действиями. И с этой точки зрения проект Денверской исследовательской группы, хотя и использует «мягкие» данные, также должен быть отнесен к проектам, преимущественно опирающимся на «твердые» данные. В то же время, поскольку он в большей степени ориентирован на измерение результата – степени реального влияния и, соответственно, «идейной» привлекательности, – он с полным основанием может быть отнесен к иному, нежели проекты Дж. МакКлори и компании Эрнст & Янг, кластеру.

Подходы к операционализации и оценке мягкой силы: достоинства и ограничения

Различия в целях, масштабах охвата и временных рамках, методах операционализации и техниках измерения, как уже отмечалось, существенным образом ограничивают возможность систематизированного сравнения эффективности рассматриваемых подходов к измерению мягкой силы, исходя из полученных ими результатов. Тем не менее некоторые выводы их сопоставление сделать все же позволяет.

Появляющиеся в последние годы «объективные» измерения мягкой силы с опорой на исходные «твердые» данные изначально конструировались с целью преодоления недостатков ее оценки с помощью международных опросов. Слабость последних связывалась с издержками присущего им субъ-

ективизма, а также с тем, что мягкая сила зачастую не выступала в них в качестве целостного, концептуально согласованного феномена. Кроме того, сомнения в надежности результатов, получаемых с помощью опросов, вызывало отсутствие ясности относительно того, насколько вообще значимым может быть влияние общественности той или иной страны на принимаемые ее лидерами внешнеполитические решения, определяющие поведение страны на международной арене. Действительно, следует признать, что опора на объективные данные в качестве индикаторов мягкой силы повышает надежность измерений, позволяя преодолевать издержки конъюнктурных колебаний мнений общественности. Данный подход открывает возможность глобальных сравнений государств по показателю величины мягкой силы, одновременно позволяя сопоставлять сильные и слабые стороны государств в рамках отдельных ее компонентов.

Вместе с тем специфический характер мягкой силы позволяет предположить, что наиболее адекватным способом ее измерения являются международные опросы общественного мнения. Действительно, если мягкая сила представляет собой способность добиваться желательного результата с помощью привлечения и кооптации, то, как справедливо указывают многие, следует признать, что она находится в распоряжении не того, кто ею обладает, а того, на кого она направлена [14. Р. 6–7]. Соответственно, величина и эффективность мягкой силы будут определяться восприятиями целевых аудиторий стран-реципиентов, которые, в конечном итоге, и решают, что является для них привлекательным и насколько. «Эффективность мягкой силы, – отмечают в этой связи Б. Голдсмит и Ю. Хориучи, –, зависит от позиций общественности целевых стран (т.е. расположения) по отношению к стране, обладающей, или пытающейся обладать, международным влиянием» [15].

Опросные технологии, таким образом, кажутся более подходящим способом измерения мягкой силы именно как результата, пусть только лишь в его промежуточном (отношение), а не конечном (желательное поведение) смысле. Очевидно, что измерение в этом случае основывается на предположении, в соответствии с которым мнение рассматривается как значимый мотив поведения и, соответственно, измерение отношения в определенном смысле может выступать паллиативом оценки поведения. Однако степень логического допущения здесь все же меньше, нежели в предположении о наличии подобной связи между ресурсами, которые могут быть использованы для обеспечения определенного поведения, и самим этим поведением.

Таким образом, следует признать, что, несмотря на широкую критику опросных методов, подходы к измерению мягкой силы с опорой на «твердые» данные также не лишены слабостей и ограничений и, соответственно, вряд ли могут претендовать на полную и адекватную замену первых в качестве надежного инструмента измерения мягкой силы. Но главной проблемой остается то, что ни «субъективный», ни «объективный» подходы в том виде, в котором они сегодня представлены, не способны в действительности измерить мягкую силу как конечный результат. Некоторые полагают, что это обусловливается принципиальной невозможностью надежного и достоверного измерения феномена силы в международных отношениях [16]. Однако весьма интересные и многообещающие попытки в этом направлении начали

предприниматься достаточно давно [17]. И пусть они пока еще не привели к появлению концептуально и методически разработанного инструментария, перспективы нахождения способов измерения мягкой силы – феномена, приобретающего все большее значение в современной мировой политике, – выглядят отнюдь не обескураживающими.

Литература

1. *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
2. *Whitney C. B., Shambaugh D.* Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion. Chicago: The Chicago Council on Global Affairs, 2009.
3. *McClory J.* The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. London: Institute for Government, 2010.
4. *McClory J.* The New Persuaders II: A 2011 Global Ranking of Soft Power. London: Institute for Government, 2011; *McClory J.* The New Persuaders III: A 2012 Global Ranking of Soft Power. London: Institute for Government, 2012.
5. Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://emergingmarkets.ey.com/wpcontent/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf
6. *Gregory F. Treverton, Seth G. Jones.* Measuring National Power. Santa Monica, CA.: RAND National Security Research Division, 2005.
7. *Nye Joseph S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, NY: Public Affairs, 2004. P. 12, 14, 18, 29–30, 36–37, 39, 42–43, 69–72.
8. *Min-Hua Huang, Bridget Welsh.* Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.asianbarometer.org/newenglish/publications/ConferencePapers/2013_3conference/paper4.pdf.
9. America's Global Image Remains More Positive than China's. Pew Research Center. July 18, 2013. [Электронный ресурс]. – URL: www.pewresearch.org.
10. *McClory J.* The New Persuaders III: A 2012 Global Ranking of Soft Power. London: Institute for Government, 2012. P. 4–6.
11. OECD. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide, Paris: OECD, 2008.
12. Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://emergingmarkets.ey.com/wpcontent/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf
13. Global Power Barometer [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.drgi.com/globalpowerbarometer.html>.
14. *Ying Fan.* Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. V. 4, № 2.
15. *Benjamin E. Goldsmith and Yusaku Horiuchi.* In Search of Soft Power: Does Foreign Public Opinion Matter for U.S. Foreign Policy? // Crawford School Research Paper. No 8 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ssrn.com/abstract=1932478>
16. *Stefano Guzzini.* On the Measure of Power and the Power of Measure in International Relations // DIIS Working Paper. № 28. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2009.
17. *Monti Narayan Datta.* The Decline of America's Soft Power in the United Nations // International Studies Perspectives. Vol. 10. Issue 3. August 2009. P. 265–284.

Sergey K. Pestsov. Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: skpfox@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/5

Andrey M. Bobylo. Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sibiryak_84@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/5

SOFT POWER IN WORLD POLITICS: THE TYPOLOGY OF APPROACHES TO MEASUREMENT AND EVALUATION

Key words: *soft power, world politics, measurements in international relations.*

Proposed by Joseph Nye, the concept of soft power as the ability of states (and other actors) to achieve their goals without resorting to threats, bribery or violence becomes an important component

of international relations theory. However, even after more than two decades, the meaning and content of this concept are still not entirely unclear. It significantly complicates the task of soft power operationalization and its measuring, without which it is difficult to talk about turning this concept into a real instrument of international policy.

The result of numerous discussions on this issue allows talking at least about two quite important criteria to typologize a possible ways of measuring the soft power. According to authors opinions, these ways of measuring can be: (a) an interpretation (specific content) of the measured phenomenon and (b) a type that is using to measure the initial data. Because the evaluation of soft power, as well as strength at all, may be related to various aspects of this concept, as such: firstly - the sources or resources – all that theoretically is capable of producing (to cause) the "soft power"; secondly – the tools and / or actions – is whereby an opportunities and resource potential is converted to the desired result; thirdly, the result – the effects that presumably caused by the available resources and taken actions.

Differences in the purposes, extent of coverage, periods of time, methods of operationalization and measurement techniques are significantly restricts the ability of a systematic effectiveness comparison of these approaches to the measurement of soft power, according to the achieved results. The specific nature of soft power suggests that the best way to measure it is an international public opinion surveys. Thus, if the soft power is the ability to achieve the desired outcome by attracting and co-optation, it should be admitted that it is not at the disposal of the person who possesses it, but that person who is the objective of soft power's influence. Accordingly to the above, the value and effectiveness of soft power will be determined with the perceptions of the recipient countries audiences, which are finally decide what is attractive to them.

This article discusses the currently existing basic approaches to the soft power's measurement. It suggests a possible way to differentiate these approaches with the general analysis of capabilities, strengths and limitations.

References

1. Nye, J. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.
2. Whitney, C.B. & Shambaugh, D. (2009) *Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion*. Chicago: The Chicago Council on Global Affairs.
3. McClory, J. (2010) *The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government.
4. McClory, J. (2011) *The New Persuaders II: A 2011 Global Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government. McClory, J. (2012) *The New Persuaders III: A 2012 Global Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government. (Пожалуйста, обратите внимание. Нельзя под одним номером давать ссылку на два источника!!! Я оформлю ссылку по правилам, но и в русском, и в английском списке, а также в статье придется менять нумерацию).
5. Emergingmarkets.ey.com. (2012) *Rapid-growth Markets Soft Power Index*. Spring, 2012. [Online] Available from: http://emergingmarkets.ey.com/wpcontent/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf
6. Treverton, G.F. & Jones, S.G. (2005) *Measuring National Power*. Santa Monica, CA: RAND National Security Research Division.
7. Nye, J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, NY: Public Affairs. pp. 12, 14, 18, 29-30, 36-37, 39, 42-43, 69-72.
8. Huang, M.H. & Welsh, B. (2013) *Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared*. [Online] Available from: http://www.asianbarometer.org/newenglish/publications/ConferencePapers/2013_3conference/paper4.pdf.
9. Pew Research Center. (2013) *America's Global Image Remains More Positive than China's*. 18th July 2013. [Online] Available from: www.pewresearch.org.
10. McClory, J. (2012) *The New Persuaders III: A 2012 Global Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government. pp. 4-6.
11. OECD. (2008) *Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide*. Paris: OECD.
12. Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://emergingmarkets.ey.com/wpcontent/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf

13. Emergingmarkets.ey.com. *Global Power Barometer*. [Online] Available from: http://www.drgi.com/globalpower_barometer.html.
14. Ying Fan. (2008) Soft Power: Power of Attraction or Confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*. 4(2). DOI: 10.1057/pb.2008.4
15. Goldsmith, B.E. & and Horiuchi, Yu. In Search of Soft Power: Does Foreign Public Opinion Matter for U.S. Foreign Policy? *Crawford School Research Paper*. 8 [Online] Available from: <http://ssrn.com/abstract=1932478>.
16. Guzzini, S. [2009] On the Measure of Power and the Power of Measure in International Relations. *DIIS Working Paper*. 28. Copenhagen: Danish Institute for International Studies.
17. Datta, M.N. (2009). The Decline of America's Soft Power in the United Nations. *International Studies Perspectives*. 10 (3). pp. 265-284. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2009.00376.x

УДК 32 (470) : 911.3 (470)
DOI 10.17223/1998863X/31/6

С.А. Сухинин

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЮГА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

Рассматриваются особенности современного геополитического положения Юга России как макрорегиона, объединяющего три федеральных округа страны, в свете динамики политических событий последних лет. Среди главных особенностей автор выделяет многососедство, приграничность субъектов, территориальную сопряженность с самопровозглашенными территориями, влияние на регион деятельности межгосударственных политических, экономических и военных союзов и организаций как геополитических акторов.

Ключевые слова: Юг России, геополитическое положение, многососедство, приграничность, интеграция.

Юг России включает в себя три федеральных округа – Южный, Северо-Кавказский и Крымский (образован указом президента России В.В. Путина от 21 марта 2014 года, после включения в состав Российской Федерации территории Крыма и г. Севастополя), занимает площадь 618,4 тыс. км², на которой проживает около 26 млн чел. Если территория южнороссийского региона в масштабах всей страны не так заметна (3,6% площади РФ), то по численности проживающего здесь населения регион значим – здесь сконцентрировано 18 % жителей страны (таблица). Различна и роль отдельных федеральных округов в пространственной структуре Юга России (рис. 1, 2):

Рис. 1. Доля субъектов Федерации в общей площади региона, %.

Примечание. Рассчитано и составлено по данным Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru) и Государственной службы статистики Украины (www.ukrstat.gov.ua) [1, 2]

¹ Исследование выполнено в рамках проекта 213.01-11/2014-77ПЧ.

ведущие позиции как по площади территории, так и по численности жителей занимает Южный федеральный округ, в то время как образованный Крымский округ является самым малым не только в южнороссийском регионе, но и в стране в целом.

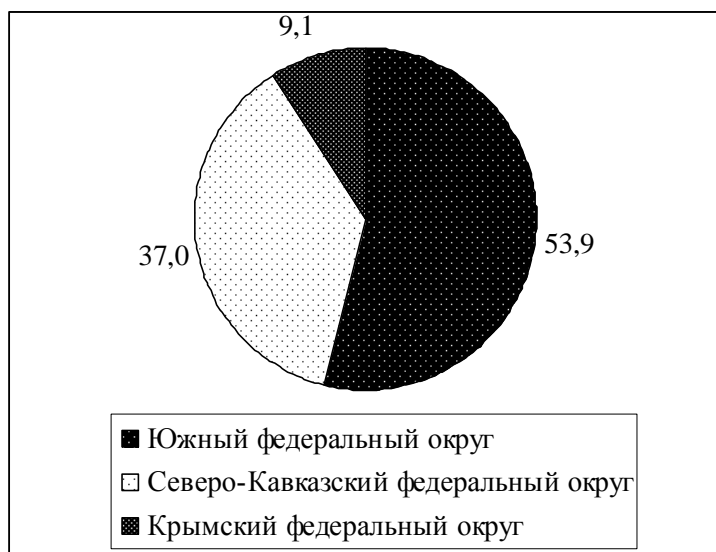

Рис. 2. Доля субъектов Федерации Юга России в численности населения региона, 2013 г., %.

Примечание. Рассчитано и составлено по данным Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru) и Государственной службы статистики Украины (www.ukrstat.gov.ua) [1, 2]

Главной особенностью геополитического положения рассматриваемого региона является его **приграничный характер**, выраженный в наличии государственной границы Российской Федерации в пределах субъектов, входящих в южнороссийский регион (рис. 3). Причем значение данного фактора в геополитической ситуации после воссоединения Крыма с Россией и создания Крымского федерального округа еще более усилилось. Ныне из 15 субъектов южнороссийского региона выход к сухопутной государственной границе РФ с сопредельными странами имеют 12 (кроме Адыгеи, Калмыкии и Севастополя), а с учетом морских границ – 13 (включая Севастополь). Из субъектов Федерации Юга России, наибольшее число государств-соседей имеют Северная Осетия-Алания, Дагестан, Карачаево-Черкесия – каждая из этих республик граничит с двумя соседними странами.

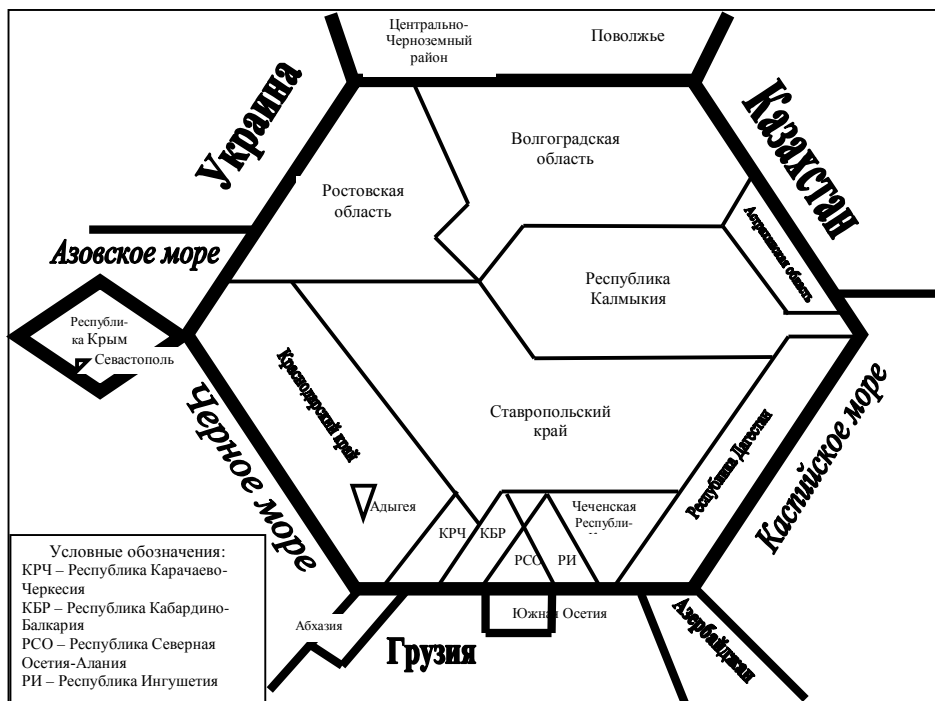

Рис. 3. Модель геополитического положения Юга России

Таблица. Приграничное положение субъектов Юга России

Страны-соседи РФ	Субъекты Федерации Юга России, выходящие к государственной границе
Украина	Ростовская область, Республика Крым
Абхазия	Краснодарский край
Южная Осетия	Северная Осетия-Алания
Грузия	Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Чеченская Республика, Дагестан
Азербайджан	Дагестан
Казахстан	Астраханская область, Волгоградская область,
Морская граница РФ	По Черному и Азовскому морям – Ростовская область, Краснодарский край, Республика Крым, Севастополь По Каспийскому морю – Дагестан, Астраханская область

За последнее время значительно изменился характер соседства вследствие трансформации геополитической ситуации на Юге России. Если в первом десятилетии 2000-х гг., так же как и на рубеже XX–XXI вв., наибольшую тревогу вызывала безопасность Кавказского участка государственной границы, что напрямую было связано с наличием военных действий в Чеченской Республике, Дагестане, проявлением исламского фундаментализма и терроризма в Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Северной Осетии, военным конфликтом Грузии с Абхазией и Южной Осетией, то в последний год наиболее сложной в геополитическом отношении стала граница Российской Федерации с Украиной. Острота ситуации в приграничном взаимодействии здесь связана с ведением военных действий вооруженных сил Украины

и национальной гвардии с ополченцами Донецкой и Луганской областей, провозгласивших здесь в апреле 2014 г. соответственно Донецкую и Луганскую народные республики и образовавших в мае 2014 г. Союз Народных Республик «Новороссия». Непрерывающиеся военные действия и обстрел населенных пунктов на юго-востоке Украины вызвали массовый приток беженцев в Ростовскую область и Республику Крым, как субъекты Юга России, имеющие непосредственную границу с Украиной, что существенно осложняет общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию. Неоднократный залет снарядов со стороны Украины в соседние населенные пункты Ростовской области напрямую создает угрозу жизням и имуществу жителей приграничных населенных пунктов и беженцев с Украины, вынужденных покинуть свое постоянное место жительства и искать укрытие от военных действий в Российской Федерации.

Реалиями последних лет стало появление вдоль границ Юга России **сампровозглашенных государственных образований**. К ним относятся Абхазия и Южная Осетия, провозгласившие свою независимость от Грузии еще в начале 1990-х гг. на волне противостояния национальной политике, которая вылилась в открытые вооруженные противодействия. Обе республики получили политическое признание в августе 2008 г. со стороны Российской Федерации после открытой вооруженной агрессии Грузии, но до настоящего времени не стали полноправными субъектами международного права, не найдя подтверждения статуса суверенных государств у большинства стран мира. Возможно, такая же модель политического развития будет и у Луганской и Донецкой народных республик.

Наиболее стабильной в геополитическом отношении границей южнороссийских субъектов с соседними государствами выступает сегмент российско-казахстанской границы в пределах Волгоградской и Астраханской областей. В Новейшей истории взаимодействия двух стран случаев столкновений между казахами и русскими на национальной почве не было. Обе страны входят в Организацию **Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)** – военно-политический союз, объединяющий страны СНГ, а тесная политическая и торгово-экономической интеграции Белоруссии, Казахстана и России нашла выражение в создании **Таможенного союза** трех государств [3, 4]. Образованное единое экономическое пространство трех стран, предусматривающее безвизовый режим, отмену таможенных пошлин и ограничений экономического характера во взаимной торговле между сторонами-участниками, получило продолжение в формировании **Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)** с переходом в перспективе в **Экономический союз**, как более высокой по уровню ступени интеграции [5].

Юг России образует самую южную периферию нашей страны, выходя широким фронтом на западе к Черному и Азовскому морям, а с востока – к Каспийскому морю. Правовой статус этих водоемов до конца не урегулирован. Азовское море отнесено к категории внутренних вод России и Украины, и его использование определено двусторонним договором 2004 г.; однако после воссоединения Крыма с Россией акватория Украины в Черном и Азовском морях значительно сократилась, что в перспективе вызовет пересмотр данного документа [6]. Статус Каспийского моря до сих пор остаётся

предметом переговоров, связанных с разделом ресурсов его шельфа (нефти и газа), а также биологических ресурсов. Поскольку Каспийское море представляет собой закрытый внутриконтинентальный водоем, не имеющий естественного соединения с Мировым океаном, к нему не должны применяться автоматически нормы и понятия международного морского права (в частности, положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., устанавливающие исключительные 200-мильные экономические зоны государств) [7]. На прошедшем в конце сентября 2014 г. в Астрахани IV Каспийском саммите (так называемой «Каспийской пятерки») президенты прикаспийских государств договорились об общих принципах разграничения водных пространств, дна и недр, о режиме судоходства и рыболовства в Каспийском море. Национальный суверенитет сторон будет распространяться над прибрежным морским пространством в пределах 15 морских миль, на примыкающей к этой зоне 10-мильной зоне будет распространяться исключительное право каждой из сторон на добычу водных биологических ресурсов. При этом большая часть акватории Каспия останется в общем пользовании сторон [8]. Немаловажным компонентом является исключение размещения на Каспии военной инфраструктуры третьих стран – право пребывания на Каспийском море имеют вооруженные силы исключительно прибрежных стран.

Важным фактором современного геополитического положения Юга России является существенное влияние на регион межгосударственных политических и военных союзов и организаций, которое в последнее десятилетие динамично меняется. Большинство стран-соседей региона являются членами **Содружества независимых государств (СНГ)**. Взаимодействию стран СНГ способствует территориальная близость, наличие единых границ, развитая транспортная инфраструктура, а также традиционные связи, возникшие в период существования в рамках единой страны. Несмотря на эти факторы, интеграция стран СНГ происходит медленно, что связано с разным уровнем экономического развития и частым несовпадением взаимных интересов государств, а по оценкам ряда аналитиков и экспертов, эта группировка государств постсоветского пространства исчерпала изначально заложенный в нее потенциал межгосударственного взаимодействия [9, 10, 11, 12]. Активная реализация стратегических интересов России, направленных на более тесное интеграционное взаимодействие со странами СНГ, в последнее десятилетие способствовала заключению ряда двусторонних соглашений и укреплению взаимного сотрудничества с соседними странами постсоветского пространства. Такое углубление интеграции предполагает создание на основе межгосударственных связей интеграционных образований более высокого ранга в рамках СНГ. Первым среди них стало **Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)**, созданное в 2001 г. с целью формирования общих внешних таможенных границ государств-участниц, выработки единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и других составляющих функционирования общего рынка. ЕврАзЭС объединяет 5 стран СНГ: Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию, Таджикистан, а наблюдателями выступают Армения, Молдова и Украина [3, 13].

Следующим шагом интеграции стало принятое в августе 2006 г. на Межгосударственном совете ЕврАзЭС принципиальное решение о создании **Та-**

моженного союза в составе трёх государств, готовых к этому, – Белоруссии, России и Казахстана [4]. Главным достижением Таможенного союза является создание единого таможенного пространства на основе принятого общего Таможенного кодекса, а существенным шагом в развитии дальнейшей, более прочной интеграции стала отмена в апреле 2011 г. транспортного контроля на границе стран Таможенного союза, а в июле 2011 г. и таможенного контроля – они перенесены на внешний контур границ Таможенного союза [14]. В итоге создание Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России позволит стимулировать экономическое развитие и повысить уровень развития национальных экономик путем значительного сокращения сроков перевозки грузов из Европы в Азию, что еще более усилит экономическую и геополитическую значимость южнороссийского региона, имеющего транзитное положение¹. Дальнейшая интеграция трех стран-членов Таможенного союза привела к оформлению Единого экономического пространства, перспективой которого призван стать с 2015 г. **Евразийский экономический союз**, к которому присоединится Армения, а в дальнейшем – и Киргизия [5, 14].

Ослабление интеграционных интересов в рамках СНГ на рубеже XX–XXI вв. привело к вовлечению ряда постсоветских государств в орбиту влияния других международных организаций, и прежде всего ЕС и НАТО. **Европейский союз** активно поводит политику активизации интеграционных связей с рядом стран СНГ в рамках проекта «Восточное партнерство», предусматривающего механизмы воздействия на реформы, проводимые в данных государствах, в обмен на либерализацию визового и торгового режима [15]. В итоге, в июне 2014 г. в Брюсселе три государства СНГ – Молдова, Украина и Грузия, – два из которых являются непосредственными соседями южнороссийского региона, подписали Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, который выставляет ряд требований, касающихся совершенствования системы государственного управления, взаимного открытия собственного рынка труда, финансов и товаров, усиления борьбы с коррупцией, внедрения европейских стандартов в области питания, образования, юриспруденции и других сфер деятельности [15]. В случае успешной реализации всех требований государства, подписавшие Договор об ассоциации, в перспективе могут претендовать на то, чтобы войти в состав Европейского союза в качестве полноправных членов. Однако реальные перспективы для этого не определены, и фактически открытие собственных рынков для предприятий и корпораций ЕС может пресытить экономику стран, присоединившихся к ассоциации, европейскими товарами, что нарушит сложившуюся конъюнктуру рынка, усилит конкуренцию и вытеснит местных производителей, а введение безвизового режима в отношении данных стран может вызвать рост миграционных потоков в европейские государства, в том числе дешевой рабочей силы. С целью защиты внутреннего рынка от ближайших соседей при их присоединении к ассоциации с ЕС и создания зоны свобод-

¹http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D1%8E%D0%B7_%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0_%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 - cite_note-7#cite_note-7.

ной торговли Россия вынуждена принять меры по защите собственных экономических интересов и от украинских, молдавских и грузинских товаров, которые, не выдержав конкуренции с привозными европейскими продуктами, могут хлынуть в нашу страну. В то же время меры регулирования внешнеторговых поставок могут стать дополнительным стимулом для производителей Юга России, способных насытить собственный рынок необходимыми продуктами питания высокого качества и тем самым повысить эффективность своей деятельности.

Наряду с Европейским союзом активную политику расширения своего влияния на Юг России и прилежащие страны оказывает и военно-политический **блок НАТО**. Северо-Атлантический альянс в отношении стран СНГ проводит политику по программе «Партнерство ради мира», направленную на оказание военно-консультационной помощи и проведение совместных военных маневров вблизи или на территории государств-партнеров [16]. Фактически же, прикрываясь лозунгами евроатлантической безопасности, блок НАТО ведет достаточно агрессивные политические действия, нарушая сложившийся десятилетиями паритет сил, приблизившись практически вплотную к границам нашей страны и нарушая зоны традиционных российских геополитических интересов. Примерами этого являются многочисленные визиты руководящих сотрудников Североатлантического альянса в Украину, Грузию и Молдову, осуществление мероприятий военной кооперации с этими странами, проведение военных учений в черноморском регионе. Это вносит деструктивный элемент и вызывает излишнюю напряженность во взаимодействии стран и опасения в уровне безопасности южнороссийского региона, который находится в непосредственной близости от стран-партнеров НАТО и входит в зону влияния политики Северо-Атлантического альянса. Активно вмешиваются в геополитическую ситуацию в Черноморо-Каспийском регионе и США, считая его территорией своих геополитических интересов.

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией делает нашу страну более талассократической, поскольку вновь присоединенные территории, расположенные в центре Северного Причерноморья, позволяют контролировать значительную часть Азово-Черноморского бассейна. При этом Россия, хотя и прирастила незначительную часть территории (27 тыс. км², что в масштабе площади всей страны составляет менее 0,2 %) и увеличила свои морские границы (примерно на 2,5 тыс. км), но в геостратегическом плане эти изменения весьма значимы. Российская Федерация в этом отношении стала геополитическим антиподом Турции в Черноморском бассейне и закрыла вход-выход Украине в Азовский бассейн. Именно Турция и Россия будут являться главными акторами геополитической ситуации в Черноморском регионе, но в то же время и основными геополитическими конкурентами. Это связано с тем, что зоны их геополитических интересов перекрываются в Крыму и на Кавказе. Турция активно поддерживала и поддерживает крымско-татарскую общину и влияет на тюркоязычные народы Кавказа (азербайджанцев, балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев), Россия, стремясь наладить стабильный южный путь транспортировки газа, осуществляет строительство газопровода «Южный поток» по дну Черного моря, вступая

тем самым в конкуренцию с Турцией в ее возможностях транзита углеводородов из Каспийского бассейна по суше. Несмотря на ряд других противоречий (вхождение во внешнеполитические блоки, сотрудничество с блоком НАТО), Россия и Турция сохраняют партнерские взаимоотношения как в экономике, так и во внешней политике, выступая странами-лидерами в **Организации черноморского экономического сотрудничества** как региональной группировке стран Черноморо-Азовского бассейна.

Значительным недостатком геополитического положения Юга России в связи с присоединением Крыма к России является пока еще отсутствие прямого сухопутного сообщения с «материком». Реализация проекта по строительству мостового перехода через Керченский пролив полностью разрешит данную проблему и позволит наладить прямое транспортное взаимодействие Крымского и Южного федеральных округов.

Таким образом, геополитическое положение Юга России отличается сложностью структуры, разнообразием, а зачастую и противоречивостью влияющих на него факторов, динамичностью изменений. Территория региона входит в зону внимания многих государств и межгосударственных организаций, что и в перспективе будет способствовать активному их влиянию на развитие ситуации в субъектах Юга России. В то же время многососедство, приграничность, тесная территориальная сопряженность областей, краев и республик с соседними странами, в том числе и самопровозглашенными территориями, широкий выход к морям будут способствовать упрочению транзитного потенциала геополитического положения региона и осуществлению внешнеполитических и экономических связей с другими регионами.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. М.: Росстат, 2013. 990 с.
2. Регіони України: Статистичний збірник. 2013. Ч. I. Київ: Держстат України, 2013. 300 с.
3. Заяц Д.В. Интеграционные орбиты СНГ // География. 2008. № 19. С. 3–4.
4. Олейник А. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана // География. 2011. № 12. С. 5–8
5. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. Деловая газета. 2011. 3 окт. С.1.
6. Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2003/12/57621/58572.shtml>.
7. Чернявский Е.Б. Что есть Каспий и как его поделить? // Природа. 2007. № 1. С. 40–48.
8. Документы, подписанные по итогам IV Каспийского саммита [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/4756.
9. Шупер В.А. Место России в отношениях между Западом и Китаем // География. 2011. № 2. С. 16–21.
10. Дергачёв В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 519 с.
11. Россия: социально-экономическая география / под ред. А.И. Алексеева, В. А. Колодова. М.: Новый хронограф, 2013. 708 с.
12. Постсоветское пространство: двадцать лет перемен / под ред. В.Л. Бабурина. Смоленск: Универсум, 2013. 300 с.
13. О Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/about.aspx>.

14. Таможенный союз. [Электронный ресурс] // Независимое Online обозрение. – Режим доступа: <http://www.customsunion.ru>.
15. Области на политиката на Европейския съюз [Электронный ресурс]: (на болгарском языке) // Европейски съюз (в български). – Режим доступа: http://europa.eu/index_bg.htm.
16. The Partnership for Peace programme [Электронный ресурс] // Nord Atlantic Treaty Organization. – Режим доступа: <http://www.nato.int/cps/en>.

Sergey A. Sukhinin. North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University (Rostov-na-Donu, Russian Federation). E-mail: suhmax@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/6

STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE GEOPOLITICAL LOCATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

Key words: *the South of Russia, geopolitical location, multi-neighborhood, close boundedness, integration associations.*

This article is characterized features of the modern geopolitical situation in Southern Russia as the union of the three federal districts in the country, based on the dynamics of political events in recent years. Among the main features of the geopolitical situation of the South of Russia the author identifies a large number of neighboring countries, frontier subjects, the proximity to breakaway state formations, seaside location, the impact on the Region of activity of international political, economic and military alliances and organizations as geopolitical actors.

South of Russia appears to us as a set of three federal districts - South, North Caucasus and Crimea (formed in March 2014 after joining the Crimea Sevastopol to Russia). The area of the South of Russia – 618.4 thousand km² (3.6% of the territory of Russia), the population – 26 million persons (18% of the population of Russia). Leading position in the area of the territory and population as part of the South of Russia takes the Southern Federal District. Crimean district is the smallest in the south of Russia and in the whole country.

The main features of the geopolitical position of the South of Russia are as follows:

1. Localization territory of subjects the South of Russia along the border of the country. Of the 15 subjects of the South of Russia 12 subjects are located at the landlubber state border of Russia.
2. Along the borders of the South of Russia are located the breakaway state entities such as Abkhazia, South Ossetia, Lugansk and Donetsk people's republics.
3. South of Russia has a wide output in the Black Sea, Azov Sea and the Caspian Sea. The legal status of these water bodies are not fully resolved and require further negotiations
4. A significant impact on the region has interstate economic, political and military alliances and organizations. Leading positions here remain the Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union, contributing to the strengthening of integration relations in the former Soviet territory. The worrying implications has accession of Ukraine and Georgia in association with the European Union, as well as the activities of the North Atlantic Treaty Organization near the boundaries of the South of Russia
5. In the South of Russia is spread impact vectors of geopolitical development of many countries, which include this territory in the zones of its influence. The most actively pursue its policy in the region, Turkey and the United States, as geopolitical rivals Russia.
6. Was expanded area of maritime boundaries in the South of Russia at the expense of joining the Crimea. However, no direct communication by land between the Crimea and mainland of Russia is problematic factor geopolitical situation in South of Russia.

In summary, it can be noted that the specificity of the geopolitical position of the South of Russia are the complexity of the localization structure, diversity and contradictions of factors influencing it, the dynamic changes. The territory of the region is in the zone of attention many states and international organizations, which in the future will facilitate actively to their impact on the development of the situation in the regions of the South of Russia. At the same time the presence of a large number of neighboring countries, placement along the border, strong territorial contingency of the South Russian subjects with neighboring countries, including the breakaway territories, wide access to the seas will contribute to strengthening of the transit potential of the geopolitical situation in the region in the implementation of foreign policy and economic relations with other regions.

References

1. Federal State Statistics Service. (2013) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli 2013* [Russian Regions. Social and Economic indicators 2013]. Moscow: Rosstat.
2. State Statistic Service of Ukraine. (2013) *Regioni Ukraïni: Statistichniy zbirnik. 2013* [Ukrainian Regions. Statistics Collection] Part 1. Kiïv: Derzhstat Ukraïni.
3. Zayats, D.V. (2008) Integratsionnykh orbity SNG [The CIS integration orbit]. *Geografiya*. 19. pp. 3–4.
4. Oleynik, A. (2011) Tamozhennyi soyuz Rossii, Belorussii i Kazakhstana [The Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan]. *Geografiya*. 12. pp. 5–8
5. Putin, V.V. (2011) Novyy integratsionnyy proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya [A new integration project for Eurasia - a future that is born today]. *Izvestiya. Delovaya gazeta*. 3rd October. p.1
6. Kremlin.ru. (2003) *Dogovor mezhdu Rossiyskoy Federatsiey i Ukrainoy o sotrudnichestve v ispol'zovanii Azovskogo morya i Kerchenskogo proliva* [Treaty between the Russian Federation and Ukraine on cooperation in the use of the Azov Sea and the Kerch Strait]. [Online] Available from: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2003/12/57621/58572.shtml>.
7. Chernyavsky, E.B. (2007) What the Caspian Sea really is and how to divide it? *Priroda*. 1. pp. 40–48. (In Russian).
8. Kremlin.ru. (2014) *Dokumenty, podpisannye po itogam IV Kaspiyskogo sammita* [The documents signed at the IV Summit of the Caspian]. [Online] Available from: http://news.kremlin.ru/ref_notes/4756.
9. Shuper, V.A. (2011) Mesto Rossii v otnosheniyakh mezhdu Zapadom i Kitaem [Russia's place in the relations between the West and China]. *Geografiya*. 2. pp. 16–21.
10. Dergachev, V.A. & Vardomsky, L.B. (2011) *Regionovedenie* [Regional Studies]. Moscow: YuNITI-DANA.
11. Alekseev, A.I. & Kolosov, V.A. (2013) *Rossiya: sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya* [Russia: socio-economic geography]. Moscow: Novyy khronograf.
12. Baburin, V.L. (2013) *Postsovetskoe prostranstvo: dvadtsat' let peremen* [The Post-Soviet Space: Twenty Years of Change]. Smolensk: Universum.
13. Eurasian Economic Commission.org. *O Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii* [About the Eurasian Economic Commission]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/about.aspx>.
14. Customsunion.ru. *Tamozhennyi soyuz* [The Customs Union]. [Online] Available from: <http://www.customsunion.ru>.
15. Europa.eu. *Oblasti na politikata na Evropeyskiya s"yuz* [Areas of the EU policy]. [Online] Available from: http://europa.eu/index_bg.htm. (In Bulgarian).
16. Nord Atlantic Treaty Organization. *The Partnership for Peace programme*. [Online] Available from: <http://www.nato.int/cps/en>.

УДК 328.3
DOI 10.17223/1998863X/31/7

Е.А. Вандышева, А.Ю. Сунгуров

КОНТРОЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПАРЛАМЕНТА: ПАРЛАМЕНТСКИЕ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ И СЧЕТНЫЕ ПАЛАТЫ

Рассматриваются формы и типы парламентского контроля, основное внимание уделяется вопросам деятельности депутатских комиссий по расследованию и счетных палат. Выявляются недостатки регулирования проведения депутатских расследований. Обозначается необходимость анализа роли депутатских комиссий по расследованию в политическом процессе и подходов к оценке эффективности деятельности счетных палат.

Ключевые слова: парламентский контроль, парламентское расследование, счетная палата.

Процесс становления парламентаризма в современной России на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации постоянно привлекает внимание российских и зарубежных исследователей. Наряду с определенными успехами развития демократических политических институтов в этом направлении во многих работах отмечается слабость российского парламентаризма, постоянно возрастающая зависимость российских legislatures от структур исполнительной власти, от Администрации Президента РФ на федеральном и от глав администраций на региональном уровне [1. С. 3; 2. С. 273].

Важным направлением анализа работы российских парламентов является рассмотрение эффективности реализации возложенных на них функций. Отметим, что общепринятого списка функций парламентов пока не выработано. Так, Ю.А. Тихомиров выделяет пять таких функций: законодательную, представительную, конституционную, внутриорганизационную и контрольную [3. С. 144]; И.А. Макаров – три функции: законодательную, представительную и контрольную [4. С. 67]; Ж.И. Овсепян – только две: законодательную и контрольную [2. С. 273]. Необходимость выделения контрольной функции признается всеми авторами. Различают следующие формы парламентского контроля: информативный (консультативный) контроль, санкционирующий (резолютивный или решающий) контроль и бюджетно-финансовый контроль [5. С. 12].

Под парламентским контролем мы будем понимать, следуя подходу М.М. Утяшева и А.А. Корнилаевой [6. С. 30], осуществляемый высшим законодательным (представительным) органом государственной власти комплекс мер по мониторингу и проверке деятельности системы государственного управления, а также по выработке предложений по устранению выявленных нарушений и причин и условий, способствовавших совершению таких нарушений.

Парламентскому контролю и его развитию в современной России посвящено значительное число исследований, однако большинство из них имеет чисто юридический характер, в них анализируются нормативные акты, но достаточно редко изучаются проблемы правоприменения [7, 8, 9].

В первом приближении можно выделить два основных типа реализации парламентского контроля: контроль, осуществляемый непосредственно депутатами, и контроль посредством специально созданных органов и структур. Первый тип депутатского контроля реализуется с помощью специальных процедур, среди которых основное место занимают направление парламентских и депутатских запросов, заслушивание на сессии отчетов и информации руководителей и должностных лиц органов исполнительной власти, проведение парламентских расследований в отношении наиболее резонансных событий общественно-политической жизни страны, включая случаи грубых и массовых нарушений прав человека [10, 11, 12], и, как крайняя форма, объявление вотума недоверия правительству и президенту (губернатору), а на уровне Государственной думы – выдвижение обвинения против Президента Российской Федерации для отрешения его от должности (импичмент). Второй тип парламентского контроля связан с созданием специальных, постоянно действующих органов, структур или институтов. В российской практике такими структурами являются Счетная палата Федерального Собрания РФ и контрольно-счетные палаты на уровне субъектов РФ как органы финансового контроля, с одной стороны [13. С. 44–47; 14. С. 33–35], и институт Уполномоченного по правам человека как разновидность института парламентского омбудсмена [15], с другой.

В данной работе мы кратко рассмотрим развитие в современной России процедур каждого типа и практику их применения: деятельность депутатских комиссий по расследованию и счетных палат.

1. Депутатские комиссии по расследованию

Эта форма реагирования депутатов региональных парламентов на наиболее значимые события общественно-политической жизни страны возникла в процессе работы советов разных уровней, избранных в последний период существования СССР, в 1989 г. – на Съезде народных депутатов СССР и в 1990 г., после избрания народных депутатов РСФСР, городских и областных советов. Серьезной нормативной базы для появления таких комиссий не было, парламентские комиссии по расследованию возникали *ad hoc* в качестве реакции на резонансные события политической и общественной жизни. Ярким примером на общесоюзном уровне может быть депутатская комиссия по расследованию событий в Тбилиси 9 апреля 1989 г., когда во время силового разгона массового митинга жителей грузинской столицы погибли 15 человек. Председателем этой комиссии был избран ленинградский профессор права Анатолий Собчак, секретарем – Сергей Станкевич, в состав комиссии вошло 24 народных депутата СССР. Комиссия выезжала в Тбилиси, выясняла обстоятельства событий апреля 1989 г. и подготовила заключение, представленное на Втором съезде народных депутатов в ноябре 1989 г. Важным выводом этой комиссии было заключение о неправомерном использовании роты воздушно-десантных войск, применявших для разгона митинга саперные лопатки, а также об использовании газа «Черемуха» [17].

Примером депутатской комиссии по расследованию на региональном уровне является Комиссия по депутатскому расследованию обстоятельств

государственного переворота на территории Ленинграда, созданная решением Президиума Ленинградского горсовета 23.08.1991 г., т.е. сразу после провала ГКЧП. В состав этой комиссии вошли тринадцать депутатов Ленсовета и два депутата Ленинградского областного совета, ее председателем был назначен заместитель председателя Ленсовета Б.А. Моисеев. В решении Президиума Ленсовета задачи комиссии были определены так:

– восстановление объективной картины развития событий в городе 19–21 августа 1991 г.;

– оценка действий должностных лиц, общественных объединений, организаций и их органов в указанный период;

– установление фактов выполнения должностными лицами актов и распоряжений Государственного комитета по чрезвычайному положению, его членов, а также созданных во исполнение его постановлений органов на местах;

– установление фактов противодействия распространению и исполнению указов Президента РСФСР, решений, распоряжений и иных актов Верховного Совета РСФСР, Совета министров РСФСР, Ленсовета, его Президиума, мэра и вице-мэра Ленинграда.

В составе комиссии было создано семь рабочих групп: по проверке деятельности КГБ; по проверке деятельности должностных лиц предприятий, организаций, учреждений; по проверке деятельности должностных лиц средств массовой информации и связи; по проверке деятельности должностных лиц государственных учреждений и организаций; по изучению деятельности военного командования Ленинграда; по изучению деятельности чрезвычайного комитета на территории Ленинграда; по изучению деятельности организаций КПСС и иных общественных организаций на территории Ленинграда. В состав этих групп, наряду с депутатами Ленсовета, вошли также представители демократических движений и научного сообщества Ленинграда. Так, в состав последней рабочей группы входило двадцать человек, из них семеро были депутатами Ленсовета [18]. Итоговый отчет Комиссии был подготовлен, представлен на Президиуме Ленсовета и затем опубликован в «Вестнике Ленсовета» [19. С. 27–32].

В одобренной на референдуме Конституции РФ 1993 г. рассматриваемый аспект контрольной функции российского парламента не получил отражения, комиссии по парламентскому или депутатскому расследованию почти двенадцать лет действовали без нормативного закрепления на федеральном уровне. Первая попытка принять Федеральный закон «О парламентских расследованиях» в 2002 г., инициированная группой депутатов [20], закончилась неудачей. Показательно, что противники принятия закона в обоснование своей позиции ссылались на то, что институт парламентских расследований не вписывается в существующую систему разделения властей и превратится в фискальный орган [21]. В сентябре 2005 г. новый проект Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания РФ» был внесён в Государственную думу во исполнение поручения Президента России по реализации основных положений Послания главы государства парламенту. В декабре того же года закон был принят и вступил в силу с момента его официального опубликования. Одной из предпосылок послужила деятельность созданной ad hoc парламентской комиссии по рас-

следованию обстоятельств теракта в городе Беслане. Наряду с общим заключением комиссии о том, что все антитеррористические действия силовиков были полностью обоснованы, по материалам депутатского расследования было подготовлено особое мнение члена комиссии, депутата Государственной думы Юрия Савельева, из которого следует, что взрывы в захваченной боевиками школе были вызваны действиями силовиков [22].

Однако на региональном уровне правила проведения депутатских расследований появились раньше, чем на федеральном. В 2002 г. был принят закон «О депутатских расследованиях на территории Калининградской области». Существенную роль в его появлении сыграл фонд «Региональная стратегия». Спустя два года аналогичный закон был разработан и принят в Московской области. Вступление в силу федерального закона привело к активизации регионального законодательства: в 2006 г. был принят закон Брянской области «О депутатском расследовании», в 2007 г. – законы «О депутатском расследовании Законодательного Собрания Пермского края» и «О депутатском расследовании Курской областной Думы», а также законы Воронежской области и Еврейской автономной области «О депутатском расследовании» и закон Чеченской Республики «О парламентском расследовании», в 2008 г. – закон «О депутатском расследовании в Томской области» и закон Кабардино-Балкарской республики «О парламентском расследовании»; в 2010 г. – закон «О депутатском расследовании Законодательного Собрания Нижегородской области», в 2011 г. – закон «О депутатском расследовании Думы Астраханской области». В отдельных регионах институт депутатского расследования закрепляется не в специальном законе, а в законе о статусе депутата (например, статья 13 закона «О статусе депутата Народного Хурала Республики Бурятия», статья 16 закона «О статусе депутата Народного Совета Удмуртской Республики»). В ряде субъектов РФ законы о парламентском расследовании так и не были приняты, несмотря на усилия депутатов из оппозиционных «Единой России» фракций (такие попытки предпринимались в Ставропольском крае, в Санкт-Петербурге и в других регионах). Вместе с тем в Санкт-Петербурге с 2002 г. действует рамочный закон «О контрольных функциях Законодательного Собрания Санкт-Петербурга», в котором закреплена возможность создания контрольной группы для проверки исполнения регионального законодательства и рассмотрения поступивших сведений о фактах коррупции. Следует согласиться с мнением В.В. Эмих, что предпочтительной формой регулирования является именно принятие отдельного закона субъекта Российской Федерации о депутатском (парламентском) расследовании [23].

Региональное законодательство о депутатских расследованиях строится на общих принципах и практически не отличается от субъекта к субъекту. Во всех законах решение о создании депутатской комиссии по расследованию принимается большинством от списочного состава депутатов, однако в них по-разному определены инициаторы такого решения. Согласно Федеральному закону «О парламентском расследовании» с инициативой должна выступить группа депутатов численностью не менее одной пятой от состава верхней или нижней палаты. Аналогичная норма содержится в законах Пермского края и Курской области, близкая к ней по смыслу – в законе Томской области (здесь требуется инициатива не менее 10 депутатов). В ряде субъектов РФ, например в Астраханской и Воронежской областях, для ини-

цирования вопроса о создании депутатской комиссии по расследованию требуется инициатива не менее одной трети депутатов. В законах, принятых до появления Федерального закона – в Калининградской и Московской областях, а также в законах Чеченской Республики и Брянской областей, – процесс инициирования создания комиссии по расследованию может быть начат всего пятью депутатами регионального парламента. На наш взгляд, такой подход является оптимальным, поскольку даже при недостаточном уровне соревновательности в парламенте он позволяет инициировать расследование при наличии предусмотренных в законе оснований.

Однако наличие принятого закона не влечёт автоматически применения его положений на практике. Так, на федеральном уровне после принятия специального закона была создана всего одна комиссия парламентского расследования – после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. В феврале 2014 г. в Государственной думе по инициативе фракции КПрФ была предпринята попытка создания парламентской комиссии в отношении Анатолия Сердюкова вскоре после распространения в СМИ информации, что бывший министр обороны «попал под амнистию». Эта инициатива была поддержана фракциями «Справедливой России» и ЛДПР, за нее проголосовали и два члена «Единой России», в итоге за создание комиссии высказались 214 депутата Государственной думы, т.е. решение не было принято [24].

На региональном уровне ситуация отличается в разных регионах. В Калининградской областной думе накоплен большой опыт создания депутатских комиссий по расследованию. Так, например, в марте 2014 г. проводилось депутатское расследование на территории Багратионовского района Калининградской области по поводу хищения средств, предназначенных для создания мелиоративной системы [25]. Проблема злоупотреблений при строительстве очистных сооружений уже была предметом депутатского расследования в 2013 г., результатом стало вскрытие фактов неправомерного расходования десятков миллионов рублей. Но, по оценке депутатов, результаты расследования никак не повлияли на деятельность следственных органов, которые не усматривают оснований для возбуждения уголовного дела [26]. Можно отметить также проблему доступа к результатам депутатских расследований. Так, результаты расследования фактов нарушения законодательства при распоряжении кредитом DresdnerBank, а также имуществом Регионального фонда развития и ЗАО «Балтптицепром», проведенного в 2006 г., оказались засекреченными, поскольку содержали коммерческую тайну и служебную переписку [27]. Материалы расследований далеко не всегда размещаются на сайтах представительных органов. Но существуют и удачные решения. Например, в Свердловской области еженедельно выходит специальная телевизионная программа «Депутатское расследование» [28].

В качестве основных недостатков регулирования проведения депутатских расследований можно назвать:

– ограниченный перечень событий, подлежащих парламентскому расследованию¹;

---

¹ В настоящее время на рассмотрении в Государственной думе находится законопроект, в котором предусматривается расширение перечня событий, подлежащих парламентскому расследованию.

- отсутствие механизма учета результатов проведенных расследований;
- недостаточный уровень прозрачности деятельности депутатских комиссий по расследованию.

Предметом серьезного политологического анализа должны стать существующие различия в подходах к организации и проведению парламентских расследований в субъектах РФ, а также вопрос об учете предложений депутатских комиссий об устранении выявленных нарушений и причин и условий, способствовавших их совершению.

2. Счетные палаты

Переходя от временных депутатских комиссий к постоянно действующим контрольным органам, создаваемым депутатскими ассамблеями, мы должны, прежде всего, обратить внимание на Счетную палату, созданную в соответствии с Конституцией РФ при Федеральном Собрании. Деятельность Счетной палаты направлена на проведение контрольно-аналитических мер в отношении намечаемых, осуществляемых и уже произведенных государственных расходов, иначе говоря, это контроль исполнения бюджета, причем не столько с формальной, сколько с сущностной стороны. Так, в ее функции входит, например, оценка обоснованности доходных и расходных статей проектов федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов; финансовая экспертиза проектов федеральных законов, а также иных нормативных правовых актов органов государственной власти, предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств федерального бюджета, или влияющих на формирование федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов. Поэтому в составе Счетной палаты РФ создаются различные специализированные структуры, к ее работе привлекают специалистов высокого класса, способных реализовать очень серьезный уровень сущностного контроля финансовых потоков, разумности запланированных расходов.

В субъектах Российской Федерации региональные парламенты также создают свои палаты для контроля обоснованности бюджетных расходов, на уровне краев и областей примерно в двух третях случаев они носят название контрольно-счетных палат, а в оставшейся трети – просто счетные палаты. Что касается республик в составе РФ, то соотношение меняется на 50:50. При этом встречаются и такие единичные названия парламентских органов финансового контроля, как Государственная счетная палата Республики Марий Эл, Государственный контрольный комитет Удмуртской Республики. В отличие от законов о депутатском расследовании, законы о счетных (контрольно-счетных) палатах существуют во всех субъектах РФ, и в соответствии с этими законами такие палаты созданы и активно работают.

Несмотря на различия названий, все счетные и контрольно-счетные палаты действуют сходным образом, выявляя в своих докладах и отчетах проблемные места или явные нарушения в бюджетно-финансовой сфере. Предпринимать же конкретные действия на основе докладов счетных палат должны уже другие органы – депутатские ассамблеи, прокуратура, другие государственные контрольные структуры.

Как и в случае парламентских комиссий по расследованиям, важной характеристикой счетных палат является процедура их создания, в этом случае – процедура назначения их руководства. Это особенно важно, так как счетные палаты создаются для постоянной работы, как правило на долгие годы. На федеральном уровне счетная палата создается решениями обеих палат – председатель палаты назначается решением Государственной думы на срок 6 лет, а его заместитель – решением Совета Федерации также на срок 6 лет. В субъектах РФ этот срок может различаться, но он всегда превышает срок полномочий ассамблеи, так, например, в Республике Татарстан и в Калининградской области счетные палаты создаются на 6 лет, а в Астраханской области и Санкт-Петербурге – на пять лет.

Следующим важным аспектом является круг субъектов выдвижения кандидатур в счетные палаты. В региональном законодательстве в подавляющем большинстве случаев правом выдвижения кандидатов на пост председателя этих палат обладают председатель депутатской ассамблеи, группа депутатов численностью не менее одной трети от общего числа депутатов, а также глава субъекта РФ. На наш взгляд, это вполне оправданная процедура создания органа государственной власти, призванного осуществлять парламентский контроль в бюджетно-финансовой сфере. Похожая процедура выдвижения кандидатов существовала изначально при назначении руководства Счетной палаты РФ, однако затем в первой половине 2004 г. в Государственную думу были внесены поправки в закон «О Счетной палате», в соответствии с которыми кандидатуры председателя Счетной палаты и его заместителя вносились Президентом РФ, который делал свой выбор из трех кандидатур, предложенных ему обеими палатами Совета Федерации. Если же эти палаты не поддержат эту кандидатуру, Президент может вносить затем уже свою собственную. Такие поправки, по сути делающие Счетную палату органом не парламента, а Администрации Президента и очень похожие на введенную полгода спустя процедуру назначения губернаторов субъектов РФ, сначала вызвали протест в Совете Федерации, который даже их отклонил [29], но затем были все-таки приняты. В этой связи можно предположить, что на примере Счетной палаты была апробирована процедура, которая в этом же году была успешно использована для фактической отмены выборов глав субъектов РФ.

В результате в России создана целая система счетных палат, которые, не имея узаконенной соподчиненности, активно взаимодействуют друг с другом. Основой такого взаимодействия стали договоры о сотрудничестве, которые Счетная палата РФ заключила со всеми счетными и контрольно-счетными палатами субъектов РФ. Подобные договоры заключены Счетной палатой РФ практически со всеми министерствами, агентствами и службами Правительства РФ, а также со многими исследовательскими организациями.

Счетные палаты осуществляют контроль в ходе подготовки законопроектов, связанных с формированием и исполнением бюджета. На этом этапе с учетом рекомендаций палат производится корректировка бюджета с точки зрения выполнения бюджетных посланий Президента, указов главы государства, представленные законопроекты оцениваются на соответствие требованиям действующего законодательства и принципам формирования бюджета. Результаты бюджетного анализа отражаются в заключениях. Помимо участия в законотворческом процессе, палаты осуществляют контроль исполнения бюджетных обязательств и занимаются выявлением конкретных нарушений. Так, Контрольно-счетная палата Санкт-Петербурга проводит

ежемесячный анализ положения дел в бюджетно-финансовой сфере и по результатам готовит доклад губернатору. Кроме того, о результатах мониторинга исполнения бюджета и рекомендациях по совершенствованию этого процесса информируется Законодательное собрание Санкт-Петербурга. Также палаты принимают участие в управлении государственным долгом.

Анализ Отчета о деятельности Контрольно-счетной палаты Санкт-Петербурга за 2013 г. показывает, что выработанные рекомендации не только рассматриваются, но и учитываются при формировании бюджета (осуществляется оптимизация бюджета, исключаются неправомерные расходы и др.). Деятельность палаты позволяет выявить системные проблемы, такие как увеличение расходов бюджетов, не подтвержденных обоснованиями, недостаточная сформированность нормативно-правовой базы, выделение значительных финансовых средств в конце года, недостоверность бухгалтерской отчетности, отсутствие контроля за выполнением работ со стороны государственных заказчиков, нецелевое использование бюджетных средств. Безусловно, такая деятельность оказывает влияние на формирование повестки региональных парламентов. Однако представляется достойным внимания вопрос о последствиях для нарушителей бюджетно-финансового законодательства и об обеспечении системных изменений.

Проблема эффективности деятельности счетных палат и конкретных мер, принимаемых уполномоченными органами, заслуживает отдельного серьезного анализа.

Литература

1. *Авакьян С.А.* О возможных и конституционно легитимных путях изменения баланса властей в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 3. С. 2–6.
2. *Овсяня Ж.И.* Система высших органов государственной власти в России (диалектика конституционно-правовых основ с начала XX по начало XXI в.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 592 с.
3. *Тихомиров Ю.А.* Теория компетенции. М.: Юринформцентр, 2001. 355 с.
4. *Макаров И.А.* Процедуры реализации принципа законности в деятельности законодательных (представительных) и высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Юридический мир. 2008. № 11. С. 65–69.
5. *Коврякова Е.В.* Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М.: Городец, 2005. 192 с.
6. *Утяшев М.М., Корнилаева А.А.* Контрольные функции региональных парламентов: сравнительный анализ // Право и политика. 2001. № 1. С. 29–32.
7. *Козлов А.И.* Институт парламентского контроля в Российской Федерации и государствах Центральной и Восточной Европы: сравнительно-правовой анализ // Современное право. 2011. № 4. С. 26–29.
8. *Коровникова Е.А.* Контрольная функция Федерального Собрания Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
9. *Тюльпанов В.А.* Контрольная функция законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации (на примере города федерального значения Санкт-Петербург): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 29 с.
10. *Федотова Ю.Г.* Институт парламентского расследования в Российской Федерации. М.: Новый индекс, 2014. 232 с.
11. *Трошев Д.Б.* Парламентские расследования как форма контроля Федерального Собрания Российской Федерации за деятельностью федеральных органов государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
12. *Спирidonov А.А.* Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 225 с.

13. *Скоков А.В.* Счетная палата Российской Федерации как орган парламентского контроля // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 44–47.
14. *Окулич И.П., Усатов Д.Н.* Проблемы контроля за деятельностью Счетной палаты Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 2. С. 33–35.
15. *Сунгуров А.Ю.* Институт Омбудсмана: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). СПб.: Норма, 2005. 384 с.
16. *Мионов О.О.* Очерки государственного правозащитника. М.: Изд-во СГУ, 2009. 518 с.
17. Заключение Комиссии Съезда народных депутатов СССР по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года. – URL: <http://sobchak.org/rus/docs/zakluchenie.htm> (Дата обращения: 29.04.2014).
18. *Сунгуров А.Ю.* Комиссии по депутатскому расследованию обстоятельств государственного переворота на территории Ленинграда // Публичная политика – 2009: Сборник статей. СПб.: Норма, 2010. С. 27–32.
19. *Отчет* комиссии по депутатскому расследованию обстоятельств государственного переворота на территории Ленинграда // Вестник Ленсовета. 1991. № 6. С. 4–16.
20. *Информация* о законопроекте доступна в Автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=214764-3&02> (Дата обращения: 11.05.2014).
21. *Комитет* по конституционному законодательству против проекта закона о парламентских расследованиях Федерального Собрания РФ // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – URL: <http://council.gov.ru/press-center/news/26283/> (Дата обращения: 11.05.2014).
22. *Публикации* СМИ о работе парламентской комиссии на сайте Совета Федерации РФ. – URL: <http://www.council.gov.ru/press-center/news/23359/> (Дата обращения: 10.04.2014).
23. *Эмих В.В.* Совершенствование парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 3. Электронный вариант доступен на сайте журнала. – URL: <http://politsocio.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/02/02/> (Дата обращения: 19.04.2014).
24. «Единая Россия» в Госдуме отказалась проводить парламентское расследование деятельности экс-министра обороны Сердюкова // Веб-сайт КИПРФ. – URL: <http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/128736.htm> (Дата обращения: 18.04.2014).
25. *Интервью* с С.И. Гинзбургом, депутатом Калининградской областной думы. Дата проведения: 14.03.2014.
26. *Чтобы* разорвать порочный круг... // Сайт Калининградской областной Думы. – URL: http://duma39.ru/press-center/publications/10129/?sphrase_id=13552 (Дата обращения: 10.05.2014).
27. *Депутатское* расследование по кредиту DresdnerBank засекретили для калининградцев // Информационное агентство Regnum. – URL: <http://www.regnum.ru/news/728882.html> (Дата обращения: 10.05.2014).
28. *Свердловское* областное телевидение. Программа «Депутатское расследование». – URL: http://www.obltv.ru/broadcasting/programs/726-deputatskoje_rassledovanije/ (Дата обращения: 07.05.2014).
29. *С президентского* благословения. Парламентарии собираются наделить Кремль новыми правами в отношении Счетной палаты // Российская газета. 2004. 27 июля.

Elena A. Vandyшева. National Research University the Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: vandisheva@gmail.com. DOI 10.17223/1998863X/31/7

Aleksandr Yu. Sungurov. National Research University the Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: asungurov@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/7

CONTROL FUNCTION OF THE PARLIAMENT: PARLIAMENTARY INQUIRY COMMISSIONS AND AUDIT CHAMBERS

Key words: *parliamentary control, parliamentary inquiry, audit chambers.*

Many scholars have noted the growth of dependence of Russian legislatures on executive authorities. For this reason it seems important to scrutinize the effectiveness of realization of parliament's functions in contemporary Russia. The number of functions varies from author to author, but all of them emphasize the heightened control.

Parliamentary control is implemented by the higher legislative (representative) body. We define it as a complex of measures which includes the monitoring and audit of the public administration and, also, the recommendations on the elimination of violations and the causes and conditions that contributed to their occurrence.

This article is devoted to the development and practices of parliamentary commissions of inquiry and account chambers. By analyzing the process of the institutionalization of investigation commissions, we highlight the main shortcomings of the regulation of parliamentary investigation. For example, a restrictive list of objects under parliament control, the failure of the mechanism which should be used for considering the results of finished investigations, or the lack of transparency in activities of parliamentary commissions of inquiry. We argue for the need of careful analysis of different approaches to organizing and providing parliament investigations in Russian regions, and also question of how the results of parliamentary investigations influence the political agenda.

We look at the control over the account chamber for the process of implementation of budgetary obligations. Analysis of activity of control-account chambers demonstrates that recommendations of these bodies are usually used during budgeting. The consequences of such participation include budget optimization, the exclusion of illegal outcomes, etc. We outline a few systematic problems, like increasing the budget without special circumstances, lack of legal framework, considerable year-end funding, unreliability of financial statements, lack of control over the execution of works from the side of state customers, and diversion of public funds.

Finally we indicate the need to research the role of parliamentary commissions of inquiry in the political process and approaches to assessing the efficiency of account chamber.

References

1. Avakyan, S.A. (2008) O vozmozhnykh i konstitutsionno legitimnykh putyakh izmeneniya balansa vlastey v Rossiyskoy Federatsii [On possible and constitutionally legitimate ways to change the balance of power in the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3. pp. 2–6.
2. Ovsepyan, Zh.I. (2006) *Sistema vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti v Rossii (dialektika konstitutsionno-pravovykh osnov s nachala XX po nachalo XXI v.)* [The system of the supreme bodies of state power in Russia (the dialectic of the constitutional and legal framework since the early 20th to the early 21st century)]. Rostov on Don: Rostov State University.
3. Tikhomirov, Yu.A. (2001) *Teoriya kompetentsii* [The theory of competence]. Moscow: Yurinfornsentr.
4. Makarov, I.A. (2008) Protsedury realizatsii printsipa zakonnosti v deyatelnosti zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [The implementation of the principle of legality in the activity of legislative (representative) and supreme executive bodies of subjects of the Russian Federation]. *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 11. pp. 65–69.
5. Kovryakova, E.V. (2005) *Parlamentskiy kontrol': zarubezhnyy opyt i rossiyskaya praktika* [Parliamentary oversight: international experience and Russian practice]. Moscow: Gorodets.
6. Utyashev, M.M. & Kornilaeva, A.A. (2001) Kontrol'nye funktsii regional'nykh parlamentov: sravnitel'nyy analiz [Control functions of regional parliaments: comparative analysis]. *Pravo i politika*. 1. pp. 29–32.
7. Kozlov, A.I. (2011) Institut parlamentskogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii i gosudarstvakh Tsentral'noy i Vostochnoy Evropoy: sravnitel'no-pravovoy analiz [Institute of parliamentary control in the Russian Federation and the countries of Central and Eastern Europe: a comparative legal analysis]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 4. pp. 26–29.
8. Korovnikova, E.A. (2007) *Kontrol'naya funktsiya Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii* [The control function of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Tyulpanov, V.A. (2012) *Kontrol'naya funktsiya zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoy vlasti sub'ekta Rossiyskoy Federatsii (na primere goroda federal'nogo znacheniya Sankt-Peterburg)* [The control function of the legislative (representative) body of state authority of the Russian Federation (as exemplified by the federal city of St. Petersburg)]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
10. Fedotova, Yu.G. (2014) *Institut parlamentskogo rassledovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Institute of parliamentary investigation in the Russian Federation]. Moscow: Novyy indeks.
11. Troshev, D.B. (2008) *Parlamentskie rassledovaniya kak forma kontrolya Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii za deyatelnost'yu federal'nykh organov gosudarstvennoy vlasti* [Parliamentary investigations as a form of control by the Federal Assembly of the Russian Federation of the activities of federal authorities]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

12. Spiridonov, A.A. (2008) *Institut parlamentskikh rassledovaniy v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie* [Institute of parliamentary investigations in the Russian Federation: the legal research]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Skokov, A.V. (2009) Accounting Chamber of the Russian Federation as a body of the parliamentary control. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 5. pp. 44–47. (In Russian).
14. Okulich, I.P. & Usatov, D.N. (2006) Problemy kontrolya za deyatelnost'yu Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii [Problems of control over the activities of the Accounting Chamber of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2. pp. 33–35.
15. Sungurov, A.Yu. (2005) *Institut Ombudsmena: evolyutsiya traditsiy i sovremennaya praktika (opyt sravnitel'nogo analiza)* [The Institute of Ombudsman: evolution of traditions and modern practice (the experience of comparative analysis)]. St. Petersburg: Norma.
16. Mironov, O.O. (2009) *Ocherki gosudarstvennogo pravozashchitnika* [Essays of the state human rights activist]. Moscow: SGU.
17. Sobchak.org. *Zaklyuchenie Komissii S"ezda narodnykh deputatov SSSR po rassledovaniyu sobytiy, imevshikh mesto v g. Tbilisi 9 aprelya 1989 goda* [Conclusion of the Commission of the Congress of the USSR People's Deputies to investigate the events that took place in Tbilisi on April 9, 1989]. [Online] Available from: <http://sobchak.org/rus/docs/zaklyuchenie.htm>. (Accessed: 29th April 2014).
18. Sungurov, A.Yu. (2009) Komissii po deputatskomu rassledovaniyu obstoitel'stv gosudarstvennogo perevorota na territorii Leningrada [The Parliamentary Commission on the investigation of the circumstances of the coup in Leningrad]. In: Gornyy, M.B. & Sungurov, A.Yu. (eds) *Publichnaya politika – 2009* [Public Policy – 2009]. ST. Petersburg: Norma. pp. 27–32.
19. Annon. (1991) Otchet komissii po deputatskomu rassledovaniyu obstoitel'stv gosudarstvennogo perevorota na territorii Leningrada [Report of the Parliamentary Commission on the investigation of the circumstances of the coup in Leningrad]. *Vestnik Lensoвета*. 6. pp. 4–16.
20. The RF State Duma. *Informatsiya o zakonoproekte dostupna v Avtomatizirovannoy sisteme obespecheniya zakonodatel'noy deyatelnosti* [Details of the bill of access in the automated systems to ensure legislative activity]. [Online] Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=214764-3&02>. (Accessed: 11th May 2014).
21. Council.gov.ru. *Komitet po konstitutsionnomu zakonodatel'stvu protiv proekta zakona o parlamentskikh rassledovaniyakh Federal'nogo Sobraniya RF* [The Committee on Constitutional Legislation against the draft law on parliamentary investigations of the Federal Assembly of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/press-center/news/26283/>. (Accessed: 11th May 2014).
22. Council.gov.ru. *Publikatsii SMI o rabote parlamentskoy komissii na sayte Soveta Federatsii RF* [Mass media about the work of the Parliamentary Commission on the website of the Federation Council]. [Online] Available from: <http://www.council.gov.ru/press-center/news/23359/>. (Accessed: 10th April 2014).
23. Emikh, V.V. (2012) The development of the parliament control in the subjects of the Russian. *Voprosy politologii i sotsiologii – Political and Philosophical Sciences*. 3. (In Russian). [Online] Available from: <http://politsocio.uapa.ru/ru-ru/issue/2012/02/02/>. (Accessed: 19th April 2014).
24. The CPRF. (2014) *“Edinaya Rossiya” v Gosdume otkazalas' provodit' parlamentskoe rassledovanie deyatelnosti eks-ministra oborony Serdyukova* [United Russia in the State Duma refused to hold a parliamentary investigation of the ex-defense minister Serdyukov]. [Online] Available from: <http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/128736.htm>. (Accessed: 18th April 2014).
25. Ginzburg, S.I. (2014) *Interv'yu s S.I. Ginzburgom, deputatom Kaliningradskoy oblastnoy dumy* [Interview with S.I. Ginzburg, a deputy of the Kaliningrad Regional Duma]. 14th March 2014.
26. Kaliningrad Regional Duma. (2013) *Chtoby razorvat' porochnyy krug...* [To break the vicious circle ...]. [Online] Available from: http://duma39.ru/press-center/publications/10129/?sphrase_id=13552. (Accessed: 10th May 2014).
27. Regnum.ru. (2014) *Deputatskoe rassledovanie po kreditu DresdnerBank zasekretili dlya kaliningradtsev* [The deputy investigating the case concerning the loan of DresdnerBank was made secret for Kaliningrad]. [Online] Available from: <http://www.regnum.ru/news/728882.html>. (Accessed: 10th May 2014).
28. Obltv.ru. (2014) *Sverdlovskoe oblastnoe televidenie. Programma “Deputatskoe rassledovanie”* [Sverdlovsk Regional TV. The deputy investigation]. [Online] Available from: http://www.obltv.ru/broadcasting/programs/726-deputatskoje_rassledovanie/. (Accessed: 7th May 2014).
29. *Rossiyskaya gazeta*. (2004) S prezidentskogo blagosloveniya. Parlamentarii sobirayutsya nadelit' Kremli' novymi pravami v otnoshenii Schetnoy palaty [Presidential blessing. MPs are going to give the Kremlin with new rights in respect of the Accounting Chamber]. 27th July.

УДК 32.001
DOI 10.17223/1998863X/31/8

Т.А. Королева

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЖЕНЩИН

Женское движение представляет собой одно из проявлений социальной активности и является неотъемлемым элементом гражданского общества. Отражая процесс вызревания демократических идеалов и ценностей, такое движение служит барометром настроений и духовных ориентиров женских масс, по которому власти должны сверять свои программы и политику.

Ключевые слова: женское общественно-политическое движение, политические права, гендерное равенство.

Жить в гармоничном мире – мечта каждого человека, это значит жить в мире, который отвечает радостью на твою радость, сочувствием, когда тебе больно. Очень важно для каждого человека жить в обществе, которое принимает, понимает и уважает каждого человека, обеспечивает равные права и равные возможности как мужчинам, так и женщинам.

Перед женским сообществом стоит объективная задача расширения своего взгляда: ощутить себя частью единого целого, где все взаимосвязано и жизненно важна каждая деталь, добиться гармонии между личной и общественной жизнью, между профессиональной карьерой и домашним очагом.

Процесс вызревания демократических идеалов и ценностей имеет своей обязательной предпосылкой индивидуализацию личности, обретение индивидом автономии. Составной частью этого процесса является эмансипация женщин, которая предполагает в числе прочего отказ от парадигмы «естественного» разделения труда между мужчиной и женщиной с характерным для него принципом взаимодополняемости мужской и женской ролей в пользу равенства прав и возможностей между полами и, соответственно, принципа взаимозаменяемости между ними [1. С. 643].

Если согласиться с тем, что главной функцией любого женского движения является работа по подъему самосознания женских масс в духе гендерного равенства и справедливости, то нельзя не заметить, что российское женское движение развивается именно в этом направлении, и оно накопило бесценный опыт в этом отношении. Оптимистично выглядит тенденция к росту самосознания женского населения в России. Действительно, особое историческое значение деятельности женских организаций лежит в плоскости формирования самосознания россиянок, в росте их самооценки, чувства собственного достоинства, основанного на признании права на собственный выбор роли в обществе, не ограничиваясь единственной извечной ролью «хранительницы домашнего очага», полностью подчиненной представителям «сильного пола».

Становление независимого женского движения в России получило достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной литературе. Тенденции, направления, формы деятельности, успехи и неудачи активисток в 1990–2010-х гг. исследованы Н.И. Абубикировой, С.Г. Айвазовой, Т.А. Клименковой, Е.В. Израелян, О. Липовской, Т.А. Мельниковой, М.А. Регентовой, О.А. Хасбулатовой, Н.А. Шведовой, Л.Т. Шинелевой и другими.

Требование равных возможностей, что, несомненно, больше, чем простое равноправие, подразумевает защиту прав и интересов и женщин, и мужчин с учетом специфики каждого субъекта социально-половой группы. Поскольку любая политика имеет корни в обществе и отражает доминирующие ценности, то политика в отношении женщин в «устоявшихся демократиях» отражает новый социальный контракт, в котором мужчины и женщины имеют равные права.

Действительно, женщины и мужчины – разные, но как члены одного общества, государства – равные и должны обладать не только равными правами, но и равными возможностями. На самом деле, нельзя заниматься по отдельности вопросами равноправия женщин и мужчин, если есть искреннее стремление добиться реального улучшения в этой сфере. Еще в XIX в. великий русский писатель А.П. Чехов говорил, что «женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского – глупеют».

России необходима гендерная стратегия – основная линия политической деятельности государства и главных направлений, по которым правительство предпринимает совокупность мер и мероприятий, провозглашенных в соответствующем политическом курсе по восстановлению гендерного баланса в обществе, и прежде всего в общественно-политической сфере.

Российский опыт показывает, что развитие партнерства в политике объективно зависит от уровня партнерства в социальной модели общества в целом и наоборот. При этом национальный механизм гендерного равенства – объективно необходимый инструмент защиты интересов социально-половых общностей, часть государственной машины, главная функция которой – учет специфики положения мужчин и женщин в обществе. Отсюда вытекает задача – работа над созданием национального механизма, ибо без наличия такого института невозможно осуществление в полной мере ни политических, ни социальных, ни иных прав женского населения в России.

Изучая современное женское движение в России, можно отметить, что движение представляет собой одно из проявлений социальной активности. Оно – неотъемлемый элемент гражданского общества. Отражая процесс зрелости демократических ценностей, такое движение служит барометром настроений и духовных ориентиров женских масс, по которому власти должны сверять свои программы и политику.

Процессы общественной и политической трансформации в России предполагают включение различных социальных групп и политических сил в систему выработки, принятия и реализации политических решений. Современное российское женское движение, несмотря на ослабление политической активности и уменьшение институциональных возможностей для деятельности в 2000-х гг., обладает потенциалом для продвижения и защиты

интересов женщин во власти и в общественной сфере, борьбы за гендерное равноправие и улучшение положения россиянок в обществе. Современное женское движение в России продолжает развиваться. На сегодняшний момент главной задачей российского женского движения, провозглашаемой его представителями и экспертами, становится задача презентации в публичной сфере дискурсов гендерного равноправия и защиты прав женщин, выход женского движения из зоны социальной невидимости [2. С. 28].

Специалисты предлагают различную типологию женских организаций. Одни классифицировали организации по целям, другие – по видам деятельности, третьи – по организационным формам или иным параметрам. В целом, ученые почти единодушны в оценке того, что российским женским организациям удалось многого добиться в области просветительной и образовательной работы, а также частичного вовлечения в политические процессы. В этом неопределимая заслуга женского движения, которое, конечно, разнолико и по социальному составу, и по идеологической направленности, однако утверждает в общественном сознании и в самосознании самих женщин мировоззрение, разделяющее взгляд на женщину как на субъект истории, что дает женщине право на собственный выбор роли в обществе.

Отмечая работу женских организаций Санкт-Петербурга, можно назвать следующие: Межрегиональная общественная организация «Союз женщин Санкт-Петербурга и Ленинградской области» Союза женщин России; Санкт-Петербургская региональная правозащитная общественная организация «Союз содействия призванным и военнослужащим»; Петербургский женский кризисный психологический центр; Санкт-Петербургская региональная общественная организация «Женская инициатива»; Санкт-Петербургская общественная женская организация «Лама»; Круглый стол женских общественных организаций и объединений Санкт-Петербурга «Женский диалог», который является консультативно-экспертным органом женских общественных объединений и организаций Санкт-Петербурга при Комитете по труду и социальной защите населения. Е.И. Калинина – создатель Международного института «Женщина и управление» – первого в современной России образовательного учреждения, ставящего своей целью повышение конкурентоспособности женщин на рынке труда, развитие их лидерских качеств, содействие их профессиональному продвижению. Институт каждый год проводит выставку-презентацию «Женский проект» и международную конференцию «Женщина в меняющемся мире». Преподавателями и учеными института выполнен целый ряд научных исследований по проблемам социально-экономического положения женщин и развития женского бизнеса.

Женщины являются важными носителями политических и экономических перемен. Инвестиции в развитие потенциала женщин и расширение их возможностей, прежде всего на уровне принятия решений, – меры, не только имеющие самостоятельную ценность, но и представляющие собой объективно необходимый и надежный путь к обеспечению участия женщин в процессе экономического роста и развития. Поэтому так важно преодолеть в России реальное отчуждение «женского фактора» в политической жизни страны. Сегодня партии, реально располагающие властью в стране, не проявляют ни должного интереса, ни соответствующего внимания к этой проблеме [5. С. 17].

А между тем очевидно, что тот из субъектов политического процесса, кто первым осознает это и проявит политическую волю в направлении мобилизации женского потенциала, окажется в политическом выигрыше.

Следует отметить специфические слабости женского движения в России, среди которых наиболее важными представляются:

- недостаточное осознание активистками своих гражданских прав, низкий уровень их знаний и юридической грамотности, отсутствие навыков защиты своих прав;
- недооценка необходимости политического участия;
- недостаточно развитая взаимосвязь феминистской теории и практики женского движения;
- узкая социальная база, раздробленность и «элитарный характер» движения;
- отсутствие ярких женских лидеров;
- инкорпорирование независимых общественных организаций в государственные структуры;
- практическое отсутствие материальных ресурсов для инфраструктуры поддержки общественного движения, а особенно женского движения;
- отсутствие общенациональной женской идеи, способной повести женское движение в направлении его консолидации;
- выраженное недоверие к организационным попыткам по координации действий «снизу доверху», в которых усматриваются посягательства на самостоятельность;
- отсутствие настоящей работы по созданию коалиций как внутри женских НКО, так и с другими общественно-политическими силами, включая партии, профсоюзы и др. [4. С. 14].

Исследование слабых сторон женского политического движения приводит к изучению законодательной базы, призванной обеспечить гендерное равенство в Российской Федерации. И здесь можно отметить отсутствие в нашей стране реально действующего национального механизма по вопросам продвижения интересов женщин, а также мизерное участие женщин в принятии решений: номинальное участие женщин, часто назначение одной-двух женщин на высокие должности. Так, мы можем констатировать, что в Правительстве Российской Федерации лишь две женщины занимают руководящие посты: это Ольга Юрьевна Голодец, заместитель председателя правительства по социальным вопросам, и Вероника Игоревна Скворцова, министр здравоохранения РФ.

Характерной особенностью существующей политической культуры, с большим трудом поддающейся изменениям, можно отметить активную позицию женщин в различных формах общественной жизни – в общественных организациях, профсоюзах, школьных родительских комитетах и т. д. Женщины – в центре практически всех добровольческих обществ. Но их гораздо меньше, чем мужчин, на политическом Олимпе. В иерархических политических структурах они находятся у основания пирамиды.

Объясняя слабое представительство женщин в политическом процессе, как российские, так и зарубежные аналитики, как правило, указы-

вают на четыре основные причины: во-первых, социально-экономические условия, не позволяющие средней женщине заниматься «большой политикой»; во-вторых, неспособность политических партий определить в своих концепциях гендерные роли и женские семейные обязанности в соответствии с требованиями сегодняшнего дня; в-третьих, низкую организационную культуру политических партий, не способствующую участию в них женщин; в-четвертых, живучесть патриархатных предрассудков в высших эшелонах партийной мужской элиты, отталкивающих женщин от участия в борьбе за место в правительстве или Законодательном Собрании.

Н.А. Шведова выделяет следующие типичные формы и методы сопротивления гендерному равенству со стороны правительственных структур, возглавляемых, как правило, мужчинами:

– равнодушие и неприятие, активное противодействие идеям гендерного равенства;

– формальное признание идей равенства и отрицание наличия проблемы, часто в узком контексте утверждается, что конкретная деятельность или программы не дискриминационные;

– определение «актуальных» и острых проблем и потребностей женщин на основе нерепрезентативных и поверхностных суждений;

– проволоочки с принятием конкретных действий, вопрос откладывается «под сукно»;

– ошибочная интерпретация стратегии интеграции гендерного подхода: гендерное равенство подменяется акцентом на процессе вовлечения женщин в программы и деятельность, где их вклад чрезвычайно незаметен и участие их незначительно;

– видимость деятельности или символические действия.

Очевидно, что женским НКО необходимо научиться работать с разными политическими силами, чтобы передвигаться в поле реальных политических процессов. Необходима работа с молодежью.

Вместе с тем, вопреки всем трудностям и препятствиям, женское движение в России живет и функционирует не хуже любого другого социального или общественного движения в стране. Женские организации появляются, исчезают и вновь появляются, стремясь выразить интересы различных женских групп и объединений. Сформировано информационное поле, позволяющее создавать временные коалиции, альянсы.

Многое будет зависеть от женского лидерства, которому придется позаботиться не только о стратегии женского движения, нацеленной на достижение равенства прав и возможностей для женщин и мужчин путем консолидации на основе конкретной задачи, но и подкрепить ее тактическими разработками. Причем следует особое внимание уделить потребности изменения общественного сознания и повышения самооценки женщин.

Нельзя сбрасывать со счетов активную позицию противодействия проникновению женщин во власть определенной части мужской политической элиты, которая всячески стремится поддержать гендерный стереотип – «политика не для женщин». Отношение российских политиков к системе кво-

тирования по образцу цивилизованных стран, т.е. к реальной возможности достижения равенства мужчин и женщин, также не поддерживается, и многие годы закон о квотировании мест в российском правительстве не принимается.

Пока существует широкая поддержка так называемого «традиционного» общества, которое базируется на идеологии патриархата или сексизма (признания превосходства одного пола над другим, исповедующего следующие устойчивые высказывания: «она – хранительница очага, а он – добытчик-хозяин»; «он – голова, она – шея»; «бьет – значит любит»; и т.д.), неравенство будет торжествовать в самых различных проявлениях.

Необходимо гендерное просвещение мужчин относительно прав женщин; проведение специальных тренингов по «гендерному равновесию». Обучение по гендерным вопросам не должно проводиться только женщинами, поскольку это может привести к тому, что население понятие гендера будет ассоциировать только с женскими вопросами. Необходимо законодательное обеспечение, которое предусмотрело бы нормы, возлагающие на Правительство Российской Федерации обязанность разработки и реализации специальных мер по кадровому, научному и информационному обеспечению государственной гендерной политики, совершенствованию гендерной статистики, характеризующей положение полов. Широкое распространение сексизма требует проведения последовательной и настойчивой борьбы с ним, которую надо рассматривать как главную цель гендерного просвещения. Важно помнить: нет только одного пути, который может подойти всем женщинам мира. История не развивается по прямой – одни и те же причины могут вызывать различные последствия. Регулярные встречи научного сообщества и обмен мнениями и опытом могут способствовать совершенствованию научно-теоретических знаний.

Без введения национального механизма по интеграции интересов женщин в социально-политический процесс на его прагматическом реальном уровне невозможно построить ни демократическое общество, ни правовое государство. Актуальность этого механизма напрямую связана с необходимостью активизации женского электората на всех уровнях. Не случайно мировое сообщество признает соблюдение важнейшего принципа развития человеческого потенциала – равенство полов – необходимым условием прогресса, суть которого в расширении свободы выбора для представителей обоих полов – женщин и мужчин – во имя цели развития.

Российскому обществу в целом необходимо понять, что только гендерная гармония – путь к цивилизованному обществу и государству, в котором комфортно женской и мужской личности – гражданам страны. Без преувеличения можно утверждать, что именно активное, инициативное и настойчивое женское движение, постоянно работающее над повышением своего профессионального и политического уровня, может стать главным фактором в реализации всех позитивных перемен в статусе женского населения на пути достижения цели гендерного равенства. Достижение гендерного баланса требует политической воли, совершенствования законодательства, эффективной экономической и социальной политики.

Можно сделать вполне очевидный вывод: от гендерного равенства и справедливости выиграют и женщины, и мужчины, а значит, и общество, и государство. Несправедливо и расточительно с точки зрения интересов государства такое положение вещей, при котором колоссальный потенциал женщин, их опыт не используются на благо страны, на благо всех членов общества. И это прискорбный факт, поскольку нельзя построить цивилизованное демократическое общество и государство, исключив большую часть населения из активного процесса.

Литература

1. Айвазова С.Г. Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2004. С. 641–656.
2. Ушакова Т.Ю. Проблемы гендерного равенства: политические аспекты. М.: Ин-т сравнит политологии РАН, 2008. 78 с.
3. Хасбулатова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Ивановский государственный университет, 2004.
4. Шведова Н.А. Гендерный фактор в политике // Права женщин в России. Законодательство и практика. М., 2000. № 1 (10).
5. Шведова Н.А. Просто о сложном. Гендерное просвещение. М.: Антикава, 2002.

Tatiana A. Koroleva. St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: korolevaliki@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/8

FEATURES A MODERN POLITICAL MOVEMENT OF WOMEN

Key words: *women's socio-political movement, the political rights, gender equality.*

In the article "features of modern political movement of women" discusses General approaches to the study of political activity, reveals the specific features of the women's movement in Russia, among which the most important seem to be:

- lack of awareness of their civil rights activists, their low level of knowledge and legal awareness, lack of ability to protect their rights;
- underestimating the need for political participation;
- insufficient development of the relationship of feminist theory and practice of the women's movement;
- narrow social base, fragmentation and "elitism" of the movement;
- the absence of strong female leaders;
- the incorporation of independent NGOs to government agencies;
- lack of material resources to support infrastructure, social movements, and especially the women's movement;
- the absence of a national women's ideas, able to lead the women's movement in the direction of consolidation;
- distrust of attempts to organizational coordination "from top to bottom" in which are infringing on the autonomy;
- the lack of real work on building coalitions within women's NGOs and other social and political forces, including parties, trade unions, etc.

The women's movement is very diverse and in social structures and ideological orientation, however, argues in the public consciousness and in the consciousness of the women themselves worldview that divides the view of woman as the subject of history, which gives women the right to own choice role in society.

The requirement of equal opportunities, which certainly is more than a simple equality - gender requirement implies the protection of the rights and interests of both women and men taking into account the specificity of each subject's socio-sex groups.

Russian society as a whole needs to understand that only gender harmony is the way to a civilized and comfortable society and the state, which comfortably worthy female and male individuals - citizens of the country.

It is no exaggeration to say that it is active, enterprising and persevering women's movement,

constantly working on improvement of their professional and political level, can become a key factor in the implementation of all positive changes in the status of the female population in achieving the goal of gender equality. Achieving gender balance requires political will, legislative, effective economic and social policies.

References

1. Ayvazova, S.G. (2004) Zhenskoe dvizhenie kak resurs modernizatsii Rossii [The women's movement as a resource for the modernization of Russia]. In: Stepanova, N.M. Kirichenko, M.M. & Kochkina, E.V (eds) *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system* [Gender reconstruction of political systems]. St. Petersburg: ALETEYYa. pp. 641–656.
2. Ushakova, T.Yu. (2008) *Problemy gendernogo ravenstva: politicheskie aspekty* [Gender equality: the political aspects]. Moscow: Institute of Comparative Polotology RAS.
3. Khasbulatova, O.A. (2004) *Rossiyskaya gendernaya politika v KhKh stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the 20th century: Myths and Realities]. Ivanovo: Ivanovo State University.
4. Shvedova, N.A. Gendernyy faktor v politike [Gender in politics]. *Prava zhenshchin v Rossii. Zakonodatel'stvo i praktika*. 1 (10).
5. Shvedova, N.A. (2002) *Prosto o slozhnom. Gendernoe prosveshchenie* [Complex things in plain words. Gender Education]. Moscow: Antikva.

УДК 329.8
DOI 10.17223/1998863X/31/9

А.А. Трунтягин, А.Н. Трунтягин

ПАРТИЙНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Рассматриваются положение и значение политической партии «Единая Россия» как ключевого субъекта партийной системы современной России. Анализируются причины и условия, которые препятствуют формированию правительства, подотчетного партии, одержавшей победу на национальных выборах.

Ключевые слова: *политические партии, партийное доминирование, формирование правительства, «Единая Россия».*

Претензии парламентских партий относительно вопросов формирования ответственного перед парламентским большинством правительства не единожды звучали на партийных конференциях и в стенах российского законодательного органа власти. Во втором созыве Государственной думы политическим партиям даже удалось реально поучаствовать в формировании высшего исполнительного органа государственной власти. Можно подтвердить это событие фактом 1998 г., когда в нашей стране «...впервые появилось правительство парламентского большинства. В нём были представлены и КПРФ (первый вице-премьер Ю. Маслюков), и АДГ (вице-премьер Г. Кулик), и ЛДПР (вице-премьер С. Калашников), и «Яблоко» (министр финансов М. Задорнов...)» [1. С. 372–373]. Этот исключительный прецедент в политической практике не получил дальнейшего распространения и развития.

Желание партийных руководителей формировать подотчётное правительство было и у лидеров «Единой России». В перерывах съезда партии в 2003 г. председатель высшего совета ВПП «Единая Россия» Б.В. Грызлов заявил: «После выборов в Госдуму мы будем добиваться того, чтобы как можно больше наших сторонников и членов партии вошли в состав кабинета министров... Я считаю, что последующие (после выборов) четыре года у нас будет возможность поставить и решить вопрос о том, чтобы правительство формировала партия, победившая на выборах» [2]. К данному высказыванию можно лишь добавить, что гипотетическая возможность реализовать данную инициативу действительно была, ведь партия получила квалифицированное число мандатов в нижней палате парламента по итогам выборов в 2003 г., а это значит, что она могла единолично без учёта позиции других парламентских партий изменить даже некоторые нормы Конституции РФ. Почему же тогда «Единая Россия» не воспользовалась этим правом?

Рассуждая о перспективах формирования правительства партией, одержавшей победу на выборах, стоит в общих чертах дать оценку состоянию

партийной системы, доминирующему в ней игроку, а также в целом роли парламента в политике.

Сформированная в России в XXI в. кремлёвскими мастерами политического процесса партийная система не даёт основания считать политические партии полноценными субъектами политики. Процесс усиления «Единой России» как интегративной политической силы, которой во многом отводилась инструментальная роль по снижению уровня влияния парламентских партий на процесс принятия решений, сопровождался застоём в развитии партий, а также падением значения парламента как независимого политического института. Постоянное ужесточение норм Федерального закона «О политических партиях» вплоть до 2012 г., касающихся порядка создания и работы партий, привело к тому, что указанный закон стал эффективным препятствием на пути создания новых партий. Характеризуя данную стратегию властей, Г.В. Голосов выделяет два замечания: с одной стороны, действительно, в России 1990-х гг. видится избыточное значение «партийных ярлыков» на электоральном рынке, что снижает спрос на партии, препятствует их развитию, с другой стороны, установив «вето» на создание новых партий, данный закон законсервировал структуру партийных альтернатив, которая сложилась ранее [3. С. 267–268]. Действительно, практически все партии, которые впоследствии будут организовываться в России, отныне станут создаваться крупными и уже известными политиками и бизнесменами, а шансы на победу новых независимых партий будут стремиться к нулю, что и подтверждает последующая электоральная практика.

Как отмечает С.Н. Пшизова, вход на политический рынок жёстко контролируется, а тенденция сращивания партий с государством приобретает уродливую форму «административного ресурса» [4. С. 19]. Административный ресурс в сочетании с деньгами выступает главным источником сохранения существующего положения дел в партийной системе. Продолжая мысль, можно также привести высказывание Ю.Г. Коргунюка: «В нашей стране доминирование «Единой России» также во многом связано с имеющейся у режима возможностью покупать поддержку избирателей... ресурсная модель партийного доминирования трансформировалась в ресурсную модель доминирования беспартийной бюрократии над политическим пространством...» [5. С. 34–35].

Учитывая практически неоспоримое подданническое отношение «Единой России» к исполнительной власти в современной России, нашу партийную систему нельзя назвать классической системой с доминирующей партией. Ряд исследователей, в том числе А.В. Кынев и А.Е. Любарев, отметили, что в России партийно-политический режим лишь отдалённо напоминает режим с доминирующей партией, поскольку доминирует не партия, а исполнительная власть, при которой данная партия выполняет вспомогательную роль структурирования элиты, находящейся по отношению к исполнительной власти в зависимом положении [6. С. 725–726].

Партийные технологи регулярно пытаются найти объяснение доминирующему положению «Единой России» в партийной системе, сравнивая её с другими схожими партийными образованиями в различных государствах. Так, аргументируя перманентное доминирование «Единой России» как нормальную политическую практику, идеологи сравнивают положение «Единой России» с доминирующими партиями в конкурентных политических системах. Однако данные сравнения имеют явный манипулятивный характер. Например, случай сравнения с Индийским национальным конгрессом некорректен хотя бы потому, что Индийский национальный конгресс завоевал доминирующее положение в политической системе путём борьбы против колониализма/апартеида, как отмечает Г.В. Голосов, и это дало данной партии серьезную электоральную поддержку и уважение [7]. Сложно в этом плане представить, что «Единая Россия» может выбрать схожий путь для укрепления своего доминирования, став, например, несистемной идеологической силой, движением против действующей авторитарной системы.

Сравнение идеологами «Единой России» с японской доминирующей партией ЛДПЯ также заслуживает отдельного внимания. История либерально-демократической партии Японии начинается со слияния двух консервативных партий («Единая Россия» тоже создавалась путём слияния партий), развитие внутрипартийной политики шло в ходе открытого соревнования трех фракций, чему способствовала и редкая избирательная система, действующая в Японии (система «единого непереходящего голоса»).

Изучая японскую доминирующую партию, П.А. Павленко пришел к выводу о том, что данную политическую силу необходимо рассматривать «не только и не столько как партию, сколько в качестве системообразующей структуры японского общества, интегрирующей в себе традиционные социальные механизмы и новые политические процессы» [8. С. 245]. Речь идёт о том, что, с одной стороны, данная политическая партия постоянно на протяжении десятилетий впитывает в себя новые вызовы и идеи, с другой стороны, остаётся выразителем традиционных ценностей. «Фракции, «дзоку», «общества поддержки» – эти структурные основания власти данной партии, уходящие корнями организационно в первую половину XX в., позволили выстроить уникальную систему власти, получившую название «полупартийной системы». В данной партийной системе присутствует демократия во всех ее выражениях, несмотря на то, что фактически отсутствует переход власти из рук системообразующей партии к оппозиции [8. С. 246–247]. При этом согласно политической практике правительство в Японии формируют партии, одержавшие победу на выборах, ведь в этом их прямая суть (чего не скажешь о нашей практике).

В России же все получается несколько иначе. Партия, обладающая безоговорочным парламентским большинством, имеющая программу действий, не может заниматься реализацией своего политического курса, поскольку она не формирует исполнительную власть. Формально депутаты Государственной думы, конечно же, назначают по представлению Президи-

дента РФ главу Правительства. Также можно сказать, что в настоящий момент действует такая схема, что Председатель Правительства – руководитель партии парламентского большинства. Однако ни первое, ни второе не даёт возможности утверждать, что в России сложилась институциональная практика по формированию исполнительной власти партиями. Доминирующая партия скорее выступает неким гарантом спокойствия во время принятия решений в парламенте на всех его уровнях, которое необходимо исполнительной власти для осуществления политического управления.

В данном плане «Единой России» не требуется четкая идеология для обеспечения своего доминирования на продолжительный период. Идеология доминирующей партии касается не общих фундаментальных вопросов и ценностей, а скорее рутинных проблем. Это то, что можно назвать «идеологией повседневности». Стоит заметить, что и в «Единой России» этой теме стали уделять внимание. В частности, в партии отмечают, что в современное время разительно изменился сам формат идеологии, которая теперь выглядит не как «корпус текстов классиков» (К. Маркс, Ф. Энгельс), с которым трудно поспорить, отныне идеология представляет собой весьма конкретные запросы общества, касающиеся устройства его повседневной жизни. Такая «повседневная идеология» постоянно трансформируется, измеряется с помощью социологии [9]. В этом плане не случаен тот факт, что «Единая Россия» начинает уделять значительное внимание частным, весьма конкретным партийным проектам для формирования позитивного образа партии в макро- и микросредах: «500 бассейнов», «Новые дороги городов России», «Дворовый тренер», «Дом садовода – опора семьи», «Чистая вода», «Старшее поколение», «Мужчинам – здоровье и долголетие» и т.д.

Компилятивный подход «Единой России» в производстве собственной идеологии вовсе не оторван от реальности социальной действительности, а, наоборот, предвосхищал ожидания социума. Однако все это не меняет общей сути, которая заключается в том, что удел доминирующей партии заключается в решении рутинных вопросов.

На наш взгляд, подлинная власть и значение политических партий в политической системе должны определяться их возможностями по формированию ответственного правительства. Победа партии на выборах предполагает наделение её статусом «правлящей партии» в том случае, если партия формирует исполнительную власть. Ведь осуществлять последовательное правление возможно только при формировании правительства партией-победительницей. В.Б. Евдокимов, анализируя состояние партий в зарубежных странах, пишет: «При всей важности участия партий в работе парламента главной их задачей все-таки остаётся завоевание правительственной власти, воздействие на формирование и деятельность правительства» [10. С. 84]. Институт ответственности правительства закреплен во многих европейских странах. Например, в Великобритании впервые появилась форма коллективной политической ответственности правительства перед парламентом, этот

принцип закреплён в рамках неписанной конституции, в Германии же он закреплён конституционно [10. С. 88–89], т.е. является конституционной гарантией политических партий.

В Российской Федерации подобная норма, закрепляющая порядок формирования правительства парламентскими партиями и его ответственность перед ними, до сих пор отсутствует, несмотря на регулярные публичные дискуссии по данному вопросу. «Единая Россия» после отставки М. Касьянова с должности Председателя Правительства РФ, как отмечает В.Я. Гельман, заявляла о намерениях активно участвовать в формировании высшего органа исполнительной власти, но правительство было сформировано без участия данной партии, её роль сводилась исключительно к поддержке данного кабинета. Во время председательства М.Е. Фрадкова, В.А. Зубкова и даже В.В. Путина кабинет министров не формировался по принципу принадлежности к доминирующей партии [11. С. 135–143]. В данном плане наблюдается обратная зависимость – не исполнительной власти перед правящей партией, а, наоборот, партии «Единая Россия» перед исполнительной властью.

Перспективы формирования Правительства и его подотчётности перед правящей партией в России маловероятны, несмотря на то, что Д.А. Медведев в своей статье «Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идём вперед» дал вполне конкретную объективную оценку происходящему в стране и партийной системе ещё в период своего президентства. В ходе рассуждений бывший президент РФ (а ныне глава «Единой России») ставил задачу сделать политическое большинство не сборищем статистов и исполнителей, не простым, как выражается автор, «приложением к исполнительной власти», а наделить её и правами, и обязанностями, в том числе и по формированию самой исполнительной власти. Однако по итогам президентства Д.А. Медведева законопроект, дающий право победившей на федеральных выборах партии формировать правительство, представлен им не был. Разговоры о том, что «Единая Россия» должна стать «правящей партией», располагающей подотчетным ей правительством, так и остались разговорами.

Почему этого не произошло ни в 2003 г., когда партия после выборов впервые получила конституционное большинство, ни позже?

На наш взгляд, это связано с тем, что излишняя ответственность «Единой России» не нужна, поскольку за действия своего правительства придется отвечать на выборах. Таким образом, если бы ВПП «Единая Россия» формировала правительство РФ, то за его политику пришлось бы нести прямую электоральную ответственность. В случае, например, с реформой по «монетизации льгот» в 2004–2005 гг. на «Единую Россию» легла бы вся ответственность за деятельность правительства. Пришлось бы отправлять его в отставку и расписываться в своей некомпетентности. Затем на последующих выборах данная тема способствовала понижению электорального рейтинга доминирующего игрока. Словами Б.И. Макаренко подчеркнем, что «Единая Россия», если и способна «выработать и отстаивать какую-то самостоятель-

ную политическую линию, то это линия на “охрану” своего доминирующего положения...» [12. С. 42].

Несмотря на то, что «Единая Россия» в публичном плане всякий раз обозначает свою озабоченность вопросами своего идеологического позиционирования, в реальности же, прикрываясь актуализацией «идеологии повседневности», полноценной идеологии «Единая Россия» сторонится. С одной стороны, это обусловлено стремлением сохранить свою всеохватную сущность, с другой стороны, исполнительная власть, определяющая условия и форматы функционирования «Единой России», не нуждается в ее самостоятельности и субъектной позиции.

Доминирование «Единой России» только на первый взгляд имеет стабильные основания в виде крепкого парламентского большинства и наличия национального лидера, являющегося её фактическим партийным боссом. Пятый электоральный цикл 2011–2012 гг. стал определённой точкой бифуркации, в результате стало видно, что текущий политический процесс, да и вся конструкция политической системы не вполне отвечают общественным запросам. Полагаю, что именно так можно оценить массовые протесты после прошедших выборов в Государственную думу в 2011 г. Победы на Олимпиаде в Сочи в 2014 году, затянувшийся международный политический кризис, сопровождающийся небывалой популярностью В.В. Путина, не отменяют факт того, что слабые и зависимые политические институты являются хрупкими элементами системы. В возможные моменты дестабилизации они не смогут выступить подлинными источниками сохранения политического порядка. Достаточно только вообразить, что случится, если национальный лидер В.В. Путин отправит в отставку перед выборами 2016 г. главу партии и Правительства Д.А. Медведева или вовсе выскажется о том, что «Единая Россия» является пережитком прошлого и должна уступить своё место «Общественному народному фронту» или какому-нибудь другому институту. Ныне доминирующая партия и её лидеры будут быстро забыты и преданы политической истории (что и случилось с бывшим лидером «Единой России» Б.В. Грызловым).

«Единая Россия» играет значительную роль в политической системе. Она унифицирует политический порядок в регионах по отношению к федеральному центру, является неким залогом стабильности и инструментом управления. Но при этом она никак не является движущей силой, демократическим оплотом и подлинным источником власти, который так необходим для дальнейшего поступательного политического развития.

Литература

1. *Коргунок Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. 544 с.
2. *Грызлов:* Правительство должна формировать победившая партия [Электронный ресурс]: РИА Новости. – Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20030329/358728.html>
3. *Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 300 с.

4. Пиццова С.Н. За спиной партийных вождей: спин-доктор у руля // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2010. С. 11–25.

5. Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в условиях «недемократий»: основные проблемы // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2010. С. 26–37.

6. Кынев А., Любарев А. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция. М.: Фонд «Либеральная миссия»; НЛЮ, 2011. 792 с.

7. Голосов Г.В. «Единая Россия» не пойдет по японскому пути [Электронный ресурс]: Деловые новости и блоги. – Режим доступа: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/442323>

8. Павленко П.А. Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии (1955–2001). М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 268 с.

9. Бударагин М.А. Хлеб за 200 [Электронный ресурс]: Единая Россия: официальный сайт партии. – Режим доступа: <http://old.er.ru/text.shtml?13/8040>

10. Евдокимов В.Б. Политические партии в зарубежных странах (политико-правовые аспекты). Екатеринбург: Изд-во СЮИ, 1992. 100 с.

11. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // ПОЛИС. 2008. №5. С. 135–152.

12. Макаренко Б.И. Сценарий эволюции партийной системы // ProetContra. 2010. № 4–5. С. 39–52.

Alexey A. Truntyagin. Managing company «Univermag» Ltd. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kurt101@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/9

Aleksandr N. Truntyagin, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kurt101@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/9

PARTY DOMINATION AND PROSPECTS OF FORMATION OF A RESPONSIBLE GOVERNMENT

Key words: *political parties, party domination, formation of the government, «United Russia».*

The analysis of national political practice on the question of a party dominance formation allows correlation of the formal party position of the "United Russia" with its real significance in political system. It also allows making reasonable conclusions about the impact of this political party on the processes of political decision making. As an example such a key question as a formation of a responsible party government that won the elections to the national parliament is analyzed. Despite the fact that the pro-government ideologists and technologists compare the "United Russia" with different dominant parties in other political systems (forming national governments), nevertheless Russian regulatory practice doesn't give the winning party a competence to form a responsible government. This paper investigates the reasons and conditions that impede the dominant parliamentary party becoming a "ruling party." Special attention is paid to the role of ideology in ensuring the party dominance in Russia, during which a conclusion that such an over-arching political party as the "United Russia" doesn't need a full-fledged ideology is made. The ideology is replaced by a tactical substitute - "the ideology of everyday life." The result is represented as a conclusion why this political party won't be granted the right to form the highest executive body of the state power in the Russian Federation.

References

1. Korgunyuk, Yu.G. (2007) *Stanovlenie partiyonoy sistemy v sovremennoy Rossii* [The formation of the party system in modern Russia]. Moscow: Fond INDEM, Moscow State Pedagogical University.

2. Gryzlov, B. *Pravitel'stvo dolzhna formirovat' pobedivshaya partiya* [The Government should be formed by the winning party]. [Online] Available from: <http://ria.ru/politics/20030329/358728.html>.

3. Golosov, G.V. (2006) *Rossiyskaya partiynaya sistema i regional'naya politika, 1993–2003* [Russian party system, and regional policy, 1993–2003]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

4. Pshizova, S.N. (2010) Za spinoy partiynykh vozhdoy: spin-doktor u rulya [Behind the party leaders: spin doctor at the helm]. In: Korgunyuk, Yu.G., Meleshkina, E.Yu. & Mikhaleva, G.M. (eds) *Politicheskie partii i politicheskaya konkurentsia v demokraticeskikh i nedemokraticeskikh rezhimakh* [Political parties and political competition in a democratic and non-democratic regimes]. Moscow: KMK. pp. 11–25.
5. Korgunyuk, Yu.G. (2010) Finansirovanie partiy v usloviyakh “nedodemokratii”: osnovnye problemy [The party financing in the context of neodemocracy: the main problems]. In: Korgunyuk, Yu.G., Meleshkina, E.Yu. & Mikhaleva, G.M. (eds) *Politicheskie partii i politicheskaya konkurentsia v demokraticeskikh i nedemokraticeskikh rezhimakh* [Political parties and political competition in a democratic and non-democratic regimes]. Moscow: KMK. pp. 26–37.
6. Kynev, A. & Lyubarev, A. (2011) *Partii i vybory v sovremennoy Rossii: Evolyutsiya i devolyutsiya* [Parties and elections in the contemporary Russia: Evolution and Devolution]. Moscow: Liberal'naya missiya; NLO.
7. Golosov, G.V. “Edinaya Rossiya” ne poydet po yaponskomu puti [The United Russia does not go the way of Japan]. [Online] Available from: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/442323>.
8. Pavlenko, P.A. (2006) Liberal'no-demokraticeskaya partiya v politicheskoy sisteme sovremennoy Yaponii (1955–2001) [The Liberal Democratic Party in the political system of modern Japan (1955–2001)]. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
9. Budaragin, M.A. *Khleb za 200* [Bread for 200]. [Online] Available from: <http://old.er.ru/text.shtml?13/8040>.
10. Evdokimov, V.B. (1992) *Politicheskie partii v zarubezhnykh stranakh (politiko-pravovye aspekty)* [Political parties in foreign countries (political and legal aspects)]. Ekaterinburg: SYuI.
11. Gelman, V.Ya. (2008) Political Parties in Russia: from Competition to Hierarchy. *POLIS*. 5. pp. 135–152. (In Russian).
12. Makarenko, B.I. (2010) Stsenariy evolyutsii partiynoy sistemy [The scenario of the evolution of the party system]. *Pro et Contra*. 4–5. pp. 39–52.

УДК 327:316.624.3(477)(47+57)
DOI 10.17223/1998863X/31/10

И.А. Гаврилов, А.А. Гаврилов, А.И. Щербинин

ПРИСОЕДИНЕНИЕ УКРАИНСКОГО КРЫМА РОССИЕЙ КАК ПРИЧИНА АПОРИИ СО СТРАНАМИ ЗАПАДА

В свете предшествующих и последующих событий по присоединению Крыма Россией дается анализ как внутрироссийских, так и международных политических процессов. Выражены мотивы всех участников процесса по активному участию в процессах политической торговли при разрешении кризиса. Представлены политические шаги России в конструировании нового пространства на территориях, подконтрольных ранее администрации В. Януковича. Дана попытка идентификации субъекта политики, чьи действия явились результатом новой повестки дня.

Ключевые слова: Россия, Украина, Крым, Севастополь, аннексия, Запад, интервенция, государственные интересы.

Образование Крымского федерального округа, в состав которого вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь в качестве субъектов Федерации, было инициировано на основе Указа Президента Российской Федерации В. Путина от 21 марта 2014 года [1]. Легитимизирующим фактором принятия данного решения послужил результат политического волеизъявления населяющих Крым граждан Украины, согласно которому поступилась инкорпорация Республики Крым в Российскую Федерацию [2].

Ведущими институтами обеспечения данного политического события выступили Верховный Совет Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет, которые приняли предшествующее проведению референдума решение о вхождении в состав России. В частности, фиксация данной интенции нашла отражение уже в первом пункте постановления «О проведении общекрымского референдума» от 16 марта 2014 года [3], которое было принято по итогам внеочередного пленарного заседания Парламента Автономной Республики. Севастопольский городской совет на внеочередной сессии выразил поддержку указанному решению.

Настоящее политическое действие Российской Федерации было детерминировано как социально-экономическим положением, так и внешнеполитическими факторами. В вопросе поставки энергоресурсов в европейские страны Россия долгое время опиралась на политическую поддержку режима свергнутого президента Украины В. Януковича. Украина в целом обеспечивала экономическое благополучие, в том числе России, через посредничество в поставке части энергоресурсов. Потеря союзника в ведении монопольного бизнеса означала вступление в эпоху угрожающей неопределенности.

Социальную атмосферу можно охарактеризовать как относительно благополучную. По крайней мере, рассматривая аспект отношения населения к российско-украинской проблематике или российско-западной, можно отметить некоторые несущественные разногласия. При этом Российско-

украинские отношения на уровне межобщественных отношений характеризуются как дружественные.

Новое правительство Украины, как и мировое сообщество, выступило единым фронтом относительно непризнания включения Автономной Республики Крым в состав России. При этом, однако, прослеживаются в позициях правительства Украины и стран Запада некоторые отличия по данному вопросу.

Логика Украины, которая потеряла часть своей территории в качестве платы за насильственную смену режима, выразилась в конформистском узконаправленном противостоянии с Россией. Украина явилась лидером списка стран, не признавших действия России законными. Политика последней для вышедших на авансцену украинских лидеров является вызовом. При этом задачей максимум является возвращение утраченных территорий, программой минимум – политический торг на тему незаконного вхождения Крыма в состав России в качестве федерального округа. Свою позицию украинские лидеры подкрепляют ссылкой на международное право.

Западные страны в этом вопросе идут дальше, отводя себе роль гаранта статус-кво государственных границ и типов политических режимов, а также принципов внутренней и внешней политики в непосредственной зоне влияния – на территориях Европейского региона и Северной Америки. Вхождение в пул указанных стран и их межгосударственных договорных образований возможно при условии широких демократических реформ, что зачастую может выражаться обычными прокламациями. Притязания России, по мнению Запада, мешают процессу эволюции от одного режима к другому. Так, странами Запада подчеркивалось, что одной из причин эскалации уличного противостояния на Украине явилась резкая аннигиляция прежним режимом наметившегося за последнее десятилетие тренда по интеграции в европейскую социально-экономическую инфраструктуру.

Участвуя в поддержке Украины, страны Запада тем самым еще дальше отталкивали от себя руководство России, которое видело в подобных взаимоотношениях опасность для государства. По этой причине взгляды стран Запада и России на развитие политической ситуации на Украине носят такой контрадикторный характер, а внешнеполитические отношения перешли в статус апории, которую исследователи определяют как неразрешимую проблему, связанную с возникновением противоречия [4].

Стоит отметить, что руководство Российской Федерации приняло во внимание тот факт, что в случае экономических потерь, которые предположительно могла понести Россия в среднесрочной перспективе, общество экстраполирует их на проблемы внутренней политики. При этом Запад потенциально может получить преференции в ценностном смысле, чья система государственного и общественного порядка станет более выигрышной для обывателя в сравнении с положением в родной стране. Рядовые концепты западной политики, как то ущемление свободы самоопределения широких масс населения, выступающих против коррупции, расширение политических свобод, отсутствие социальных лифтов, обретают особую актуальность в формирующейся повестке. В этом смысле руководство России пошло на

большие политические риски и обязало себя поставить экономическое положение страны на особый контроль.

С точки зрения национальных интересов России рассматриваемые нами события реанимировали исконные противоречия между несколькими геополитическими субъектами политики и явили закономерную тенденцию развития конфликтной ситуации в логике «холодной войны».

Методы, которыми Россия обеспечила проведение референдума о статусе Крыма, были расценены Украиной и странами Запада как интервенция России. Главным аргументом в констатации ведущей роли России в указанных политических процессах было внезапное появление вооруженных людей на всех ключевых позициях инфраструктуры всех уровней власти. Данные военные образования изначально именовались официальными лицами Российской Федерации силами самообороны. При этом какая-либо их принадлежность к действующим подразделениям специальных вооруженных сил Российской Федерации отвергалась.

Однако в западном публичном политическом дискурсе подчеркивалось, что указанные силы являются российским сателлитом, поскольку характеризуются четкой организацией, специальными навыками, обеспечены стрелковым вооружением, в том числе бронебойным, и могли быть наделены иммунитетом от принуждения их к исполнению законных требований сотрудников внутренних дел автономной республики.

Несмотря на то, что релевантных доказательств принадлежности вооруженных людей к вооруженным силам Российской Федерации не было предоставлено, западное общественное мнение пришло к мысли о наличии связи этих вооруженных формирований с российскими политическими силами.

Распространению подобных идей послужили в том числе двусмысленные заявления российской стороны относительно природы появления данных вооруженных людей. Позднее В. Путин впервые на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» признал данные силы Российскими войсками, действовавшими на территории Крыма [5].

Помимо контролирующей функции, указанные вооруженные формирования выполняли задачу блокирования вооруженных сил Украины в местах их дислоцирования на территории Крыма, а также обеспечили вывод военной техники, вооружения и личного состава на территорию материковой части Украины после публичной нотификации результатов референдума.

Отсутствие серьезных конфликтов между населением и неизвестными вооруженными людьми указывает на наличие коммуникативной стратегии, нацеленной на формирование положительного имиджа вооруженных формирований среди местного населения. Общая организованность субъектов политики и общества также подтверждает тезис о присутствии информационного сопровождения относительно необходимых шагов для позитивного исхода реализуемых политических преобразований. Учитывая фактор потери авторитета украинских СМИ перед аудиторией Крыма, а также слабые возможности информационных институтов в самой республике, достижение коммуникативных задач, описанных выше, объясняется наличием некоторых политических игроков, обеспечивших насыщение информационного поля в необходимый период.

В целом конфликтов, которые могли бы привести к жертвам среди местного населения и военнослужащих Украины, удалось избежать из-за неактивного противодействия украинских вооруженных сил и других силовых служб. Ситуация, в которой предстояло функционировать субъектам политики Крыма, оказалась обусловлена такими предпосылками, как слабость метрополии периода бифуркации, потеря силовым блоком мандата на право применения силы, по причине жертв среди гражданского населения в Киеве, и, наконец, общая деморализация институтов власти. Эти и другие обстоятельства сделали невозможным для различных силовых ветвей власти в Крыму идентифицировать себя с какой-либо внятной политической силой на Украине и выступить полноправным представителем ее интересов.

Общее стремление командования вооруженных сил в Крыму избежать появления больших жертв среди личного состава и гражданского населения позволило неназванным вооруженным формированиям действовать эффективно и добиваться поставленных политических задач.

Стремительный характер разворачивающихся событий по переходу территории Крыма также оказался фактором, который вызвал резкую критику политических элит Запада. Поскольку западной политической парадигмой предполагаются многочисленные этапы коммуникации между различными субъектами политики и обществом, а также длительный период укоренения иных преобразований в массовом сознании, лидеры стран Запада выдвинули версию о силовом вмешательстве Российской Федерации. Почти все действия России сводились к практике принуждения объектов политики к заданному варианту политического участия для успешной реализации процесса по интеграции Республики Крым. При этом схожие процессы в других частях мира развиваются за более длительные временные периоды, влекут изменения социальной, экономической и политической практики, которые требуют больших управленческих и политических усилий.

Противодействие позиции России выразилось в виде слабых политических заявлений, позднее – в виде экономических санкций. Так, Запад выразил общее негодование по поводу реализации широких полномочий по контролю над безопасностью на суверенной территории средствами вооруженных сил, которые не поддаются идентификации. Также украинской стороной говорилось о принуждении парламентариев к организации проведения референдума.

Таким образом, действия России в середине марта 2014 г. были оценены США и их союзниками как аннексия. Запад обвинил Россию в экспансии своей политической модели. Лидеры западных стран подчеркивали персональную ответственность главы государства Владимира Путина в процессе присоединения Республики Крым к Российской Федерации. Действия В. Путина были интерпретированы как волюнтаризм и неконвенциональное поведение. Действия России были строго персонифицированы, а личная роль Путина и его авторство в указанных процессах были растиражированы в СМИ.

Несмотря на то, что действия России в каждом эпизоде сопровождались нотификацией, действия России на востоке Украины и в Крыму оценивались лидерами западных стран как череда событий, которые привели к нарушению мирового порядка.

По сути, верным является факт того, что политической волей лидера одной лишь страны был нарушен баланс политических сил. На повестке дня встали такие глобальные вызовы, как усиление геополитической напряженности и меняющийся глобальный миропорядок.

Литература

1. Путин В. Указ Президента Российской Федерации «Об образовании Крымского федерального округа» [Электронный ресурс]: Указ № 168, Москва, Кремль, 21 марта 2014 года. – URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4cb1349c4325d7681.pdf> (дата обращения 15.04.2015).

2. На общекрымском референдуме 16 марта 2014 года за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта РФ проголосовали 96,77% крымчан [Электронный ресурс]: материал Пресс-службы Государственного Совета Республики Крым, 17 марта 2014 года. □ URL: http://crimea.gov.ru/news/17_03_2014_3 (дата обращения 01.04.2015).

3. Константинов В. Постановление ВР АРК О проведении общекрымского референдума [Электронный ресурс]: № 1702-6/14, г. Симферополь, 6 марта 2014 года. □ URL: <http://www.rada.crimea.ua/act/11689> (дата обращения 20.04.2015).

4. Санжаревский И.И. Политическая наука [Электронный ресурс]: Словарь-справочник / сост. проф. полит. наук Санжаревский И.И. 2010. □ URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/377> (дата обращения 20.04.2015).

5. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]: 24 октября 2014 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения 01.04.2015).

Iliia A. Gavrilo. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iluha_gia@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/10

Aleksey A. Gavrilo. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aleks_gavr@sbmail.com. DOI 10.17223/1998863X/31/10

Alexey I. Scherbinin. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).. E-mail: shai52@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/10

THE ANNEXATION OF THE UKRAINIAN CRIMEA BY RUSSIA AS A REASON OF APORIA WITH WESTERN COUNTRIES

Key words: *Russia, Ukraine, Crimea, Sebastopol, annexation, the West, intervention, state interests.*

In the context of joining events (previous and further ones) of the Crimea to the Russian Federation the analysis of Russian domestic and international political processes is given. Joining Ukrainian Crimea to Russia as a subject of the federation it was confirmed by the decree of Russian President Vladimir Putin's March 21, 2014. Incorporation of the Republic of Crimea to the Russian Federation was postulated by the results of a national referendum in the Crimea. One of the reasons for the active support Russia in this process has been deterministic primarily foreign factors. On the issue of energy supplies to the European countries Russia has long relied on political support for the regime of ousted President of Ukraine Viktor Yanukovich. In the research new political steps of Russia in construction of a new area on territories controlled earlier by V. Yanukovich administration are considered. Ukraine's new government, as well as the international community, speaking with one voice with respect to the non-recognition of annexation of the Autonomous Republic of Crimea to Russia. The scenario of Russian political actions on new developing territories is discovered. The logic of Ukraine, which lost part of its territory as payment for forced regime change, expressed in the conformist narrowcasting confrontation with Russia. Western countries on this issue are going on, removing itself the role of maintaining the status quo of state borders and the types of political regimes. An identification attempt of the subject of politics which actions were the result of a new is given. Western leaders stressed personal responsibility of the head of state Vladimir Putin in the process of accession of the Republic of Crimea to the Russian Federation.

References

1. Putin, V. (2014) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "Ob obrazovanii Krymskogo federal'nogo okruga"* [Presidential Decree "On the formation of the Crimean Federal District"]. Moscow, Kremlin, 21st March 2014. [Online] Available from: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4cb1349c4325d7681.pdf>. (Accessed: 15th April 2015).
2. Crimea.gov.ru. (2014) *Na obshchekrymskom referendume 16 marta 2014 goda za vossoedinenie Kryma s Rossiey na pravakh sub"ekta RF progolosovali 96,77% krymchan* [On the All-Crimean referendum of March 16, 2014, 96.77% of the Crimean people voted for the reunification of the Crimea with Russia with the rights of the subjects of the Russian Federation]. 17th March 2014 [Online] Available from: http://crimea.gov.ru/news/17_03_2014_3. (Accessed: 1st April 2015).
3. Konstantinov, V. (2014) *Postanovlenie VR ARK № 1702-6/14, g. Simferopol', 6 marta 2014 goda O provedenii obshchekrymskogo referendum* [Crimea Autonomous Republic Supreme Soviet Decision № 1702-6/14, Simferopol, 6th March 2014 On holding the All-Crimean referendum]. [Online] Available from: <http://www.rada.crimea.ua/act/11689>. (Accessed: 20th April 2015).
4. Sanzharevsky, I.I. (2015) *Politicheskaya nauka* [Political Science]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/377>. (Accessed: 20th April 2015).
5. Kremlin.ru. (2014) *Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* [Meeting of the International Discussion Club "Valdai"]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>. (Accessed: 1st April 2015).

УДК: 94(510)197/200
DOI 10.17223/1998863X/31/11

М.А. Сущенко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КНР: ФАКТОРЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, МЕХАНИЗМЫ

Рассматривается феномен китайской политической модернизации. Проясняются истоки формирования политической системы КНР. Автор указывает, что экономические реформы обозначили потребность модернизации политической системы. Рассматривается модель политической модернизации в КНР. Среди особенностей модернизации отмечается роль национальных традиций, идеологического и культурного факторов, преемственность реформ. Рассматриваются также направления и механизмы трансформации политической системы в КНР.

Ключевые слова: модернизация, КНР, Китай, реформы, экономика, традиции, факторы, направления, механизм.

На процессы формирования политической системы КНР оказал влияние ряд факторов. В первую очередь, это достижения конфуцианской политической мысли, которая находилась в постоянном процессе развития и внутреннего изменения. Создание новой политической системы Китайского государства было поддержано основными слоями населения. Создание государства с сильной центральной властью, отстаивающей его суверенитет, осуществляющей политику экономического процветания, соответствовало традиционным представлениям о характере политического устройства страны. Политическая система КНР, сформированная в 1950–60-е гг., имела ряд особенностей. Политическая идеология характеризуется гибкостью в интерпретации и практическом применении. Потребность в осуществлении перестройки и общей модернизации народного хозяйства в КНР с конца 1970-х гг. явилась главным движущим фактором эпохи «реформ и открытости» в КНР. Модернизация экономики и создание рыночных механизмов обозначили потребности в реформировании также и политической системы, которая усиливалась пропорционально реализации рыночных реформ. Мы можем выделить ряд признаков модернизации в различных сферах общества в КНР, которые являются связанными и взаимообусловленными. Начало политической модернизации мы связываем с утверждением после XVI съезда КПК «четвёртого поколения» руководителей КНР. В это время формируются основные особенности, факторы, направления и механизмы политической модернизации КНР.

Под политической модернизацией в КНР мы понимаем переход от модели китайского государства партократического типа к современной политической системе, идущей по пути демократизации, с апелляцией к ценностям национальной культуры и традиционным механизмам проведения политики.

Особенностью модели китайской политической модернизации является высокая роль конфуцианских традиций, используемых при формировании

стратегического курса развития КНР и в стиле взаимодействия управляющих элит и общества. Морально-нравственные конфуцианские категории, положенные в основу принципов управления государством и формирования китайской бюрократии, составляют специфику китайских политических реформ на современном этапе развития. Своеобразием китайской модели политического развития выступает её эволюционный характер. Изменения в политической системе КНР происходят медленно, являясь реакцией на социально-экономические процессы, проходящие внутри общества. Отличительной особенностью китайской модели выступает первостепенное значение экономических реформ, которые приводят к образованию новых социальных слоёв китайского общества, выступающих в качестве важных субъектов политической модернизации. Особую роль в политических реформах в Китае играет идеологический фактор. Изменения в политической системе КНР, начавшиеся с осуществления курса экономических реформ, проходят под лозунгом социалистической модернизации, где основной парадигмой вектора политического развития выступает *китаезированный марксизм*. Особенностью осуществления китайской модернизации выступает преемственность основных этапов в эволюции политической системы, связанных со стратегическими программными целями руководителей государства разных поколений.

Первостепенным фактором политической модернизации в КНР выступают экономические реформы, проведение которых было инициировано 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва. Самые высокие темпы роста экономики в мире приводят к повышению материального благосостояния граждан. Значительные сбережения, умеренная потребительская культура китайского населения сдерживают развитие среднего класса, но повышение материального благосостояния общества приводит к появлению общественного согласия, необходимого для демократизации. Экономический рост становится в КНР условием общественного договора политической элиты с гражданами, которые поддерживают курс модернизации государства. Расширяются возможности для присутствия иностранного капитала в китайских предприятиях. Происходит экономическая интеграция Гонконга в КНР на уровне законодательства.

Социальный фактор политической модернизации в КНР выражен в изменении социальной структуры общества. Главным образом, этот процесс характеризуется развитием китайского среднего класса. Важную роль играет реализация концепции «Тройного представительства». Расширение китайской элиты за счёт включения в неё представителей бизнеса приводит к формированию новых задач и ресурсов политической модернизации. Начиная с 2000-х гг. особое значение приобретают реформы судебной-правовой системы, потому что спрос на них, прежде всего, формируют бизнесмены через формы влияния в КПК.

Культурным фактором политической модернизации в КНР выступают образовательные стандарты китайского общества. Рост участия населения в общественно-политических организациях гражданского общества связан с развитием образования и средств массовой информации в сочетании с политикой КНР, ориентированной на оптимизацию законода-

тельной системы, правосознания и повышения правовой культуры граждан. Общий рост образования граждан КНР выступает в качестве фактора политической модернизации КНР, так как приводит к развитию культуры политического участия граждан.

Необходимым условием осуществления курса политических реформ в КНР служит личностный фактор китайских лидеров. С именем каждого председателя КНР связана программа социально-политического развития. Начиная с Дэн Сяопина, все руководители государства формулируют свои программные положения, которые становятся целью продолжения политики модернизации каждого следующего председателя КНР. Роль национального лидера китайского государства имеет ключевое значение в процессе принятия решений при осуществлении курса политических реформ.

Интеграция КНР в процессы мировой глобализации, развитие международного сотрудничества, связей с представителями китайской диаспоры «хуацяо» за рубежом, рост иностранных инвестиций способствуют расширению западного канала влияния на население Китая.

В январе – феврале 2015 г. ПИИ в Китай увеличились на 17% – до \$22,48 млрд. Основными источниками капиталовложений в прошлом году были Южная Корея, Великобритания и Гонконг [1]. Больше всего инвестиций поступает в Китай из стран с большой представленностью китайских общин. Лидером роста стал сектор услуг – иностранные инвестиции в него выросли на 9% [2]. Рост ПИИ в сферу услуг способствует развитию постиндустриальной экономики, являясь важным фактором политической модернизации КНР.

Развитие Интернета и мобильных сетей открыли возможности для процессов интеграции КНР в глобальный мир, устройство которого включает в себя многие демократические стандарты, являясь эффективным фактором политической модернизации.

КНР – часть глобального мира и поэтому вынуждена отвечать на мировые цивилизационные вызовы, соответствовать международным стандартам участника ведущих экономических и политических организаций мира. Формирование нового имиджа великого государства в глазах международного сообщества выступает в качестве важного фактора политической модернизации внутри КНР.

В качестве одного из главных *направлений политической модернизации* мы выделяем институционализацию механизма сменяемости власти в КНР. С начала XXI в. в КНР окончательно утверждается механизм преемственности руководителей в китайской политической элите. Институционализация этой традиции получила оформление, начиная с четвёртого поколения китайского руководства. С 2002 г. развивается модель коллективного управления страной, когда через каждые 10 лет, минуя один съезд КПК, происходит переизбрание председателя КНР, генерального секретаря КПК и премьер-министра Госсовета КНР. Кандидат на высшие должности в аппарате управления партией и государством занимает поэтапно все руководящие посты, зарекомендовав себя в качестве надёжного преемника политического курса предшествующего руководителя государства.

Вместе с системой местных выборов в КНР продолжает совершенствоваться институт внутрипартийной демократии. Сегодня КПК не решается провести альтернативные выборы на региональном и национальном уровнях власти, но практика внутрипартийной демократии, основанная на конкурентных началах, продолжает развиваться. Такая система носит закрытый характер, но наблюдается становление порядка отбора кандидатов на руководящие должности через традиционную экзаменационную систему и реализацию принципа конкуренции. Демократизация в партии идёт по пути развития внутрипартийных фракционных дискуссий. За годы «реформ и открытости» в структуре КПК сформировались группы влияния, соперничество между ними определяет динамику политического процесса КНР. Развитие плюрализма внутри партийных структур свидетельствует о демократизации КПК.

Административная реформа КНР с 1990-х гг. была направлена на создание модели рациональной бюрократии и борьбу против коррупции. В результате преобразований в сфере государственной службы был сформирован механизм ротации госслужащих, развивается национальная традиция отбора на руководящие должности наиболее квалифицированных кадров и регламентирован конфликт интересов. Формирование новых условий социально-экономического развития определило потребность реформирования административной системы. Эти изменения в структуре органов государственной власти являются важным признаком политической модернизации в КНР на современном этапе.

Стремлением китайского руководства обезопасить общество от социальных потрясений, связанных с распространением коррупции в административной системе, объясняется реформирование судебно-правовой системы в качестве одного из приоритетных направлений политической модернизации в КНР в 2010-х гг.

Потребность в проведении реформы судебного законодательства обеспечила необходимость адаптации правовой системы КНР под новые социально-экономические стандарты. Важным механизмом политической модернизации в КНР выступают реформы, направленные на совершенствование правовой системы государства. Модернизация судебной системы, направленная на упрощение и прозрачность её работы, развитие современного административно-процессуального законодательства определили повестку реформы судебно-правовой системы в КНР. Поэтому политический режим для поддержания собственной стабильности будет стремиться к внешней прозрачности и демократизации аппарата судебной власти.

По мере демократизации избирательного процесса в КНР происходит становление новых демократических институтов. Развитие системы местных выборов приводит к институционализации локальных элит, которые выступают в качестве местного уровня власти. Развитие местного избирательного законодательства и органов самоуправления выступает в качестве важнейшего *направления политической модернизации*, которая начинает зависеть от способности местных элит отвечать на основные вызовы современности и решать вопросы местного значения. Развитие института локальных выборов в КНР непосредственно связано с системой национального избрания ВСНП, поэтому эти изменения в китайском за-

конодательстве влияют на порядок формирования и функционирования законодательной власти всей страны в сторону демократизации.

Демократический вектор развития страны означает на практике более широкое участие населения в политике и открытость органов государственной власти в КНР. Процесс пока проходит в основном на местном уровне, но динамика изменений этого процесса заметна уже сегодня. Растет влияние массовых общественно-политических организаций и движений.

Активизацию деятельности правозащитников в 2010-х гг. мы связываем с актуализацией проблемы демократизации политической системы в КНР. Развитие правозащитного движения соответствует диалоговым дискурсивным отношениям власти и общества, что предполагает укрепление гражданской культуры. Правозащитники в КНР выступают в качестве субъектов гражданского общества, активно воздействующих на его преобразование. Усиление этих процессов означает ускорение темпов политической модернизации и демократизации общества. Сегодня международные правозащитные организации внимательно осуществляют мониторинг проблемы прав человека в Китае. Поэтому для формирования имиджа открытого государства правительство КНР вынуждено идти по пути решения этой проблемы.

Основными механизмами политической модернизации в КНР выступают изменения в законодательстве и работе органов государственной власти. Административный механизм трансформации китайской политической системы характеризуется некоторыми возрождёнными формами конфуцианского традиционного аппарата управления. Через оптимизацию законодательной и судебно-правовой системы обеспечивается деятельность основных институтов, правил, каналов и процедур политического участия населения, выражения дифференцированных политических интересов. Эти правовые процессы ведут к модернизации политической системы.

Рост с начала эпохи «реформ и открытости» общественных и политических организаций в КНР выступает в качестве важного механизма политического развития общества. Экономические реформы обеспечили потребность политической институционализации среди групп новой китайской элиты. Развитие гражданского общества в КНР служит источником реализации политических инициатив граждан, а также фундаментом социального самоуправления на локальном уровне. Деятельность инициативных граждан в подсистемах гражданского общества отражает процессы, происходящие в китайском социуме, что приводит к консолидации институтов гражданского общества и является важным механизмом политической модернизации. Процесс находится на начальной стадии своего развития, характеризуется обособлением от государства массовых общественных организаций. Происходит формирование правил их функционирования на основе гражданского участия.

Политическая модернизация в Китае находит свое результирующее выражение в существенном изменении политических практик. Речь идет о современной экономической, социальной, культурной и т. д. политике китайского государства, направленной на качественные изменения и совершенствование всего китайского общества.

Так, национальная политика выступает важным механизмом китайской модернизации. Этот процесс, направленный на сбалансированное социаль-

но-экономическое развитие западных и восточных регионов страны, приводит к решению задач модернизации отстающих районов КНР, образованию источников роста материального благосостояния граждан. Развитие национальных культур и языков, обеспечение гарантированного правового и политического статуса всех народов Китая составляют важнейшую задачу. Снижение национального сепаратизма и социально-экономического напряжения в государстве считается условием общественного согласия относительно курса проводимой политики в государстве.

Западные и центральные регионы КНР в 2014 г. по темпам экономического роста уже превзошли восточные провинции страны [3]. Чунцин (10,9%), Гуйчжоу и Тибет (10,8%) имеют самые высокие показатели увеличения темпов роста ВВП за 2014 г. [4].

Политика гармонизации общества предполагает достижение консенсуса в обществе относительно модернизации политической системы и становится возможной в случае продолжения экономического роста, преодоления социальных и национальных противоречий в государстве. Успешная реализация механизма социальной политики возможна при построении гармоничных отношений центра и регионов. Поддержка и связь с китайской диаспорой «хуацяо», представителями деловых кругов страны делают их заинтересованными в политической институционализации своего влияния. Комплексная реализация этого механизма обеспечивает возможность проведения цикла социально-экономических преобразований в КНР. Важным социальным механизмом политической модернизации является рост среднего класса, который выступает в качестве одного из бенефициаров и субъектов этого процесса.

Продолжению нового этапа политической модернизации в КНР может способствовать развитие потребностей у китайской элиты дальнейших преобразований в экономическом, социальном и культурном направлениях. Это может произойти к концу второго срока пребывания у власти «пятого поколения» китайских руководителей, когда КНР решит национальные, социальные и экономические проблемы развития, сумеет окончательно закрепитесь среди ведущих стран мира по экономическим показателям.

Литература

1. *Вести*. Экономика. Прямые иностранные инвестиции в КНР выросли на 0,9%. 17.03.2015. – URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/54598>.
2. Интернет-телевидение Китая (CNTV). 16.20.2014. Объем прямых иностранных инвестиций в экономику Китая вырос почти на 2%. – URL: <http://cctv.cntv.cn/2014/10/17/VIDE1413477365483735.shtml>.
3. *Интернет-телевидение* Китая (CNTV). Премьер Госсовета КНР выступил с докладом о работе правительства на открывшейся 3-й сессии ВСНП 12-го созыва. 05.03.2015. – URL: <http://www.cntv.ru/2015/03/05/ART11425536578328588.shtml>.
4. *Китайский* информационный Интернет-центр. Топ-10 крупнейших провинциальных экономик КНР в 2014-м. 16.03.2015. – URL: http://m.russian.china.org.cn/russian/doc_1_26352_282278.html.

Mikhail A. Sushchenko. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: spacemirror@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/11

POLITICAL MODERNIZATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: FACTORS, DIRECTIONS, MECHANISMS

Key words: *modernization, PRC, China, reforms, the economy, traditions, factors, directions, mechanism.*

The article of Sushchenko M.A. examines the phenomenon of Chinese political modernization. The author points to a number of factors that influenced the process of formation of the political system of China. We give a description of the Chinese political system since the beginning of its formation. The author also points to the need of restructuring and modernization of the socio-economic system of China. According to Sushchenko M.A. economic modernization in China, carried out by the Chinese political elite from the late 1970s, was the cause of political system transformation. The author believes that the current stage of political modernization in China began with the approval of the Chinese ruling elite of the "fourth generation" of PRC leaders. Since the beginning of the 2000s the main features and characteristics of the process formed in China. It offers an original formulation of political modernization in China. The article highlighted features of the model of Chinese political modernization, which plays a great role in Confucian traditions, the evolutionary nature of political transformation is marked as well as paramount importance for the political transformation of economic reforms is considered. It specifies the role of the ideological factor and continuity in the process of modernization.

Among the factors of political modernization social, cultural and personal, ones are mentioned: integration of China into the global processes of globalization, the development of the Internet and modern means of communication. The article also indicates the direction of political modernization. As one of the main directions of political modernization we highlight the institutionalization of the mechanism of change of power in China. Among other areas of political modernization Sushchenko M.A. sees improving inner-party democracy, administrative reform, reform of the judicial system, the improvement of the electoral system, the development of local election laws and governments. The author also points the attention to the democratic vector of the country development. As directions of the transformation of the political system changes the author sees in legislation and the work of public authorities, public and political organizations, the action of citizens in civil society subsystems. Among the main mechanisms of political modernization Sushchenko M.A. considers national and social policy of China. According to author a new stage of political modernization in China will begin by the end of the 2nd term in office of the "Fifth Generation" of Chinese leaders and will depend on the economic, social and cultural transformations in the People's Republic of China.

References

1. Vestifinance.ru. (2015) *Pryamye inostrannye investitsii v KNR vyrosli na 0,9%* [Foreign direct investment in China rose by 0.9%]. 17th March 2015. [Online] Available from: <http://www.vestifinance.ru/articles/54598>.
2. China's Internet TV (CNTV). (2014) *Ob'em pryamykh inostrannykh investitsiy v ekonomiku Kitaya vyros pochti na 2%* [Foreign direct investment in China's economy grew by almost 2%]. [Online] Available from: <http://cctv.cntv.cn/2014/10/17/VIDE1413477365483735.shtml>.
3. China's Internet TV (CNTV). *Prem'er Gossoveta KNR vystupil s dokladom o rabote pravitel'stva na otkryvsheysya 3-y sessii VSNP 12-go sozyva* [Premier of the State Council issued a report on the government work on the opening of the third session of the National People's Congress of the 12th convocation]. 5th May 2015. [Online] Available from: <http://www.cntv.ru/2015/03/05/ART11425536578328588.shtml>.
4. China Internet Information Center. (2015) *Top-10 krupneyshikh provintsial'nykh ekonomik KNR v 2014-m* [Top 10 largest provincial economies, China in 2014]. 16th March 2015. [Online] Available from: http://m.russian.china.org.cn/russian/doc_1_26352_282278.html.

УДК 303

DOI 10.17223/1998863X/31/12

А.Б.Запольская

МЕТОД ФОТОИНТЕРВЬЮ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ВИЗУАЛЬНОГО

Автор обращается к социологическому применению одного из визуальных методов – фотоинтервью. Метод предполагает глубинные интервью, в которых фотографии служат стимулами для ответов и рефлексии респондентов. Рассматривается опыт применения метода в исследовании производства новостной фотографии: возможности метода изучать профессиональные практики и принципы визуализации. Анализируются перспективы и трудности использования метода в изучении производства визуального.

Ключевые слова: визуальные методы, метод фотоинтервью, социология профессий, визуальная социология, фотография, визуализация.

В современных социальных науках внимание к феномену визуального столь велико, что его различные проявления не только становятся частыми сюжетами работ, но и внедряются в исследовательские методы. Визуальная социология, о необходимости становления которой в последней четверти прошлого века говорили Г. Бекер, Дж. Вагнер, Д. Харпер, к настоящему времени успела не только состояться, но и оказаться частично поглощенной разрастающимся междисциплинарным полем визуальных исследований культуры [1, 2, 3]. Визуальная социология (как и визуальная антропология) описывается через констатацию своеобразной двойственности. Д. Харпер определил ее следующим образом: одни исследователи используют визуальные образы для сбора данных, другие же анализируют те образы, которые произведены культурой [3]. «Визуальные исследования развивались в двух направлениях – описание, документирование реальности, с одной стороны, и ее анализ, деконструкция – с другой», – отмечает Е. Рождественская, проводя тем самым водораздел несколько иначе [4. С. 70]. Представляя визуальную антропологию, Е. Ярская-Смирнова и П. Романов пишут, что это, «с одной стороны, интерпретация визуальных артефактов как культурных феноменов, анализ контекстов их производства и использования, а с другой стороны – изучение социальной жизни с применением визуальных методов» [5. С. 7]. На наш взгляд, это разделение на изучение визуальной культуры и использование визуального как исследовательского инструмента привели к парадоксальному эффекту: за кадром оказываются исследования, в которых визуальные методы применяются для анализа собственно визуальных феноменов.

Среди разнообразных визуальных методов одним из «наиболее социологических» считается метод фотоинтервью (“photo-elicitation interview”) – интервьюирование при помощи фотографий, которые служат вопросами или стимулами для информантов [6]. Дж. Роуз отмечает, что именно этот визуальный метод наиболее часто применяют к «сюжетам, никак не связанным с

визуальностью или видимым» [7. Р. 298]. Конечно, в отдельных исследованиях метод фотоинтервью используется для изучения феноменов, у которых есть визуальное измерение. Поскольку все чаще применяется та модификация метода, при которой в роле фотовопросов выступают снятые самим информантом фотографии, акт фотографирования и конвенции фотографического становятся одними из предметов анализа [8, 9]. Тем не менее исследований нарративов о профессиональной визуальной продукции, о том, что происходит за кулисами ее производства, практически нет. Именно для такой работы метод фотоинтервью может быть продуктивен. Кроме того, мы надеемся показать его потенциал для исследований профессиональных практик в целом.

Перед тем как представить особенности применения метода, остановимся кратко на исследовании, в рамках которого были собраны данные. Эмпирической базой исследования производства новостной репортажной фотографии выступили включенные наблюдения и интервью с сотрудниками отделов «фото» международных информационных агентств. Три крупнейших мировых агентства (Ассошиэйтед Пресс, Франс-Пресс и Рейтер) располагают глобальной сетью бюро, в каждом из которых есть отдел «фото», где работают фотожурналисты, фоторедакторы и шеф-фотограф (руководитель отдела, координирующий его деятельность) [10]. Целью подробного изучения профессиональных практик сотрудников было понять, как происходит создание изображений, которые удовлетворяют строгим и в то же время не до конца проговоренным правилам крупных агентств. Несмотря на очевидное визуальное измерение проблемы, фотоинтервью не были запланированы как метод. Обсуждение фотографий с фотографами могло сместить фокус беседы с профессиональных практик на привычные для информантов темы о свойствах фотографии, на рассуждения об искусстве фотографии, о субъективном видении фотографа и т.п. Поэтому первые десять интервью были проведены в традиционном формате: они включали в себя биографическую часть; вопросы о карьере в агентстве; вопросы о стандартах работы фотожурналиста и формате фотографии, принятом в международных агентствах; непосредственные описания разных заданий, основных проблем в работе, случаев успеха и разного рода ошибок; вопросы об изменениях в сфере фотожурналистики (визуальные моды, требования агентства, динамика рынка труда и др.). Данные интервью позволили выявить общие принципы работы фотожурналиста, специфические требования агентства и дали некоторое представление о карьерных возможностях в сфере фотожурналистики. Однако информанты испытывали немалые трудности при просьбе привести конкретные примеры того, как срабатывают те или иные правила и насколько возможно при определенных обстоятельствах расширять границы «дозволенного». Во время беседы вспоминались только наиболее яркие случаи из практики, ситуации, когда съемки репортажа превращались в приключения. Как следствие, в интервью попадали достаточно отрефлексированные, выработанные нарративы, отсылающие к профессиональному мифу фотожурналистики как занятию, требующему смекалки, чувства юмора и удачи. (Этот образ хорошо схватывает распространенная в среде фотожурналистов фраза «В нашем деле невезение – это признак непрофессионализма»). Рас-

спрашивать о будничных заданиях было сложно: все они сливались в памяти фотожурналистов агентства, специфика работы которых состоит в постоянной погруженности в мощный поток визуальной информации. Если изначально фотографии рассматривались как конечный продукт всей цепочки принятия решения (о самой съемке, о выборе сюжетов, кадров и ракурсов, об отборе фотографий для отправки подписчикам), то включенное наблюдение показало, что фотографии являются непосредственной частью повседневности сотрудников отдела «фото». Например, перед съемками фотожурналист просматривает, что и как было снято на аналогичном мероприятии; в перерывах между заданиями он смотрит, какие фотографии публикуют агентства, сортирует свой архив, обсуждает с коллегами детали той или иной «карточки». Фотографии своеобразным образом организуют память фотожурналиста: глядя на снятые кадры, он может легче вспомнить о том, как проходила сама съемка. Это новое понимание фотографии как документа профессиональной деятельности фотожурналиста натолкнуло на мысль о том, что, обратившись к конкретным фотографиям во время интервью, можно тем самым обратиться к отдельным случаям в работе фоторепортера. Поворотным моментом в развитии исследования стало интервью, в ходе которого фоторепортер сам показал свои фотографии, чтобы упростить процесс объяснения и описания визуальных решений. Этот опыт подсказал, что расспрашивать о том, как принимались те или иные визуальные решения, удобнее с опорой на конкретный фотоматериал.

Таким образом, был не только сделан выбор в пользу применения метода фотоинтервью в последующих беседах, но и выработан его специфический вариант. Основные варианты метода фотоинтервью зависят от того, какие фотографии предлагают комментировать информанту: снятые исследователем во время включенного наблюдения; отобранные исследователем из архивов или СМИ; предложенные к обсуждению самим исследуемым личные коллекции; снятые им специально для интервью.

В случае исследования фотожурналистов представлялось наиболее интересным обсудить с ними их собственные работы. Ни обсуждение фотографий самой работы фоторепортера (сделанных во время включенного наблюдения), ни комментарии, данные к фотографиям разных авторов (подобранным по критериям типичности), не отвечали задачам исследования. В первом случае разговор был бы сконцентрирован на обстоятельствах съемки, а во втором – мог бы превратиться в спонтанный контент-анализ фотографий¹. В ходе полевого исследования выкристаллизовался и другой аспект необходимой модификации метода: задаваемые к фотографиям вопросы. Рассматривая вместе с фотожурналистом его фотографии (найденные мной в СМИ и на сайте информационного агентства), мы просили его, во-первых, рассказать о работе, обеспечившей появление фотографии, а во-вторых, объяснить, какие аспекты фотографии сделали ее пригодной для публикации агентством. Каждая фотография обсуждалась дважды: как до-

¹ Кроме того, оба варианта существенно бы сузили круг обсуждаемых тем. Наша собственная коллекция фотографий «фотографа за работой» очень ограничена, так как многие виды работы репортера предполагают нахождение в местах с особыми условиями доступа. Что касается перспективы обсуждения с информантом фотографий, сделанных его коллегами, то по этическим соображениям комментарии могли бы быть сдержанными.

кументация случая из профессиональной жизни фотографа и как документ новостного события, сделанный по определенным канонам (или с их нарушением). Мы стремились проблематизировать событие фотографирования, понимая при этом, что оно находится в неразрывной связи с самой «новостью». В. Круткин обращает внимание исследователей на это важное свойство документа, которым является и фотография: «Документируя некое событие, мы одновременно ставим памятник самому событию документирования. Документ и монумент в упрощенном подходе сливаются до неразличимости» [9. С. 69]. Любая, не только новостная, фотография запечатлевает два события, но именно в мире новостной фотографии это артикулируется наиболее явно, а зачастую даже болезненно. Наглядно эту проблему демонстрируют обсуждения фотографий насилия, поднимающие вопрос о том, должен ли фотограф вмешиваться в происходящее перед объективом. Оговоримся также, что перед фотоинтервью с информантами (20 человек) проводились традиционные интервью, что привело к увеличению времени беседы, а иногда и требовало дополнительных встреч.

Сравнивая фотоинтервью с проведенными ранее традиционными интервью, можно констатировать, что первые длились практически в два раза дольше и вызывали больший интерес и вовлеченность информантов (большинство из которых с энтузиазмом воспринимали предложение посмотреть их фотографии). Кроме того, тот факт, что социолог просмотрел их фотографии и отобрал часть для обсуждения, мог рассматриваться фотожурналистом как показатель серьезности исследования и внимания к его индивидуальности. Использование фотоинтервью позволило также достигнуть некоторого баланса властных отношений и компетенций в ходе беседы. Стоит признать, что разговор начинающего исследователя и фоторепортера агентства (т.е. уже признанного профессионала) характеризует неравенство статусов и принципиально разный уровень владения языком обсуждения фотографии (использование специальных терминов, оперирование примерами из истории фотографии и пр.). Фотоинтервью усиливало позицию исследователя: предварительно отобрав фотографии, можно было в значительной степени «управлять» сюжетами интервью, оставляя при этом информанту большое пространство выбора «ракурса» рассказа.

В первую очередь метод фотоинтервью позволил узнать, как абстрактные правила профессиональной деятельности проявляются в конкретных контекстах работы сотрудника. Проведенные в традиционном формате интервью дали представление о негласных правилах работы фотожурналиста в агентстве. В частности, учитывая достаточно жесткую нормативность формата агентской новостной фотографии (она должна отвечать на вопросы «что – где – когда»), фоторепортер может экспериментировать с художественными приемами только после того, как сняты «стандартные» кадры. Возможность производства таких фотографий непосредственно указывает на пространство творческого самовыражения в жестко регламентированном производственном процессе. Мы попросили информанта прокомментировать снятую им фотографию стоящих в очередь для голосования солдат. Кадр был сделан так, что в него не попали головы солдат. Мы поинтересовались, было ли это решением фотографа при съемке или же результатом

кадрирования редактора. Гордость за собственную находку промелькнула на лице информанта: *«Это я сам так снял. Я именно так хотел снять. Нас всех тогда стали называть «электоратом». А что это? Серая масса, безликая, безголовая, с паспортиной в руке»*. Этот комментарий опровергал стереотип о фотографии информационного агентства как лишенной дополнительных интерпретаций и передающей лишь факты так, как пишут на ленте новостей.

Подробные расспросы о той съемке помогли прояснить, что если агентство обеспечено «классическими» образами события (в случае выборов, это изображение опускания в урну бюллетеня с флагом страны на заднем плане), то фотожурналисты могут искать дополнительные кадры и смыслы практически без оглядки на формат агентства. Это касается как определенной свободы в выборе сюжетов, так и возможности поиска стилистических решений. Вот как информант объяснил техническое решение на фотографии площади, давшее необычный («фантастический») визуальный эффект: *«Это далеко не самая главная фотография с той съемки. Это уже когда все обязательное было снято, я стал прикалываться. Такой привет коллегам, мол, смотрите, как я могу. Тогда этой штукой мало кто пользовался»*. Этот комментарий не только рассказал о феномене, который можно назвать «свобода пятой фотографии», но и продемонстрировал неожиданный аспект производства «творческих» фотографий: оно в большей мере ориентировано на профессиональное сообщество (на тех, кто способен «оценить прием»).

Помимо возможностей вариаций сюжетных и стилистических решений, мы хотели понять при помощи фотоинтервью различные контексты работы фотожурналиста. Для этого предлагаемые к комментариям фотографии отбирались так, чтобы они репрезентировали разнообразные типичные события, которые приходится снимать фоторепортеру агентства (при отборе ключевую роль сыграл опыт предыдущих интервью и включенного наблюдения). Фотография с того или иного события служила стимулом к рассказу о том, какие в целом существуют принципы съемки события такого типа и как в том конкретном случае они были (или не были) реализованы. Например, когда обсуждалась фотография, сделанная на митинге, фотожурналист объяснил, что подобный сюжет предполагает в первую очередь фотографию общего плана и фотографию людей с плакатами («ярких персонажей»), представляющих тему митинга. Однако предложенная к комментированию фотография была практически портретом известного человека, пришедшего на митинг, и фактически никак не отсылала к теме митинга. Информант пояснил, что снимок сделан не столько для репортажа о самом митинге, сколько для архива агентства: *«Сегодня его фотография не нужна, он не выступал на митинге, просто пришел. А вот завтра его, допустим, посадят, а у нас есть его свежая фотография»*. Таким образом, фоторепортеры крупного агентства в своей работе исходят из идеи многовариантного развития событий, предвидят новостные возможности, и это отражается на выбираемых ими сюжетах съемки.

Совместный просмотр фотографий создавал атмосферу доверия и позволил на более глубоком уровне обсудить фотожурналистику и то, как происходящие внутри этой сферы процессы борьбы отражаются на фото-

графиях. Фоторепортеры по-разному относятся к темам, касающимся фотожурналистики как профессии. Среди таких тем есть «привилегированные» (вопросы этики, работа в зоне конфликта), «неинтересные» (съемки иллюстративного материала, не требующие собственно репортерской работы), замалчиваемые (корпоративные правила агентства, коммерциализация фотожурналистики, отношения с конкурентами). В некоторых случаях фотографии провоцировали такие рассказы, которые в классическом интервью могли быть цензурированы. Так, попросив рассказать о фотографии обутой в туфлю ноги женщины-политика, мы узнали о том, как фотографы иногда сопротивляются навязываемым редакторами модам. *«Я тогда вернулся из N, а тут этот новый редактор. И он мне все говорил, что надо теперь снимать детали. Я увидел этот каблук и думаю, хотите детали, пожалуйста. Это была шутка. А он опубликовал эту фотографию. Еще тогда начали говорить, что с косым горизонтом интереснее. Я всегда снимал с прямым. Тогда мы с коллегой из другого агентства договорились снимать все фотографии во время NN только с косым горизонтом и снять по одной с прямым. И что вы думаете? Именно эти фотографии и были опубликованы. С прямым. То есть мы показали, что правы, что прямой горизонт по-прежнему всем нужен».*

Менее успешной оказалась «борьба» другого фоторепортера с конкурентами. Он достаточно оживленно рассказывал о том, как любит снимать показы мод и различные мероприятия со звездами шоу-бизнеса. Его основная аргументация сводилась к тому, что на таких мероприятиях комфортно работать, так как во многом они именно для фотографа и организуются. Однако на просьбу рассказать о том, как проходила съемка показа мод на примере конкретной фотографии, фоторепортер неожиданно поделился менее радостным опытом. Посмотрев внимательно на фотографию с дефиле, он сказал: *«Не по центру снято, видишь. Там война. Фотографов слишком много. Есть те, которые снимают только моду. Они ездят по миру за всеми дефиле. Они всегда занимают центральные места, они помогают друг другу, ведь они всегда вместе. Меня уже знают и мне, конечно, дают возможность снять. Не по центру».* Ни один фотограф не рассказывал подобного во время интервью, хотя, когда мы начинали спрашивать более прямо («А как относятся к агентским фотографам те фотографы, которые снимают только моду?»), они подтверждали рассказ нашего информанта. Таким образом, фотовопросы оказались способны прояснять не только то, что мы не знали, но и то, о чем даже не предполагали спрашивать. Отметим здесь, что возникновение неожиданных тем является характерной чертой интервью с фотографиями. Фотографии могут сами генерировать темы, на которые ни исследователи, ни информанты не предполагали говорить. (Например, О. Саркисова и О. Шевченко вышли на разговор о религии информанта, потому что смогли на фотографии из семейного архива увидеть признаки принадлежности к старообрядчеству [11]).

Итак, основными достижениями применения метода фотоинтервью в исследовании фотожурналистов стали возможность изучить практики отклонения от формата агентства, выход интервью о профессиональных прак-

тиках за пределы самопрезентации профессионалов, контекстуализация принятия визуальных решений, открытие «изнанки» профессии.

Применение метода фотоинтервью сопровождалось определенными сложностями, на которых мы хотели бы остановиться, так как их анализ может быть полезен тем, кто будет использовать метод фотоинтервью в исследовании профессионалов производства визуального.

Как и в традиционном интервью, успех фотоинтервью определяется во многом правильно сформулированными вопросами, которые не блокируют нарратив информанта, но при этом позволяют узнать что-то по исследуемой теме. Затруднения в нашем случае вызвал как отбор фотографий, так и вопросы, которые мы к ним задавали.

Выбор фотографий был осуществлен самим исследователем, так как нагружать такой работой информантов не представлялось возможным. Как уже отмечалось, мы старались, чтобы в каждом наборе были фотографии разных сюжетов, в том числе не значимых с журналистской точки зрения. Кроме того, мы включали в набор для интервью фотографии, которые, как нам казалось, отличаются визуально или сюжетно от большинства фотографий агентств. Однако сами фоторепортеры привыкли к отбору по другим принципам, поэтому включение в интервью, например, фотографий логотипов коммерческих компаний удивляло и фрустрировало их, так как это не та работа, которой они гордятся. Заметив это, мы стали включать в набор фотографии, которые были отмечены какими-либо наградами, названы «фотографией месяца» и т.п., мы также несколько раз подчеркивали, что наш выбор не связан с художественной или новостной ценностью фотографии, что мы стремимся узнать и рутинную сторону их работы.

Вопросы, которые задавались к фотографиям, звучали максимально общо. Мы исходили из гипотезы, что просьба рассказать о работе по съемке и редактированию фотографии позволит нам узнать о существенной части процесса принятия решений в бюро, которые привели к выставлению на ленту именно такой фотографии. Тем не менее большинство ответов начиналось с объяснения события, его новостной значимости в контексте других событий. Только потом, за счет дополнительных вопросов («*А вы помните, как решили снимать этот сюжет?*», «*Вот вы приехали на место и там что...?*») удавалось восстановить картину производства. Так как различные формулировки вопроса не помогали избежать рассказа о журналистской составляющей репортажа, мы пришли к выводу, что феномен заслуживает отдельной рефлексии. Анализируя его вместе с высказываниями из вербальной части интервью о профессиональной идентичности («*фотожурналист прежде всего журналист*»), мы пришли к выводу, что, объясняя новость, информанты действительно отвечали на поставленный вопрос о работе над фотографией. Рассматривать событие как новостное, видеть его в контексте актуальной повестки, вычленять «интересное, с точки зрения журналиста» – часть его работы. Новости не являются контекстом работы фотожурналиста, они – сама его работа. Знание внешней политики РФ – это не дополнительное условие фотографирования министра иностранных дел, а то, что делает эту съемку осмысленной. Таким образом, анализ систематически возникающего «сбоя» во время фотоинтервью привел нас к пониманию связи, ко-

торая существует между журналистской и визуальной составляющей в пространстве смыслов, вкладываемых фоторепортером в свою работу. Применяя метод фотоинтервью в исследованиях повседневных практик (в том числе рутинных действий профессионала), важно иметь в виду смыслы фотографии, формирующиеся в ее социальных применениях.

Метод фотоинтервью показал себя как продуктивный метод при исследовании производства визуальной культуры и профессиональных практик. Вслед за основоположниками метода фотовопросов Дж. Кольером и Д. Харпером мы констатируем, что фотографии, включенные в интервью, могут стать «мостом взаимопонимания» между исследователем и исследуемым. Именно взаимопонимание придает беседе осмысленность, а его участникам – уверенность, позволяет исследователю задавать больше вопросов, а исследуемому давать более детальные и рефлексивные ответы.

Безусловно, не каждая профессия регулярно создает визуальные свидетельства своей деятельности. Тем не менее, учитывая тенденции ко всей большей визуализации повседневной жизни, таких «свидетельств» становится все больше. Как отметил П. Бурдые, «социальное применение фотографии осуществляет в поле возможных применений фотографии структурированный отбор согласно категориям, организующим обычное мировидение» [12. С. 124]. Если сегодня это применение расширилось так, что сюжетом фотографий становится будничное, происходящее на работе, то это открывает для исследователей большие возможности изучения категоризации смыслов различных профессиональных групп. В случае, если сама профессиональная практика производит тот или иной визуальный продукт, то метод фотоинтервью представляет особенный ресурс. Наше исследование показало, что этот метод хорошо сочетается с антропологическим подходом к изучению профессий, позволяет изучать нюансы «борьбы за социальный контроль повседневных практик между профессией <...> и организацией» [13. С. 111]. В исследовании производства новостной фотографии метод фотоинтервью позволил понять роль профессионального сообщества в производстве фотографии, установить, как культура новостного производства обуславливает визуальные решения фотожурналиста.

Литература

1. *Becker H. S. Photography and Sociology // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1974. № 1. P. 3–26.*
2. *Images of information: Still photography in the social sciences / Ed. by J. Wagner. Beverly Hills: Sage, 1979. 311 p.*
3. *Harper D. Visual Sociology: Expanding Sociological Vision // The American Sociologist. Spring, 1988. P. 54–70.*
4. *Рождественская Е.Ю. Перспективы визуальной социологии // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 70–83.*
5. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптик / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», 2009. С. 7–16.*
6. *Запольская А.Б. Метод фотоинтервью в социальных исследованиях: аналитический обзор // Социология. М., 2014. № 2.*
7. *Rose G. Visual methodologies. London: Sage, 2011. 408 p.*

8. Radley A. What people do with pictures // *Visual Sociology*. 2010. Vol. 25, № 3. P. 268–279.
9. Круткин В.Л. Фоторепортаж как источник социологической информации // *Социологические исследования*. 2012. № 3. С. 65–76.
10. Запольская А.Б. Производство новостной фотографии: аналитические ресурсы социальных наук // *Вестник СамГУ. Гуманитарная серия*. 2014. № 5. С. 30–36.
11. Саркисова О., Шевченко О. В поисках советского прошлого: Любительская фотография и семейная память // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 131. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5828>
12. Бурдые П. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М.: Практикс, 2014. 456 с.
13. Щепанская Т.Б. Символизация повседневности и неформальный контроль в профессиональном сообществе // *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 85–112.

Alexandra B. Zapolskaya/ School of Economics (Moskou, Russian Federation). E-mail: ajmulder@yandex.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/12

PHOTO-ELICITATION INTERVIEW IN THE RESEARCH OF PROFESSIONAL PRODUCTION OF THE VISUAL

Key words: *visual methods, photo-elicitation interview, sociology of professions, visual sociology, photography, visualization.*

The paper considers sociological appliance of one of the visual methods – photo-elicitation interview. The method implies interviews that use photographs as motivation for informants' responses and reflection. Despite the interest in visual culture in the contemporary social sciences the method is hardly ever used in the analysis of its production. There are works with photo-elicitation interviews that include the analysis of visual dimensions of the researched phenomena as well as photographic conventions. However the photo-elicitation interviews have not been used in order to get the narratives of the professional producers of the visual.

The author presents her own experience of using of the method in the research of production of news images and shows its advantages and difficulties. The research was focused on the production process in the practice of employee of the photo department of major wire services. The ethnographic observation of the work of the photo departments showed that the photography should not be considered as something that appears at the end of the «production chain». Rather it should be noted that photography is present in all everyday practices of photojournalists. The traditional interviews allowed grasping the principles that guide the news images production in wire services. However, the informants had difficulties in giving examples and demonstrating how those principles are applied or missed in their professional practices. Thus, the photo-elicitation method was used so that the informant could have their own news photographs to rely on while sharing their experience. Moreover, the questions concerning concrete visual decisions were easier to ask having actual examples before the eyes. The photo-elicitation interviews made possible to study the practices of deviance from the visual format of wire services, to get the narratives on professional practices beyond self-representations of professionals, to contextualize the decision-making process concerning visual and to see the backstage of profession. The method proved to be fruitful for studies of professional production of the visual as well as for the studies of professional practices and the principles of visualization.

References

1. Becker, H.S. (1974) Photography and Sociology. *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. 1. pp. 3–26.
2. Wagner, J. (ed.) (1979) *Images of information: Still photography in the social sciences*. Beverly Hills: Sage.
3. Harper, D. (1988) Visual Sociology: Expanding Sociological Vision. *The American Sociologist*. 19(1). pp. 54–70. DOI: 10.1007/BF02692374
4. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2008) Perspektivy vizual'noy sotsiologii [Prospects for visual sociology]. *Sotsiologicheskij zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 70–83.
5. Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. Vzgl'yady i obrazy: metodologiya, analiz, praktika [The views and images: methodology, analysis, and practice]. In: Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (eds) *Vizual'naya antropologiya: nastroyka optik* [Visual Anthropology: optical mastering]. Moscow: Variant. pp. 7–16.

6. Zapolskaya, A.B. (2014) Metod fotointerv'yu v sotsial'nykh issledovaniyakh: analiticheskiy obzor [Photointerview in social studies: the analytical review]. *Sotsiologiya*. 2.
7. Rose, G. (2011) *Visual methodologies*. London: Sage.
8. Radley, A. (2010) What people do with pictures. *Visual Sociology*. 25 (3). pp. 268-279. DOI: 10.1080/1472586X.2010.523279
9. Krutkin, V.L. (2012) Fotoreportazh kak istochnik sotsiologicheskoy informatsii [The photo report as a source of sociological information]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 65-76.
10. Zapolskaya, A.B. (2014) Production of news photography: analytical resources of social sciences. *Vestnik SamGU. Gumanitarnaya seriya – Vestnik of Samara State University. Humanitarian Series*. 5. pp. 30-36. (In Russian).
11. Sarkisova, O. & Shevchenko, O. (2015) V poiskakh sovetskogo proshlogo: Lyubitel'skaya fotografiya i semeynaya pamyat' [In search of the Soviet past: Amateur photography and family memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 131. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5828>.
12. Bourdieu, P., Boltansky, L., Castel, R. & Chamboredon, J.-C. (2014) *Obshchedostupnoe iskusstvo: opyt o sotsial'nom ispol'zovanii fotografii* [Public art: the experience of the social use of photography]. Translated from French by B. Skuratov. Moscow: Praxis.
13. Shchepanskaya, T.B. (2011) Simvolizatsiya povsednevnosti i neformal'nyy kontrol' v professional'nom soobshchestve [Symbolization of everyday life and informal control in the professional community]. In: Yarskaya-Smirnova, E.R. & Romanov, P.V. (eds) *Antropologiya professiy, ili Postoronnim vkhod razreshen* [Anthropology of professions, or Access is allowed]. Moscow: Variant. pp. 85–112.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балуев Дмитрий Геннадьевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладного политического анализа, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). E-mail: dbalu@yandex.ru

Бобыло Андрей Михайлович, кандидат политических наук, докторант, кафедра международных отношений Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток). E-mail: sibiryak_84@mail.ru

Вандышева Елена Александровна, старший преподаватель, кафедра прикладной политологии, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: vandisheva@gmail.com

Гаврилов Алексей Александрович, преподаватель, майор запаса, военная кафедра, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (г. Томск). E-mail: aleks_gavr@sibmail.com

Гаврилов Илья Алексеевич, магистр политических наук, аспирант, кафедра политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: iluha_gia@mail.ru

Запольская Александра Борисовна, аспирант факультета социальных наук Национального Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики (департамент социологии, кафедра Анализа социальных институтов) (г. Москва). E-mail: ajmulder@yandex.ru

Каминченко Дмитрий Игоревич, магистр политологии, аспирант, кафедра прикладного политического анализа и моделирования, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Кирдяшкин Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, Научный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: kirdjkin@mail.ru

Королева Татьяна Алексеевна, кандидат политических наук, доцент, кафедра рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (г. Санкт-Петербург). E-mail: korolevaliki@mail.ru

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, профессор, кафедра рекламы и связей с общественностью Школы гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток). E-mail: skpfox@mail.ru

Скочилова Вероника Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра политологии, Научный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: veronassk@gmail.com

Соловьев Константин Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра политической истории, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва). E-mail: ksoloviov@spa.msu.ru, solovka-05@yandex.ru

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной политологии, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: asungurov@mail.ru

Сухинин Сергей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: suhmax@mail.ru

Сущенко Максим Алексеевич, учитель истории и обществознания, соискатель ученой степени кандидата политических наук, кафедра политических наук, факультет политических наук и социологии, Кемеровский государственный университет, муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 1» (г. Кемерово). E-mail: spacemirror@mail.ru

Трунтягин Александр Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, кафедра высшего спортивного мастерства факультета физической культуры и спорта, Томский государственный педагогический университет (г. Томск). E-mail: kurt101@mail.ru

Трунтягин Алексей Александрович, кандидат политических наук, директор ООО «Управляющая компания «Универмаг», помощник депутата Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Томск). E-mail: kurt101@mail.ru

Щербинин Алексей Игнатьевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: shai52@mail.ru

Щербинина Нина Гаррьевна, доктор политических наук, профессор, кафедра политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: shai52@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE**

2015. № 3 (31)

Редактор *В.С. Сумарокова*

Оригинал-макет *Т.В. Дьяковой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 10.08.2015.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ. л. 7,4; усл. печ. л. 10,4; уч.-изд. л. 10,7.

Тираж 100 экз. Заказ № 1187.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома

Томского государственного университета,

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49

<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru

